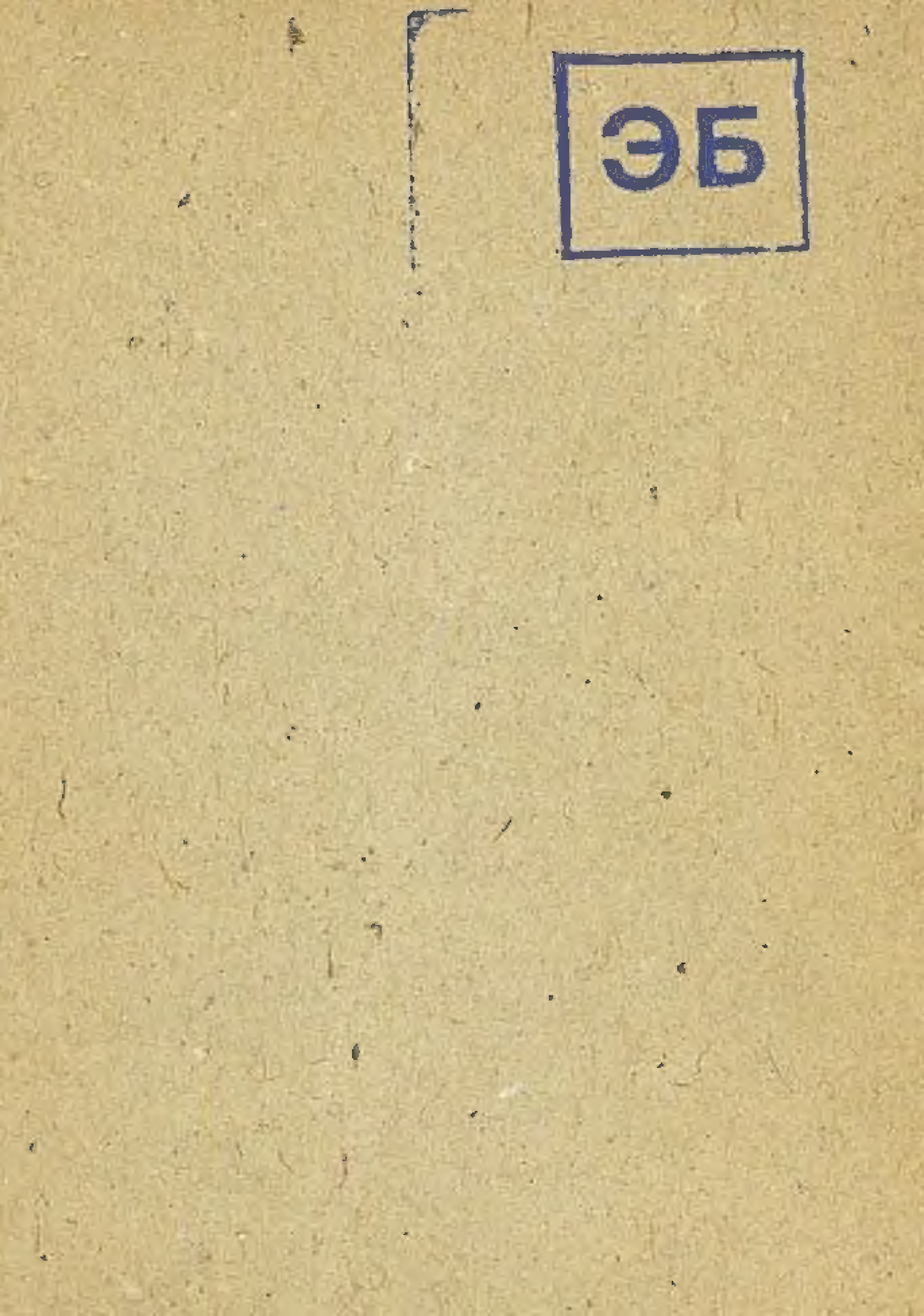

E 66
63

ЭБ

ИМПЕРАТРИЦА

АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

В. И. Яковлевымъ.

МОСКВА.

1867.

Дозволено цензурой. Москва 9-го августа 1866 г.

Полтора мѣсяца тому назадъ въ Лейпцигѣ напечатана въ двухъ частяхъ книга *Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland*, von R. Th. von Grimm. Въ сочиненіи этомъ изложена довольно подробная біографія покойной императрицы, и очерчена ея придворная и семейная жизнь; авторъ книги, близко стоявшій къ августѣйшей особѣ, будучи воспитателемъ втораго ея сына Великаго Князя Константина Николаевича, писалъ многое по своимъ воспоминаніямъ, а свѣдѣнія о тѣхъ событіяхъ, которыхъ не могъ быть очевидцемъ, почерпалъ изъ достовѣрныхъ источниковъ; между прочими ему сообщалъ свои личныя воспоминанія и адмиралъ Литке, просматривавшій сверхъ того и рукопись его сочиненія. Г. Гриммъ

пользовался расположенiемъ императрицы Александры Θеодоровны; онъ сопутствовалъ ей въ первую ея поѣздку въ Италiю въ 1845 — 1846 годахъ; въ 1852 году, дабы поправить свое здоровье, онъ удалился въ Дрезденъ, но былъ вызванъ оттуда ко двору ея величества въ 1858 году. 8-го сентября 1860 года онъ имѣлъ счастье кушать въ кабинетѣ государыни, а 20-го октября онъ лобызалъ еще теплую руку только что усопшей императрицы. Книга Гримма, содержащая въ себѣ для иностранца много интересныхъ данныхъ о придворномъ русскомъ бытѣ, о религiозныхъ обрядахъ православной церкви, къ которой авторъ относится всегда съ уваженiемъ, имѣетъ и для насъ, Русскихъ, нѣкоторое значенiе, какъ первая, довольно подробная и добросовѣстно составленная бiографiя Августѣйшей Родительницы нынѣ царствующаго Государя Императора. Мы представляемъ читателямъ извлеченiе изъ этой книги, касаясь только того, что̀ прямо относится до жизни государыни, и опуская тѣ свѣдѣнiя, которыя авторъ по-

черпнулъ изъ русскихъ печатныхъ и всѣмъ извѣстныхъ источниковъ, отчего, однако, надѣемся, нашъ очеркъ не потеряетъ ни своей полноты, ни послѣдовательности въ разказѣ. Мы пополнили кромѣ того новыми свѣдѣніями нѣкоторые факты изъ царствованія Николая I, входящіе въ нашъ очеркъ. Читатель увидитъ самъ, что это пополненіе сдѣлано по русскимъ источникамъ, не бывшимъ извѣстными г. Гримму.

I.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луиза.—Рожденіе принцессы Шарлотты.—Бѣгство королевской фамиліи.—Воспитаніе принцессы въ Кенигсбергѣ.—Торжественное возвращеніе въ Берлинъ.—Смерть королевы.—Александръ I въ Берлинѣ.—Знакомство принцессы съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.—Торжественная помолвка въ Берлинѣ.—Два года до свадьбы.—Путешествіе принцессы въ Россію.—Свиданіе съ императрицею Маріею Өеодоровною.—Въѣздъ въ С.-Петербургъ.

Король Фридрихъ Вильгельмъ III вступилъ на прусскій престолъ въ 1797 году, въ самое бурное время: передъ его глазами старѣйшій христіанскій престолъ былъ внезапно низвергнутъ; старѣйшая республика въ Европѣ исчезла; лѣвый берегъ Рейна уступленъ французской директоріи; политическое равновѣсіе Европы нарушено; съ каждымъ днемъ прославлялись новыя имена побѣдителей. Еще въ первый годъ этого тревожнаго царство-

ванія, 13-го іюля 1798 года, королева Луиза разрѣшилась отъ бремени въ Берлинѣ дочерью, которую назвали принцессой Шарлоттой. Двадцатидвухлѣтняя королева, пользовавшаяся необычайною популярностью во всей Германіи, провела всю жизнь почти среди тревогъ и несчастій; она находила себѣ отдыхъ и утѣшеніе лишь въ своей семьѣ; она была примѣрною матерью и рѣдкою супругой, чѣмъ особенно снискала себѣ всеобщую любовь и популярность. Женщина чрезвычайно религіозная, она начала сама преподавать основанія религіи своей дочери, когда этой послѣдней минуло лишь семь лѣтъ; но въ это время вспыхнула война съ Франціей, и ребенокъ - принцесса простилась съ своими родителями, которые отправились въ Тюрингенъ, гдѣ тогда находилась прусская дѣйствующая армія. При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ въ Іенѣ, королева оставила Веймаръ 14-го октября и еще до возвращенія своего въ Берлинъ получила грустную вѣсть о полномъ пораженіи прусской арміи. Ко-

ролева съ своими дѣтьми должна была бѣжать изъ Берлина и укрылась сначала въ Кенигсбергѣ, потомъ въ Мемелѣ, куда переѣхала совсѣмъ больная; въ 1807 году она вернулась въ Кенигсбергъ, но вскорѣ Французы угрожали и этому городу; было время, когда королева помышляла найдти себѣ и дѣтямъ убѣжище въ Ригѣ.

Королевская семья въ Мемелѣ терпѣла крайнюю нужду; Фридрихъ Вильгельмъ III, вынужденный отказаться болѣе нежели отъ половины своей монархіи, велъ самую скромную жизнь, даже не чуждую лишеній. Никакой роскоши не было допущено при дворѣ; король все свое золото и серебро превратилъ въ монету, чтобъ облегчить участь своихъ подданныхъ; нужда была до того велика, что когда принцессѣ Шарлоттѣ нужно было новое платье, то король могъ ей дать на покупку онаго всего пять талеровъ. Королева Луиза вся отдалась воспитанію дѣтей и находила свое счастіе въ утѣшеніяхъ материнскаго чувства. „Наши дѣти — наше сокровище“,

писала она тогда своему отцу, и описывая характеръ каждаго изъ его внучатъ, прибавляла: „Дочь моя Шарлотта сосредоточеннаго характера, но, подобно отцу, скрываетъ подъ кажущеюся холодною наружностью теплое сердце, полное участія къ ближнему; въ ея натурѣ есть величіе. Если Господь сохранитъ ея жизнь, я предчувствую, что будущность ея будетъ блестящая.“

Въ началѣ 1808 года королевское семейство переселилось въ Кенигсбергъ; здѣсь продолжалась для него та же кроткая, тихая жизнь, которая болѣе походила на жизнь простыхъ гражданъ. Дѣти королевы Луизы проводили время въ прогулкахъ по садамъ и полямъ, въ окрестностяхъ дворца; сколько разъ принцесса Шарлотта считала себя счастливою надѣть на голову матери сплетенный ею самой вѣнокъ изъ васильковъ! Здѣсь же королевскія дѣти, знакомясь съ сверстниками изъ разныхъ классовъ общества, пріучались понимать тѣ различія, которыя жизнь устанавливаетъ между людьми. Королева Луиза, какъ мы уже сказали, очень

заботилась о воспитаніи своихъ дѣтей; при дворѣ ея находились Гуфеландъ, профессоръ Сювернъ, принцъ Гогенцоллернскій, аббатъ оливскій, епископъ эрмеландскій; она была очень заинтересована воспитательною методой Песталоцци. Знаменитый Жанъ-Поль Рихтеръ былъ другомъ королевской семьи и лучшее свое произведеніе *Титанъ* написалъ для принцессы Шарлотты и ея сестры.

23-го декабря 1809 года, королева, сопутствуемая старшимъ сыномъ Карломъ и дочерью Шарлоттой, возвратилась въ Берлинъ; она въѣхала торжественно въ каретѣ, которую ей выслалъ городъ. Встрѣча столичныхъ жителей была самая восторженная. Но рядъ потрясающихъ событій и перемѣнъ въ жизни ослабилъ здоровье королевы; дни ея были изочтены; празднуя свое рожденіе 10-го марта, она пророчески сказала, что празднуетъ его въ послѣдній разъ, и дѣйствительно, чрезъ четыре мѣсяца, 19-го іюля, она уже скончалась. Вся Германія оплакала королеву. Принцессѣ Шарлоттѣ былъ

тогда только двѣнадцатый годъ; за нѣсколько дней до смерти своей матери, она написала къ ней такое трогательное письмо, что больной нельзя было дозволить прочесть его до конца.

Убитый горемъ, король не оставилъ, однако, заботы объ образованіи дѣтей и ввѣрилъ воспитаніе принцессы Шарлотты госпожѣ Вильдерметтъ, достойной, умной образованной особѣ, съ которою королевская дочь не разлучалась до самой ея смерти. Госпожа Вильдерметтъ удачно избрала преподавателей для своей питомицы: Гарнишъ, Вольтманъ и Гиртъ умѣли возбудить въ принцессѣ интересъ къ изученію исторіи, литературы и искусства, остававшійся въ силѣ до конца ея жизни. Принцесса Шарлотта сдѣлалась лучшимъ утѣшеніемъ отца и уже почти съ дѣтства должна была привыкать къ торжественнымъ офиціальнымъ пріемамъ и придворному этикету, замѣняя на выходахъ во дворцѣ свою мать. Между тѣмъ, политическія событія совершались съ необычайною быстротой; исторія человѣчества никогда

не представляла такихъ колоссальныхъ перемѣнъ въ судьбахъ государствъ и народовъ, которыя совершались по волѣ одного человѣка. Но и баловню счастья предстояло поплатиться. За отечественною войной послѣдовалъ союзъ Россіи и Пруссіи. Императоръ Александръ I имѣлъ въ Бреславлѣ свиданіе съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, и они заключили между собою союзъ противъ общаго врага. Свидѣтельницей бреславскаго свиданія была принцесса Шарлотта. Послѣдствія этого свиданія слишкомъ извѣстны. На шестнадцатомъ году жизни принцесса была свидѣтельницей патріотическаго движенія, объявшаго тогда Германію. Она пережила боязнь за исходъ борьбы съ титаномъ и вкусила радость побѣдныхъ извѣстій. Когда принцесса праздновала въ семнадцатый разъ день рожденія, Наполеонъ былъ уже второй разъ низвергнутъ съ престола; она привѣтствовала возвращавшихся чрезъ Берлинъ побѣдителей, несшихъ съ собой вѣсть о мирѣ, котора-

го такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ жаждала Европа.

Судьба принцессы была рѣшена во время заключительныхъ событій этой борьбы. Освободитель Европы, императоръ Александръ I, еще до взятія Парижа, призвалъ во Францію къ дѣйствующей арміи своихъ братьевъ, великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Они ѣхали чрезъ Берлинъ, гдѣ пробыли самое короткое время, но этого времени было достаточно, чтобы рѣшить судьбу Николая Павловича. Онъ познакомился съ принцессой Шарлоттой и полюбилъ ее. Съ свойственною характеру великаго князя прямотой, онъ не скрылъ своего чувства отъ императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма; хотя оба вполнѣ одобряли этотъ выборъ сердца, но они не рѣшались освятить его полнымъ согласіемъ, не зная воли принцессы. Съ этой стороны, однако, не было затрудненія для выполненія желанія великаго князя: сердце принцессы само откликнулось на призывъ брата русскаго императора, и еще прежде не-

жели отецъ спросилъ ее о томъ, Шарлотта, въ письмѣ къ своему брату Вильгельму, уже выразила то впечатлѣніе, которое произвелъ на нее Николай Павловичъ. Тогда императору и королю осталось дождаться лишь согласія императрицы Маріи Θеодоровны, чтобъ объявить рѣшеннымъ союзъ любящихъ сердецъ.

Великій князь Николай Павловичъ вторично прибылъ въ Берлинъ 22-го октября 1815 года, чрезъ два дня послѣ него прибылъ императоръ Александръ I, и вслѣдъ за тѣмъ великая княгиня Екатерина Павловна, вдова герцога Ольденбургскаго, и великая княгиня Марія Павловна Веймарская. 4-го ноября вступилъ въ Берлинъ русскій гренадерскій полкъ, шефомъ котораго былъ прусскій король. Въ тотъ же день былъ данъ торжественный обѣдъ во дворцѣ. Приглашенныя почетныя лица сидѣли за столомъ въ большой залѣ; рядомъ въ другой залѣ кушали члены императорской и королевской фамилій; въ этотъ семейный кружокъ были приглашены толь-

ко два старца: Блюхеръ и Барклай-де-Толли. Среди обѣда, императоръ и король поднялись съ своихъ мѣстъ и провозгласили здоровье помолвленныхъ великаго князя Николая Павловича и принцессы Шарлотты. Блюхеръ и Барклай-де-Толли передали этотъ тостъ въ сосѣднюю залу, и всѣ приглашенные къ королевскому столу поспѣшили принести свое поздравленіе.

На другой день помолвки, Николай Павловичъ съ невѣстой посѣтили могилу королевы Луизы въ Шарлоттенбургѣ. Три недѣли пребыванія русскаго двора въ Берлинѣ были рядомъ непрерывныхъ праздниковъ, въ которыхъ принимало участіе все городское населеніе. Въ оперномъ театрѣ данъ былъ балъ, который открыли обрученные; такой же балъ давало городское общество въ драматическомъ театрѣ. Вскорѣ по отъѣздѣ изъ Берлина императора Александра I и великаго князя Николая Павловича, столицу Пруссіи посѣтила, на обратномъ пути въ С.-Петербургъ, императрица Елизавета Алексѣевна, которая передъ тѣмъ провела

два года на своей родинѣ въ Карлсруэ.

Высоконареченная невѣста цѣлые два года занималась передъ свадьбой изученіемъ русскаго языка и основаній того вѣроисповѣданія, которое должна была принять, вступая въ императорскую семью. Законоучителемъ ея былъ достойный протопресвитеръ Музовскій. Великій князь довольно часто посѣщалъ свою невѣсту и проводилъ въ Берлинѣ довольно долгое время; ему особенно нравился тутъ полный простоты бытъ, который рѣзко отличалъ жизнь прусскаго королевскаго семейства отъ этикета и придворной помпы, составлявшихъ принадлежность императорскаго двора. Здѣсь великій князь былъ свободенъ, независимъ; здѣсь онъ имѣлъ случай выказать свой умъ и чрезвычайную веселость. Эти свиданія сблизили будущихъ супруговъ и еще болѣе укрѣпили между ними то чувство взаимной любви и привязанности, которое сказалось при первомъ свиданіи.

Отъѣздъ принцессы Шарлотты въ

Россію былъ назначенъ 12-го іюня 1817 года; король, братья и сестры принцессы провожали ее до первой станціи, а принцъ Вильгельмъ, второй братъ, нынѣшній король прусскій, отправился съ нею вмѣстѣ въ С.-Петербургъ. Небольшую свиту будущей великой княгини составляли: оберъ-гофмейстерина, графиня Гааке (Haake), графиня Трухфессъ и воспитательница принцессы, госпожа Вильдерметтъ; баронъ фонъ-Шильденъ, оберъ-гофмейстеръ; графъ Лоттумъ, камергеръ; докторъ Буссе и протопресвитеръ Музовскій. Весь поѣздъ состоялъ изъ двѣнадцати каретъ, включая и тѣ, въ которыхъ везли приданое. Принцесса ѣхала въ каретѣ, заложенной восемью лошадьми. У воротъ каждаго города невѣсту встрѣчали молодыя городскія дѣвушки и привѣтствовали ее стихами, которыхъ на этотъ случай было написано безчисленное множество. Многимъ старымъ Пруссакамъ принцесса напоминала покойную королеву Луизу.

Въ Данцигѣ, куда поѣздъ прибылъ на пятый день, онъ остановился на два

дня; принцесса Шарлотта посѣтила здѣсь близъ лежащій монастырь Олива, имѣющій такое важное значеніе въ исторіи Пруссіи, и видѣлась съ епископомъ эрмеландскимъ, котораго она въ дѣтствѣ такъ часто встрѣчала въ Мемелѣ и Кенигсбергѣ. Два дня путешествія привели принцессу въ послѣдній городъ, гдѣ въ ея памяти должна была живо представиться панорама тѣхъ тяжкихъ впечатлѣній, которыя она пережила въ этой мѣстности. Въ пограничномъ прусскомъ городѣ Мемелѣ невѣсту встрѣтилъ женихъ и самъ повезъ ее въ Россію. Первая остановка здѣсь была въ Митавѣ, затѣмъ въ Ригѣ, гдѣ генералъ-губернаторъ, маркизъ Паулуччи, приготовилъ августѣйшимъ путешественникамъ торжественную встрѣчу.

На одной изъ ближайшихъ станцій къ С.-Петербургу, самъ императоръ встрѣтилъ свою будущую невѣстку, и на восемнадцатый день путешествія принцесса прибыла въ Гатчину, откуда, чрезъ Царское Село, отправилась въ Павловскъ, любимое мѣстопребыва-

ніе вдовствовавшей императрицы. Александръ I все время выказывалъ будущей невѣсткѣ ту рыцарскую предупредительность и любезность, которой удивлялась въ немъ вся Европа. Марія Θеодоровна обняла невѣсту и выказала ей болѣе нежели обычное, нѣжное расположеніе, которое очаровало принцессу. Императоръ представилъ своей августѣйшей матери принца Вильгельма словами: „Представляю вамъ моего новаго брата“.—„Значитъ, у меня будетъ однимъ сыномъ болѣе“, отвѣчала императрица, которой тогда было уже пятьдесятъ восемь лѣтъ, но которая еще вполнѣ сохранила бодрость и величественность, отличавшія ее во всю жизнь. Новость впечатлѣній до того поразила невѣсту, что она растерялась. Императрица Елисавета Алексѣевна сама подошла къ принцессѣ съ словами: „Не найдется ли у васъ и для меня ласковаго взгляда?“

Путешественница отправилась отдохнуть въ свою комнату, но не надолго, потому что, не дожидаясь прибытія своего туалета, должна была въ

тотъ же день пожаловать къ царскому столу. Здѣсь ее въ первый разъ видѣлъ весь дворъ. На другой день былъ торжественный въѣздъ въ С.-Петербургъ; передъ самымъ городомъ августѣйшая невѣста сѣла въ золоченую карету вмѣстѣ съ обѣими императрицами и поѣхала тихимъ шагомъ вдоль Невскаго проспекта, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли выстроенные въ парадныхъ мундирахъ гвардейцы. Въ Зимній дворецъ принцесса вошла съ большаго крыльца, отпираемаго лишь въ торжественныхъ случаяхъ; здѣсь прежде всего она вступила въ церковь и въ первый разъ въ жизни приложилась, по православному обычаю, къ святому кресту. Затѣмъ принцесса показалась народу на большомъ балконѣ, который выходитъ на площадь, гдѣ теперь стоитъ Александровская колонна. Здѣсь войско и народъ встрѣтили будущую великую княгиню оглушительнымъ *ура*. Принцесса чрезвычайно утомилась отъ всѣхъ этихъ торжественныхъ церемоній.

II.

Присоединеніе принцессы Шарлотты къ православію. — Обрученіе великаго князя Николая Павловича. — Праздники по случаю свадьбы. — Молодые у вдовствующей императрицы въ Павловскѣ. — Принцъ Вильгельмъ.

Первые пять дней своего пребыванія въ С.-Петербургѣ принцесса провела уединенно, въ своихъ комнатахъ, въ сообществѣ протопресвитера Музовскаго, который приготовлялъ ее къ переходу въ православіе и старался возобновить въ ея памяти все то, что̀ онъ ей внушалъ о новомъ для нея вѣроисповѣданіи. Въ Ивановъ день, 24-го іюня, императоръ Александръ явился предъ собравшимся дворомъ, въ сопровожденіи принцессы, одѣтой въ бѣлое платье съ крестомъ на груди; не совсѣмъ твердымъ русскимъ языкомъ произнесла принцесса символъ вѣры. Рядомъ съ новопринимаемою въ лоно православной церкви, облаченною въ

бѣлое, стояла монахиня вся въ черномъ, ея воспріемница. Чрезъ часъ принцесса Шарлотта сдѣлалась великою княжной Александрой Ѳеодоровной; имя ея было измѣнено въ честь крестнаго отца, императора.

25-го іюня былъ двойной праздникъ въ императорской семьѣ. Это былъ день совершеннолѣтія великаго князя Николая Павловича и день его обрученія. Въ первый разъ еще Александра Ѳеодоровна появилась въ роскошномъ русскомъ одѣяніи и поразила всѣхъ своею красотой. Скромная дочь прусскаго короля, проведшая свою юность вдали отъ роскоши, была изумлена тѣми богатыми подарками, драгоцѣнными каменьями, золотомъ, жемчугомъ, которыми ее осыпали наканунѣ дня свадьбы. Этотъ торжественный день съ утра былъ возвѣщенъ петербургскимъ жителямъ пушечными выстрѣлами; прусскія дамы, сопровождавшія свою принцессу, убрали кровать невѣсты красными розами, и когда она проснулась среди этихъ цвѣтовъ, госпожа Вильдерметтъ привѣтствовала ее съ букетомъ бѣлыхъ

розъ въ рукѣ. Когда невѣста одѣлась, ее отвели въ бриллiантовую залу, рядомъ съ комнатой императрицы Марiи Θеодоровны. Здѣсь ее облекли въ пурпуровую мантiю на горностаевомъ мѣху и убрали ея костюмъ бриллiантами и драгоцѣнными каменьями въ такомъ множествѣ, что невѣстѣ было не легко нести на себѣ это богатство. Ко всему роскошному украшенiю, невѣста прибавила отъ себя лишь бѣлую розу, символъ ея жизни. Обрядъ вѣнчанiя былъ совершенъ въ дворцовой церкви, за нимъ слѣдовалъ парадный обѣденный столъ и въ половинѣ десятаго балъ. Въ десять часовъ вечера молодые должны были отправиться въ отведенный для ихъ жительства Аничковъ дворецъ, но тутъ для молодой готовился самый прiятный сюрпризъ. Когда она съ молодымъ мужемъ сходила съ лѣстницы, предшествуемая императрицей-матерью, къ ней быстро подошелъ запыленный курьеръ, привезшiй поздравленiе и благословенiе на новую жизнь отъ отца великой княгини. Мо-

лодые со слезами встрѣтили королевскій привѣтъ и прижали его къ своимъ губамъ. Въ Аничковомъ дворцѣ молодыхъ встрѣтили императоръ и императрица Елисавета Алексѣевна, по русскому обычаю, съ хлѣбомъ-солью. Знаменательный день этотъ окончился семейнымъ ужиномъ, къ которому изъ постороннихъ были приглашены лишь: воспитатель великаго князя — графъ Ламсдорфъ и прусскія дамы свиты великой княгини.

На слѣдующее утро самъ императоръ пріѣхалъ поздравить молодыхъ и почтилъ ихъ дорогими подарками; за тѣмъ ихъ высочества въ открытой коляскѣ отправились сдѣлать визитъ обѣимъ императрицамъ. Толпы народа давно ожидали этого выѣзда и громкими криками привѣтствовали ихъ высочества. Они кушали въ этотъ день у Маріи Ѳеодоровны, которая пригласила къ столу прусскую свиту и воспитательницу великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, княгиню Ливенъ. Рядъ праздниковъ и торжествъ, оффиціальныхъ представленій и пріемовъ,

продолжался цѣлую недѣлю и утомилъ молодыхъ; они искали отдыха у императрицы-матери въ Павловскѣ. Почитательница придворной помпы и этикета, Марія Θеодоровна отдыхала въ своей любимой лѣтней резиденціи; одна забота не оставляла ее никогда нигдѣ,—забота о тѣхъ благотворительныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ, и за успѣхомъ которыхъ она слѣдила часто съ материнскимъ вниманіемъ. И здѣсь, въ Павловскѣ, она цѣлые часы посвящала чтенію записокъ, докладовъ, отчетовъ по этимъ заведеніямъ; она любила даже просматривать письма своихъ воспитанницъ къ родителямъ и, если гдѣ встрѣчала истинное чувство признательности съ указаніемъ на недостаточность родителей, императрица, какъ добрый геній, являлась утѣшеніемъ цѣлой семьи и неожиданно помогала ей въ нуждѣ, прикрывая всегда тайной свои благотворенія. Императоръ Александръ жилъ въ Царскомъ Селѣ и оттуда очень часто, въ дрожкахъ, въ одну лошадь отправлялся навѣщать августѣйшую родительницу.

Молодые отдыхали и вполнѣ наслаждались жизнью въ Павловскѣ; препровожденіе времени было самое скромное, семейное; небольшой кружокъ, собиравшійся въ ихъ дворцѣ, состоялъ изъ прусской свиты, двухъ фрейлинъ великой княгини: графини Шуваловой и Ушаковой, гофмаршала Нарышкина и двухъ адъютантовъ великаго князя: Адлерберга и барона Фредерикса; послѣдній былъ женатъ на подругѣ дѣтства великой княгини, урожденной графини Гуровской. Александра Θеодоровна сохраняла къ ней постоянно самое дружеское расположеніе и не называла ея иначе какъ *другъ Цицилія*. Принцъ Вильгельмъ тоже жилъ въ Павловскѣ и сдѣлался любимцемъ вдовствующей императрицы, которая все болѣе и болѣе очаровывалась своею новою дочерью. Мирныя удовольствія тихой жизни въ Павловскѣ были нарушены лишь однимъ несчастнымъ случаемъ: цѣпная собака укусила въ ногу принца Вильгельма, но, къ счастью, рана эта была не опасна. Король прусскій прислалъ поздравить

молодую чету князя Радзивилла, мецената своего времени, человѣка остроумнаго и высоко-образованнаго; онъ много оживилъ общество въ Павловскѣ, любившее слушать его прекрасную игру на віолончелли.

Такъ прошли двѣ недѣли, и затѣмъ былъ сдѣланъ *туръ* по увеселительнымъ дворцамъ, въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ и Ораніенбаумѣ; не забытъ и Кронштадтъ. Во время этой прогулки молодая великая княгиня была постоянно въ обществѣ императора Александра I и успѣла ближе узнать его. Въ началѣ августа дворъ возвратился въ Царское Село и Павловскъ.

На зиму молодые должны были отправиться въ Москву, но еще до этого отъѣзда Марія Өеодоровна была обрадована надеждой сдѣлаться бабушкой; разъ, во время обѣдни, великая княгиня Александра Өеодоровна упала безъ чувствъ, и это былъ первый признакъ ея беременности.

III.

Маскарадъ при Высочайшемъ дворѣ.—Великій князь Николай Павловичъ и великая княгиня Александра Ѳеодоровна въ Москвѣ.—Семейная жизнь въ Кремлевскомъ дворцѣ.—Рожденіе великаго князя Александра Николаевича.—Прусскій король въ Москвѣ.

Передъ отъѣздомъ въ Москву, ихъ высочества хотѣли еще разъ проститься съ петербургскими жителями. Устроенъ былъ большой маскарадъ, въ которомъ императрица Марія Ѳеодоровна явилась въ костюмѣ волшебницы; императрица Елизавета Алексѣевна—въ костюмѣ летучей мыши, а Александра Ѳеодоровна была индѣйскимъ принцемъ. Маскарадъ былъ очень многолюденъ, оживленъ и представлялъ богатый выборъ самыхъ роскошныхъ костюмовъ.

18-го сентября царская фамилія выѣхала въ Москву. Путешествіе тогда совершалось еще въ экипажахъ и по-

тому было продолжительно. Великая княгиня, ради своего здоровья, должна была соблюдать большую осторожность, и путешествіе ея продолжалось двѣнадцать дней. Видъ обновленной Москвы, послѣ страшнаго пожара двѣнадцатаго года, широко раскинувшійся городъ съ новыми зданіями и садами между ними, золотые куполы церквей и ихъ оригинальныя колокольни, — все это не могло не поразить великой княгини, видѣвшей въ первый разъ чисто русскій городъ, рѣзко отличающійся отъ европейскихъ городовъ. Полная удивленія, долго стояла она у окна Кремлевскаго дворца на другое утро своего пріѣзда въ Москву; долго любовалась она открывшеюся передъ ней панорамой. При торжественномъ выходѣ царской семьи въ Кремль, тысячи народа, покрывавшаго своимъ крикомъ звонъ колоколовъ, произвели на Александру Ѳеодоровну глубокое впечатлѣніе; поклоненіе святынѣ чрезвычайно утомило ее.

Октябрь и ноябрь дворъ провелъ чрезвычайно скромно; великая княгиня

все это время занималась литературой, изучала своего любимаго Жана Поля Рихтера и полюбила русскую литературу, съ которой ее знакомилъ Жуковскій—душа кружка, собиравшагося во дворцѣ великой княгини, по вечерамъ: извѣстно, какую глубокую преданность питалъ поэтъ къ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, оставшейся для него до послѣднихъ лѣтъ его жизни идеаломъ женщины. Великій князь Николай Павловичъ принималъ живое участіе въ этихъ бесѣдахъ; онъ любилъ часто читать молодой женѣ Вальтеръ-Скотта и, по его романамъ, вспоминать объ Англіи, которая болѣе другихъ странъ произвела глубокое впечатлѣніе на великаго князя, во время его поѣздки за границу и съ которою онъ былъ коротко знакомъ. Великій князь любилъ также заниматься живописью. Въ послѣдствіи эти вечера были еще оживлены присутствіемъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, умѣвшей заинтересовать великую княгиню своими воспоминаніями о пережитомъ ею времени и прежней русской придворной жизни.

Ко двору великой княгини имѣли также пріѣздъ княгиня Софья Трубецкая и жена генерала Кутузова, сопровождавшаго великаго князя во время поѣздки его въ Англію. По воскресеньямъ вся царская семья собиралась у вдовствовавшей императрицы, гдѣ господствовалъ самый строгій этикетъ и гдѣ великая княгиня узнала двухъ любимцевъ императора, графа Аракчеева и князя Александра Николаевича Голицына.

Принцъ Вильгельмъ, передъ праздникомъ Рождества Христова, возвратился въ Берлинъ, вмѣстѣ со всею прусскою свитой.

Въ придворномъ штатѣ великой княгини должна была произойдти нѣкоторая перемѣна. Гофмаршалъ Нарышкинъ, говоритъ г. Гриммъ, позволялъ себѣ чрезвычайно странное обращеніе съ молодыми супругами. Великій князь, долго бывшій снисходительнымъ, рѣшился наконецъ дѣйствовать прямо, и Нарышкинъ уступилъ мѣсто графу Модену. Опасеніе, которое имѣла великая княгиня, чтобы эту отставку не при-

писали ея неуживчивости, было лишнее, потому что послѣдствія слишкомъ хорошо доказали и ея добросердечіе, и ея терпѣливую ко всѣмъ внимательность.

Такъ продолжалась тихая семейная жизнь великой княгини до Святой недѣли. 17-го апрѣля, пушечная стрѣльба и звонъ колоколовъ возвѣстили рожденіе будущаго Освободителя милліоновъ отъ крѣпостной зависимости. Цѣлыя двадцать лѣтъ въ императорской семьѣ не было приращенія, и понятно, что рожденіе великаго князя Александра Николаевича было встрѣчено необычайною радостью. Счастливый отецъ, возвѣщая свою радость преосвященному Августину, давалъ обѣтъ устроить, въ честь Св. Александра Невскаго, придѣлъ въ храмѣ Воскресенскаго монастыря (Новомъ Іерусалимѣ).

Великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ предстояла еще бо́льшая радость: узнавъ о рожденіи перваго своего внука, король Фридрихъ - Вильгельмъ III, въ сопровожденіи своего наслѣднаго принца, рѣшился отправиться самъ въ Москву. Онъ ѣхалъ на

Позвань, гдѣ получилъ блистательную встрѣчу отъ князя Радзивилла. На границѣ Царства Польскаго король былъ встрѣченъ княземъ Трубецкимъ, въ Оршѣ—генераломъ Дибичемъ, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы ему на встрѣчу выѣхалъ самъ императоръ, въ сопровожденіи великаго князя Константина Павловича. Вечеромъ 3-го іюня въ загородномъ дворцѣ Нарышкина, въ Кунцовѣ, великая княгиня Александра Ѳеодоровна обняла своего отца. На другой день прусскій король торжественно въѣхалъ въ Москву, чрезъ Драгомиловскую заставу, встрѣченный войсками и громаднымъ стеченіемъ народа. Августѣйшаго гостя Москва приняла съ своимъ извѣстнымъ радушіемъ, цѣлымъ рядомъ празднествъ и торжествъ. Первый балъ данъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Князь Юсуповъ устроилъ праздникъ въ своемъ подмосковномъ селѣ Архангельскомъ, все населеніе котораго принимало участіе въ этомъ торжествѣ. Другой вельможа, графъ Шереметевъ, давалъ балъ въ своемъ имѣніи Останкинѣ, гдѣ

на сценѣ мѣстнаго театра поставленъ былъ національный балетъ. Король хотѣлъ оставить память о своемъ пребываніи въ Москвѣ для своихъ единовѣрцевъ и участвовалъ въ закладкѣ новой лютеранской церкви, такъ какъ бывшая дотолѣ церковь сдѣлалась жертвой пламени пожара 1812 года.

Король пробылъ въ Москвѣ одиннадцать дней и за тѣмъ вмѣстѣ съ императорскимъ дворомъ отправился въ Царское Село. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна отбыла туда же.

IV.

Возвращенiе въ С.-Петербургъ. — Праздники въ честь прусскаго короля. — Болѣзнь Николая Павловича. — Зима 1818 года. — Семейная жизнь. — Знаменательный разговоръ императора Александра I съ Николаемъ Павловичемъ. — Болѣзнь Александры Ѳеодоровны.

Императорская и королевская фамилiи, возвратившись изъ Москвы, пробыли нѣкоторое время въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, двухъ загородныхъ дворцахъ, которые привели прусскаго короля въ восхищенiе. Въѣздъ въ сѣверную столицу совершился торжественно и когда золотая карета, въ которой сидѣла великая княгиня Александра Ѳеодоровна, поровнялась съ Аничковымъ дворцомъ, и въ одномъ изъ оконъ этого дворца показалась кормилица съ маленькимъ Александромъ Николаевичемъ на рукахъ, слезы потекли ручьемъ изъ глазъ великой княгини, такъ что когда торжественный

поѣздъ остановился у Казанскаго собора, императоръ Александръ замѣтилъ еще мокрые глаза Александры Ѳеодоровны и сказалъ ей: „Эти слезы сладки для матери и пріятны Царю царей“. Въ честь прусскаго короля дано было при дворѣ нѣсколько большихъ праздниковъ; между прочимъ, въ Ораніенбаумѣ сожженъ былъ громадный фейерверкъ изъ 40.000 ракетъ, 200 щитовъ и 500 пушечныхъ салютацій. Императрица Марія Ѳеодоровна хотѣла познакомить высокаго гостя съ плодами своей неусыпной дѣятельности и показала королю всѣ подвѣдомственныя ей воспитательныя и благотворительныя учрежденія. Король не могъ достаточно надивиться тому, что императрица ему объясняла сама все до малѣйшихъ подробностей, относящееся до этихъ заведеній. Для воспитанницъ институтовъ это посѣщеніе было неожиданнымъ торжествомъ; король прусскій велъ подъ руку вдовствующую императрицу; наслѣдный принцъ прусскій—императрицу Елизавету Алексѣевну, а самъ императоръ—великую кня-

гиню Александру Ѳеодоровну. Дѣти, окружавшія этихъ августѣйшихъ посѣтителей и выказывавшія искреннюю любовь и преданность своей покровительницѣ, представляли трогательную картину.

Но всѣ эти праздники были внезапно прерваны печальнымъ для великой княгини событіемъ: супругъ ея, великій князь Николай Павловичъ заболѣлъ корью, и она уже не отходила отъ кровати больнаго, сама ухаживая за нимъ и даже лишая себя свиданій съ нѣжнолюбимымъ отцомъ. Чтобы не заразить двухмѣсячнаго своего ребенка, они перевезли его въ Таврическій дворецъ. Великая княгиня вскорѣ тоже заболѣла. Она, однако, имѣла еще достаточно силы чтобы проводить до Гатчины уѣзжавшаго въ Берлинъ прусскаго короля, и слегла на слѣдующее послѣ того утро. Къ счастію для больныхъ, съ ними пробылъ еще цѣлую недѣлю наслѣдный принцъ и развлекалъ ихъ своею веселостью и своимъ остроуміемъ. Несмотря на всѣ заботы о скоромъ выздоровленіи великой княгини, бо-

лѣзнь эта имѣла для нея гибельныя послѣдствія, образовавъ ту грудную боль, которою Александра Ѳеодоровна страдала до конца своей жизни. Къ концу лѣта оба больные поправились и провели время до осени въ Павловскѣ.

На зиму великому князю и великой княгинѣ суждено было имѣть въ С.-Петербургѣ совершенно новое для нихъ положеніе. Императоръ отправлялся на Ахенскій конгрессъ; императрица Марія Ѳеодоровна хотѣла навѣстить въ Германіи трехъ своихъ замужнихъ дочерей (Екатерину, во второмъ бракѣ королеву виртембергскую, Анну наслѣдную принцессу нидерландскую и Марію, герцогиню саксенъ-веймарскую); императрица Елизавета Алексѣевна желала посѣтить свою родину; великій князь Михаилъ Павловичъ предпринималъ путешествіе по Италіи и Англіи, а Константинъ Павловичъ, назначенный намѣстникомъ вновь созданнаго Царства Польскаго, переселился въ Варшаву. Великій князь Николай Павловичъ съ своею супругой оставался представителемъ царской фамиліи въ С.-Петер-

бургѣ; онъ долженъ былъ открыть для двора и петербургскаго общества залы Аничкова дворца. Здѣсь-то всѣ въ С.-Петербургѣ впервые познакомились съ великимъ княземъ, который до тѣхъ поръ жилъ частнымъ человѣкомъ и даже только со дня своей свадьбы былъ назначенъ шефомъ гвардейскаго саперна-го баталіона. Александра Θеодоровна, привыкшая еще въ Берлинѣ къ офиці-альнымъ пріемамъ, лежавшимъ на ея обязанности послѣ смерти ея мате-ри, произвела на Петербургцевъ са-мое благопріятное впечатлѣніе: она очаровывала всѣхъ своею любезностью, лаской, вниманіемъ и оживляла бесѣ-ды во дворцѣ своею живою, остро-умною рѣчью. Первый разъ вели-кій князь явился представителемъ цар-ской фамиліи на богослуженіи 30-го августа въ Александро-Невской лав-рѣ; послѣ богослуженія великій князь съ супругой завтракалъ у митрополи-та. Продолжительное богослуженіе и за-втракъ до того утомили великую княги-ню, что она съ трудомъ, опираясь на руку своего мужа, дошла до кареты и

во дворцѣ почувствовала себя не хорошо. Доктора присовѣтовали ей деревенскій воздухъ, и она отправилась на недѣлю въ Гатчину, гдѣ воспитывался нѣкогда ея супругъ.

Кружокъ лицъ, близкихъ къ великокняжескому семейству, увеличился въ эту зиму нѣсколькими новыми, въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ графа Рибопьера, въ послѣдствіи русскаго посла при нѣсколькихъ дворахъ и оберъ-камергера, графа Кочубея, лучшаго друга Александра I, который самъ говорилъ великой княгинѣ, что его отношенія къ графу были братскія. Изъ переписки этихъ друзей видно, что Александръ I давно имѣлъ намѣреніе отречься отъ престола и поселиться частнымъ человѣкомъ на берегу Рейна. Уѣзжая теперь за границу, императоръ поручилъ великокняжескую семью особому вниманію графа Кочубея и его супруги, рожденной Васильчиковой.

15-го октября въ Аничковомъ дворцѣ былъ данъ первый балъ, и вслѣдъ за нимъ наступилъ цѣлый рядъ баловъ и увеселеній; вельможи перебивали

другъ у друга очередь и честь пригласить къ себѣ великокняжескую чету, которая принимала живое участіе въ этихъ увеселеніяхъ и много танцовала. Дома превращались на эти дни въ зимніе сады, и весь путь ихъ высочествъ иллюминовывался. Давно такъ не веселились въ Петербургѣ, какъ въ эту зиму. Великая княгиня ввела обычай тогда совершенно новый въ сѣверной столицѣ. Прежде царская фамилія показывалась въ театрѣ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, при спектакляхъ Александра Θеодоровна начала посѣщать театръ два и три раза въ недѣлю и часто бывала въ нѣмецкомъ театрѣ; публика, желавшая видѣть великую княгиню, стала тоже чаще ѣздить въ нѣмецкій театръ. Къ началу зимы великая княгиня вступила опять въ положеніе, не позволявшее ей посѣщать балы, такъ что она являлась публично почти только въ театрахъ.

Къ новому (1819) году царская фамилія опять вся собралась въ С.-Петербургѣ; императрица Марія Θеодоровна и императоръ разказывали свои путевыя

впечатлѣнія, но великую княгиню интересовали болѣе всего вѣсти о родномъ ея Берлинѣ, а изъ разказовъ Александра I объ Ахенскомъ конгрессѣ Александра Ѳеодоровна удержала въ памяти болѣе всего имя пѣвицы Каталани, которую ей очень желалось слышать въ Петербургѣ. Вскорѣ всѣмъ увеселеніямъ при дворѣ положенъ былъ конецъ неожиданною смертью королевы виртембергской Екатерины Павловны, которую императоръ любилъ и уважалъ предпочтительно предъ остальными своими сестрами. Марія Ѳеодоровна оплакивала въ четвертый разъ смерть своей дочери.

Для великой княгини, вслѣдствіе этого траура, наступило время отдыха, и она посвятила его изученію русскаго и французскаго языковъ; возобновила прерванные уроки музыки и пѣнія; читала сочиненія Вальтеръ-Скотта, Шатобріана и г-жи де-Сталь. Постоянною подругой великой княгини была баронесса Фредериксъ. Занятія великаго князя, между тѣмъ, усложнились и увеличились, хотя были, какъ и прежде,

совершенно чужды политическаго характера; онъ былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ и начальникомъ инженернаго вѣдомства, и посвящалъ цѣлый день службѣ, такъ что нерѣдко молодая супруга обѣдала одна. Предавшись новой обязанности съ любовію и замѣчательною добросовѣстностію, великій князь утомлялся и иногда возвращался домой не въ духѣ; достаточно было одной улыбки, одного ласковаго взгляда супруги, и Николай Павловичъ былъ снова счастливъ и веселъ; онъ съ нетерпѣніемъ дожидался праздничныхъ дней, которые проводилъ неразлучно съ женой. Начало весны, два мѣсяца, великая княгиня жила въ Павловскѣ, а въ іюнѣ мѣсяцѣ переселилась въ Красное Село, въ маленькій флигель при дворцѣ, чтобы не разлучаться съ мужемъ, который имѣлъ постоянныя занятія въ лагерѣ, расположенномъ подъ Краснымъ Селомъ. Александра Өеодоровна жила здѣсь совершенно скромно, безъ всякаго придворнаго этикета; она гуляла много и особенно любила всходить на маленькій приго-

рокъ, съ котораго видѣлся какъ на ладони весь пестрый лагерь.

Однажды императоръ пріѣхалъ обѣдать къ своему брату и началъ хвалить его служебныя занятія; государь говорилъ весьма серіозно и сухо, чего никогда не было замѣтно въ семейномъ его разговорѣ. Послѣ стола Александръ I сѣлъ между великимъ княземъ и Александрой Ѳеодоровной и продолжалъ свою рѣчь: „Твое служебное рвеніе и твоя добросовѣстность, говорилъ онъ, радуютъ меня вдвойнѣ, любезный Николай, потому что позднѣе тебѣ предстоятъ гораздо большее бремя и отвѣтственность, нежели ты ожидаешь“. Великій князь подумалъ, что ему предстоитъ какое-либо новое назначеніе по военной службѣ, но государь продолжалъ чрезвычайно серіозно: „Я смотрю на тебя, какъ на моего преемника, и это еще быть-можетъ при моей жизни“. Изумленная, почти испуганная великокняжеская чета не знала что̀ отвѣчать, и какъ принять неожиданныя слова императора, который продолжалъ: „Это удивляетъ васъ; но, чтобы дѣло

было для васъ ясно, я скажу вамъ, что братъ Константинъ, который никогда не желалъ быть моимъ преемникомъ, теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, принялъ рѣшеніе уступить всѣ свои права по престолонаслѣдію тебѣ и твоему потомству". Государь говорилъ тихо и между фразами дѣлалъ продолжительныя паузы, какъ бы желая, чтобы великій князь вдумался въ его слова. „Я самъ, продолжалъ онъ, рѣшился отказаться отъ моихъ обязанностей правленія и удалиться отъ свѣта; нынѣшняя Европа, болѣе чѣмъ когда-либо, нуждается въ молодыхъ, сильныхъ правителяхъ, а что до меня касается, то я чувствую, что я уже не тотъ, какимъ былъ. Поэтому моя обязанность удалиться во̀ время. Король прусскій вѣроятно сдѣлаетъ то же и замѣститъ себя братомъ Фрицомъ". Великокняжеская чета при этихъ словахъ зарыдала, такъ что Александръ I счелъ нужнымъ сказать имъ въ утѣшеніе: „Впрочемъ, это можетъ случиться и не такъ скоро, чрезъ нѣсколько лѣтъ. Небо благословило ваше супружество иначе не-

жели меня и брата Константина, такъ какъ мы оба бездѣтны; въ сынѣ вашемъ я вижу Божію волю, назначившую васъ и вашихъ потомковъ наслѣдниками престола въ государствѣ“.

— Я не имѣлъ никогда иного желанія, кромѣ того чтобы всю жизнь вѣрно и честно служить вашему величеству, отвѣчалъ Николай Павловичъ, прерывая свою рѣчь слезами;—я никогда не приготовлялся къ такому высокому назначенію; мнѣ даже во снѣ не видѣлось такое внезапное возвышеніе, и къ принятію его я не чувствую въ себѣ нужной силы духа.

— И я тоже былъ внезапно и безъ приготовленія призванъ вступить на престолъ; я засталъ государство въ величайшемъ безпорядкѣ; старый порядокъ, установленный нашею бабкой, былъ уничтоженъ, а новый не установленъ; если ты сегодня вступишь на престолъ, то не встрѣтишь тѣхъ затрудненій, которыя я долженъ былъ превозмочь.

Говоря это, императоръ по немногу возвратился къ своей обычной весело-

сти и любезности; онъ удалился лишь тогда, когда увидѣлъ, что великокняжеская чета успокоилась отъ этого неожиданнаго разговора, который никогда въ послѣдствіи не повторялся. Императоръ, впрочемъ, передалъ содержаніе его принцу Вильгельму, и тотъ поспѣшилъ поздравить сестру; но великій князь Николай Павловичъ просилъ его не возобновлять разговора объ этомъ предметѣ.

Въ іюлѣ Александра Θеодоровна переѣхала въ Павловскъ, гдѣ императрица мать помѣстила ее въ розовомъ павильйонѣ, чтобъ она могла дышать свѣжимъ воздухомъ и наслаждаться садомъ, не вставая съ кушетки: вторую свою беременность великая княгиня переносила очень трудно. Здѣсь 6-го августа она сдѣлалась второй разъ матерью, разрѣшившись отъ бремени дочерью, которой было дано имя Марія. Осень дворъ великаго князя провелъ въ Гатчинѣ; здѣсь великая княгиня часто ѣздила на охоту смотрѣть на подвиги мужа. Въ это время при дворѣ ея чаще и чаще стали появляться три ли-

да, которымъ суждено было въ послѣдствіи играть важную роль въ царствованіе Николая I; то были: Бенкендорфъ, единственное лицо, съ которымъ Александра Θеодоровна могла говорить по-нѣмецки; Орловъ и Апраксинъ. Изъ дамъ во дворцѣ чаще другихъ была графиня Литта, славившаяся своею красотой во времена Екатерины II, когда она была въ первомъ бракѣ за графомъ Скавронскимъ. Въ концѣ октября великокняжеская чета возвратилась въ Аничковъ дворецъ. Зиму провели очень весело, хотя къ концу ея Александра Θеодоровна, почувствовавъ снова беременность, должна была отказываться отъ участія въ нѣкоторыхъ увеселеніяхъ. Въ рождественскій сочельникъ во дворцѣ для великокняжескихъ дѣтей была зажжена елка, и этотъ праздникъ вошелъ за тѣмъ въ ежегодный обычай. Вечера въ Аничковомъ дворцѣ проходили скромно; Александра Θеодоровна акомпанировала на фортепіано мужу, который пѣлъ народныя пѣсни, сочинялъ военные марши и весьма много занимался своею любимою

живописью военныхъ сценъ, подъ руководствомъ профессора Зауервейда, котораго онъ узналъ еще въ Англіи и очень любилъ до конца своей жизни. Въ маѣ мѣсяцѣ великій князь отправился осматривать крѣпости, по своему званію инспектора по инженерной части. Великая княгиня переселилась въ Павловскъ; она была очень слаба и выдержала нѣсколько кровопусканій. Съ переѣздомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Красное Село, ноги ея чрезвычайно распухли, и здоровье ея до того разстроилось, что врачи отчаивались въ возможности выздоровленія; въ концѣ іюня думали, что она не встанетъ съ постели, но потомъ ей стало немного лучше; она переселилась въ Павловскъ и тамъ разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ. Нѣжное участіе императрицы Маріи Ѳеодоровны и неусыпныя заботы мужа вылѣчили больную. Въ концѣ сентября она возвратилась въ Аничковъ дворецъ и занялась приготовленіемъ къ поѣздкѣ въ Берлинъ.

V.

Поѣздка въ Берлинъ.—Праздникъ въ королевскомъ дворцѣ.—Лѣто въ Санъ-Суси.—Рожденіе великихъ княженъ Маріи и Ольги Николаевнъ.—Аничковъ дворецъ.

Въ сравненіи съ С.-Петербургомъ Берлинъ тогда казался маленькимъ городомъ, уступавшимъ много русской столицѣ въ богатствѣ, роскоши и великолѣпіи. Несмотря на усилія Фридриха Вильгельма поднять значеніе этого города, онъ не могъ еще идти тогда въ сравненіе не только съ Петербургомъ или Вѣной, но даже съ Прагой. Въ 1815 году во дворцѣ короля и во всемъ Берлинѣ нельзя было найдти половины такихъ богатствъ по части изящныхъ искусствъ, какими былъ украшенъ, напримѣръ, домъ князя Юсупова въ подмосковномъ селѣ Архангельскомъ. Искусства и науки не были въ почетѣ въ Берлинѣ, и великій

Гумбольдтъ, котораго императоръ Николай I принималъ почти съ княжескими почестями, долженъ былъ полчаса стоять передъ генераломъ Мюфлингомъ, который слушалъ его сидя въ креслахъ. Берлинъ былъ городомъ, по преимуществу, военнымъ. При прусскомъ дворѣ былъ тогда одинъ только знатный и богатый вельможа, родомъ Полякъ, князь Радзивиллъ, женатый на прусской принцессѣ; мы уже упоминали о немъ какъ о послѣ въ Россію къ великой княгинѣ, для принесенія ей поздравленія съ благополучною свадьбой. Семейство короля вело очень тихую и скромную жизнь, но Фридрихъ Вильгельмъ III, зная какъ сильно дѣйствуетъ изящное на развитіе вкуса и нравственности, заботился объ учрежденіи въ Берлинѣ картинной галлереи, объ устройствѣ хорошаго театра и оперной труппы, а университетъ былъ учрежденъ еще прежде войны за независимость: такъ полагалось основаніе будущаго значенія Берлина въ умственномъ отношеніи.

Король съ наслѣднымъ принцемъ встрѣтили великокняжескую чету за

городомъ. Первые мѣсяцы при дворѣ не было никакихъ празднествъ. Король уѣхалъ вскорѣ въ Троппау для свиданія съ императорами россійскимъ и австрійскимъ; великій князь Николай Павловичъ тоже возвратился въ Берлинъ лишь къ празднику Рождества Христова. Тогда-то начался рядъ тѣхъ празднествъ, на устройство которыхъ Фридрихъ-Вильгельмъ былъ особенно изобрѣтателенъ; объ немъ императрица Марія Ѳеодоровна весьма справедливо замѣтила: „Онъ дѣлаетъ всегда болѣе нежели сколько можно ожидать и думать". Въ ряду этихъ праздниковъ былъ одинъ совершенно новый по мысли и удачному выполненію. Это было пластическое представленіе цѣлой поэмы, — живыя картины съ музыкой и пѣніемъ. Для праздника воспользовались сюжетомъ поэмы Томаса Мура *Лалла-Рукъ*. Въ двѣ недѣли приготовлено было все представленіе; въ залѣ дворца выстроена сцена; Спонтини написалъ музыку, и ее разучили какъ оркестръ, такъ и знаменитѣйшіе того

времени пѣвцы и пѣвицы; роли были розданы и выучены. Содержаніе *Лалла-Рукъ* не многосложно. Бухарскій эміръ Абдалахъ отправляется къ индійскому царю Ауренгзебу и проситъ у него для своего сына руки царской дочери Лалла-Рукъ. Молодые люди должны встрѣтиться въ Кашмирѣ. Невѣстѣ сопутствуетъ поэтъ, молодой человѣкъ, развлекающій царевну разказами разныхъ интересныхъ сценъ, которыя и составляютъ различные акты сценическаго представленія, во время коихъ поется за кулисами объяснительный текстъ. Каждая картинка составляетъ станцію въ путешествіи Лалла-Рукъ. Прибывъ въ Кашмиръ, она видитъ что къ ней на встрѣчу по дворцовой лѣстницѣ идетъ ея женихъ, и она узнаетъ въ немъ своего спутника-поэта. Весь дворъ прусскаго короля принялъ участіе въ приготовленіяхъ къ этому празднику и раздѣлился на два лагеря, на Индійцевъ и Бухарцевъ. Главную роль *Лалла-Рукъ* исполняла Александра Ѳеодоровна; будучи тогда въ полномъ развитіи своей рѣдкой красоты,

она была восхитительна въ живописномъ костюмѣ Индіанки; бѣлое, плотно-лежавшее на тѣлѣ платье было перехвачено у таліи лифомъ изъ золотой парчи; руки и грудь украшены драгоцѣнными каменьями; волосы падали на плечи локонами; розовое, серебристое кисейное покрывало облекало величественную царевну сверхъ всего этого костюма. Николай Павловичъ, въ роли поэта Алириса, въ голубомъ кафтанѣ и зеленомъ турбанѣ, рѣзко отличался отъ всѣхъ своею мужественною красотой. Роль Ауренгзеба исполнялъ принцъ Вильгельмъ, братъ короля; остальныя роли были розданы членамъ королевской фамиліи. Этотъ замѣчательный праздникъ былъ данъ 27-го января 1821 года, и никогда еще не видѣли короля такого оживленнаго, веселаго и счастливаго. Король не хотѣлъ лишать тѣхъ Берлинцевъ, которые не имѣли пріѣзда ко двору, удовольствія видѣть этотъ праздникъ, и онъ былъ повторенъ 11-го февраля при болѣе нежели трехъ-тысячахъ приглашенныхъ Берлинцевъ.

Весной великокняжеская чета отправилась въ загородный королевскій дворецъ Санъ-Суси; прогулки по саду, совершенно свободная, частная жизнь много поправили здоровье Александры Ѳеодоровны. По утрамъ она занималась чтеніемъ; въ одиннадцать часовъ королевская семья отправлялась завтракать на чистый воздухъ, вблизи дворца; обѣдъ подавался на балконѣ; крестьяне изъ сосѣднихъ деревень собирались вокругъ королевскаго стола, съ котораго нерѣдко на ихъ долю выпадалъ кусокъ печенья или стаканъ вина. Часто дачники ѣздили на любимое мѣсто короля, *Павлиній Островъ*, гдѣ у Фридриха-Вильгельма всегда бывало рѣдкое растеніе, называнное имъ въ честь дочери *Шарлоттой*; здѣсь же онъ въ послѣдствіи приказалъ выстроить русскую избушку, которую назвалъ *Никольскою*, въ честь своего зятя.

Пробывъ восемь мѣсяцевъ у отца, великая княгиня отправилась, для подкрѣпленія своего здоровья, въ Эмсъ. Рейнъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Александру Ѳеодоровну, судя

по тому отрывочному дневнику, который она вела во время этой поѣздки. Въ половинѣ августа великокняжеская чета вернулась въ Берлинъ, пробыла тамъ двѣ недѣли и затѣмъ отправилась въ С.-Петербургъ, чрезъ Варшаву, гдѣ великій князь Константинъ Павловичъ удивилъ ее болѣе торжественнымъ пріемомъ чѣмъ какой соотвѣтствовалъ ихъ взаимнымъ отношеніямъ.

Въ послѣдующіе четыре года не произошло ничего особеннаго въ жизни Александры Ѳеодоровны; 30-го августа 1822 года она разрѣшилась отъ бремени дочерью Ольгой. Зиму великая княгиня жила въ Аничковомъ дворцѣ, лѣтомъ въ Павловскѣ, собирая у себя тотъ же кружокъ друзей и продолжая свои занятія музыкой и чтеніемъ. Николай Павловичъ посвящалъ семейству все свободное время, остававшееся у него отъ военныхъ занятій.

VI.

Кончина императора Александра I. — События 14 декабря 1824 года. — Николай I, императоръ всероссійскій. — Священное коронованіе въ Москвѣ.

Постоянно грустная и не пользовавшаяся семейнымъ счастіемъ, императрица Елизавета Алексѣевна заболѣла въ 1825 году довольно опасно, и доктора присовѣтовали ей отправиться на югъ Россіи. Императоръ самъ хотѣлъ послѣдовать за нею въ этомъ путешествіи; въ день своего ангела, онъ молился въ Александро-Невской лаврѣ; на слѣдующій день присутствовалъ при освященіи только что отстроеннаго Михайловскаго дворца и 1-го сентября отправился въ путь, побывавъ предварительно въ лаврѣ, гдѣ посѣтилъ жилище схимника. Александру I не суждено уже было возвратиться въ С.-Петербургъ; 17-го ноября прибылъ

онъ въ Таганрогъ, послѣ небольшой поѣздки въ Ростовъ-на-Дону, Азовъ и Новочеркаскъ; государь уже былъ боленъ перемежающеюся лихорадкой. Извѣстіе, полученное имъ тутъ же о заговорѣ, который составился противъ его правительства преимущественно въ обществѣ офицеровъ, еще болѣе подкосило и безъ того слабыя силы. 19-го ноября Александръ I скончался, и гонецъ, посланный въ С.-Петербургъ, принесъ императорской семьѣ горестныя слова овдовѣвшей Елизаветы Алексѣевны: „Нашъ ангелъ на небесахъ, а я еще здѣсь!“

Великокняжеская чета, между тѣмъ, вернувшись изъ втораго своего путешествія въ Германію, жила себѣ тихо и спокойно въ Аничковомъ дворцѣ; Николай Павловичъ по прежнему цѣлый день проводилъ на службѣ, а Александра Θеодоровна вся отдавалась воспитанію дѣтей, изъ которыхъ къ старшему сыну, Александру, приставленъ былъ воспитателемъ полковникъ Мердеръ. Вечера великая княгиня любила посвящать музыкѣ и въ это время ис-

полняла произведенія Гуммеля, который вписалъ собственноручно въ альбомъ августѣйшей особы свой концертъ A-moll. Князь Николай Голицынъ, принятый тогда къ великокняжескому двору, устраивалъ концерты, квартеты любителей и превратилъ дворецъ великой княгини въ консерваторію.

Извѣстіе о кончинѣ императора Александра I августѣйшая мать его угадала по грустному выраженію лица великаго князя Николая Павловича за обѣдней въ церкви Зимняго дворца. Марія Θеодоровна упала безъ чувствъ, разслабленная полученнымъ передъ этимъ не задолго извѣстіемъ о тяжкой болѣзни своего старшаго сына. Великая княгиня Александра Θеодоровна отвела свою свекровь въ ея покои, а великій князь Николай Павловичъ отправился сообщить эту грустную вѣсть караулу на дворцовую гауптвахту и присягнуть въ вѣрности Константину Павловичу.

Событія вступленія на престолъ императора Николая I такъ извѣстны,

что нѣтъ надобности повторять ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе что въ книгѣ г-на Гримма всѣ эти событія приведены изъ извѣстнаго сочиненія барона М. А. Корфа. Мы скажемъ объ этихъ печальныхъ дняхъ только то, что относится до новой императрицы. Нѣжнолюбящій супругъ, по возможности, скрывалъ отъ нея печальныя извѣстія; скрыть ему было тѣмъ легче, что Александра Ѳеодоровна привыкла его видѣть не въ духѣ послѣ продолжительныхъ, утомительныхъ трудовъ, и она приписывала усталости ту серіозность, которая была послѣдствіемъ внутренней борьбы. Вечеромъ того дня, когда Николай I былъ призванъ вступить на престолъ своего брата, онъ посѣтилъ съ своею супругой Аничковъ дворецъ; въ кабинетѣ Александры Ѳеодоровны стоялъ бюстъ ея матери, королевы Луизы; передъ этимъ бюстомъ дѣти королевы склонили голову и долго оставались въ объятіяхъ другъ друга, размышляя о предстоящей громадной перемѣнѣ въ ихъ судьбѣ.

Въ достопамятный день 14-го декаб-

ря, императрица встала рано и занялась приготовленіями къ торжеству восшествія на престолъ; она выбирала себѣ приличныя случаю платье и бриліантовыя украшенія, когда въ ея комнату вошелъ Николай Павловичъ съ словами: „Артиллерія не присягаетъ“; вслѣдъ за тѣмъ вошла Марія Θеодоровна съ крикомъ: „Не одѣвайся, дитя мое! Смятеніе! Бунтъ!“ — Государь отправился усмирить бунтъ, и какъ ни была увѣрена Александра Θеодоровна въ мужествѣ своего супруга, она пережила страшныя минуты до возвращенія его въ Зимній дворецъ. Она могла быть отчасти свидѣтельницей его храбрости, потому что изъ окна дворца видѣла, какъ онъ во главѣ войска выступилъ противъ мятежниковъ. Обѣ императрицы находились въ сообществѣ исторіографа Карамзина, который, по своимъ дружескимъ отношеніямъ къ царской семьѣ, имѣлъ право утѣшать царицъ и быть свидѣтелемъ ихъ слезъ. Государь прислалъ предупредить свою супругу, что онъ вынужденъ сдѣлать нѣсколько пушечныхъ

выстрѣловъ, но, несмотря на это предупрежденіе, выстрѣлъ до того поразилъ Александру Θеодоровну, что у ней съ тѣхъ поръ на всю жизнь осталось нервное движеніе въ лицѣ. Мать и супруга слились въ одну общую молитву, которую прервалъ графъ Толь возгласомъ: „Государь идетъ“. Александра Θеодоровна бросилась на встрѣчу къ мужу, обняла его и мысленно благодарила Бога за спасеніе героя.

Вечеръ этого дня Николай Павловичъ провелъ въ своей семьѣ. „Какое начало царствованія!“ воскликнулъ онъ въ одно время съ своею женой. Императрица начала писать письмо къ отцу, описывая событія дня, но перо выпало изъ ея рукъ, и она почти безъ чувствъ упала тутъ же, отъ усталости и потрясенія пережитыхъ ею волненій.

Дней черезъ восемь, послѣ вступленія на престолъ, Александра Θеодоровна напрасно ожидала императора, своего супруга, въ обычный часъ; она думала, что онъ занятъ съ министрами, но къ удивленію узнала, что онъ сидитъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Импера-

трица отправилась туда и застала его въ большомъ раздумьи. Она освѣдомилась о томъ, что̀ его безпокоитъ. „Если Богъ мнѣ не поможетъ, отвѣчалъ Николай I, то я въ первые же дни изнемогу подъ тяжестью короны. Думали ли мы въ нашемъ семейномъ счастіи, нѣсколько недѣль тому назадъ, что я буду сидѣть на этомъ мѣстѣ въ Зимнемъ дворцѣ? Я не выросъ съ мыслью управлять когда-либо шестидесятью милліонами подданныхъ. Не удивляйся, если я тебѣ скажу, что въ дѣлахъ понимаю менѣе моихъ министровъ; меня это-то и огорчаетъ, потому что я нисколько не расположенъ зависѣть отъ нихъ и въ то же время долженъ у нихъ учиться". Александра Ѳеодоровна своимъ вниманіемъ и участіемъ умѣла развлечь думы супруга; она обратила вниманіе на его трудолюбіе, природный умъ, добросовѣстность въ занятіяхъ.

Въ августѣ государь и государыня имѣли торжественный въѣздъ въ Москву; Николай I ѣхалъ впереди съ братомъ своимъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцемъ Карломъ

арусскимъ; императрица съ наслѣдникомъ слѣдовала за ними въ золоченой каретѣ. Пятьдесятъ тысячъ войска были выстроены по пути; народъ восторженными криками покрывалъ звонъ всѣхъ церквей древней столицы.

На другое утро, совершенно неожиданно, явился предъ императоромъ великій князь Константинъ Павловичъ, въ польскомъ мундирѣ, съ рапортомъ въ рукахъ, какъ первый подданный своего брата. Это искреннее выраженіе своего отреченія отъ престола было понятно и трогательно для всѣхъ присутствовавшихъ.

Коронація была совершена съ большимъ торжествомъ. Въ десять часовъ, при громадномъ стеченіи народа, переполнившемъ Кремль, появился первый отрядъ царскаго шествія. Подъ золотымъ балдахиномъ, въ коронѣ и порфирѣ шла вдовствующая императрица, третій разъ въ жизни присутствовавшая на этой церемоніи: первый разъ съ мужемъ, а второй съ старшимъ сыномъ. Марію Θеодоровну сопровождали: Великая Княгиня Елена Павловна

и принцъ Карлъ прусскій, который велъ за руку наслѣдника. Чрезъ часъ торжественно пронесли корону, порфиру, скипетръ, а графъ Орловъ несъ обнаженный государственный мечъ. Торжество въ Грановитой палатѣ, народные праздники, балы и увеселенія дополнили общее торжество коронаціи.

VII.

Занятіе императрицы женскими учебными заведеніями.—Воспитаніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и Великихъ Княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ.—Кончина императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Возвратясь въ С.-Петербургъ, императрица занялась новыми своими обязанностями, по завѣдыванію Патріотическимъ и Елисаветинскимъ институтами, которые были ввѣрены ея попеченію, послѣ кончины императрицы Елисаветы Алексѣевны. Первый изъ этихъ институтовъ, учрежденный на весьма ограниченное число воспитанницъ, высокая покровительница предположила увеличить. Для этой цѣли въ зданіи института начаты были перестройки, а воспитанницы на два лѣта переведены въ Царскосельскій дворецъ. Императорская фамилія довольствовалась однимъ изъ дворцовыхъ флигелей; въ главномъ кор-

пусѣ были помѣщены воспитанницы. Александра Θеодоровна ежедневно посѣщала своихъ сосѣдокъ, знакомилась съ ихъ бытомъ, а дочь ея, Великая Княжна Марія Николаевна, проводила бо́льшую часть времени въ обществѣ институтокъ, форму которыхъ она постоянно носила. Но главный надзоръ за институтами оставался, попрежнему, за вдовствующею императрицей Маріей Θеодоровной, и только послѣ кончины ея въ 1828 году перешелъ къ Александрѣ Θеодоровнѣ, усложнивъ и увеличивъ ея занятія. Замѣчательно, что три императрицы, имѣвшія въ Россіи попечительство надъ женскими учебными заведеніями, слѣдовали одна за другой, и каждая на одинаковый періодъ времени тридцати двухъ лѣтъ: именно Екатерина II съ 1764 по 1796 г., Марія Θеодоровна по 1828 г. и Александра Θеодоровна по 1860 годъ.

Государыня дѣятельно занялась подвѣдомыми ей заведеніями, и до того размножила ихъ, что скоро у ней не доставало времени вникать самой во всѣ дѣла, и Государь учредилъ особый двѣ-

надцатичленный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, которому было поручено завѣдываніе учрежденіями императрицы Маріи. Статсъ-секретари докладывали дѣла Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и она клала на нихъ свои резолюціи.

Но еще болѣе институтовъ интересовало императрицу воспитаніе ея собственныхъ дѣтей. Приведемъ здѣсь собственныя слова г. Гримма:

„Еще будучи великимъ княземъ, Николай Павловичъ выбралъ для своего сына военнаго воспитателя въ лицѣ капитана Мердера, учителя кадетскаго корпуса, а для завѣдыванія общимъ образованіемъ приглашенъ былъ русскій поэтъ В. А. Жуковскій. Государь въ первые года своего царствованія чувствовалъ болѣе чѣмъ когда-либо, что воспитаніе Наслѣдника престола должно получить иное направленіе, нежели то, которое было дано его собственному воспитанію. Онъ прежде всего считалъ необходимымъ назначеніе отвѣтственнаго начальника-воспитателя, гувернера, глазъ котораго постоянно сторожилъ бы воспитанника; но такъ какъ силы этого

начальника были бы недостаточны для постояннаго исполненія обязанности, то государь допускалъ ему на смѣну по часамъ помощника, который бы, однако, дѣйствовалъ въ духѣ главнаго воспитателя. Обстоятельства своего вступленія на престолъ убѣдили Николая I въ томъ, что военныя качества должны занимать первое мѣсто въ воспитаніи государя. Поэтому молодой Наслѣдникъ долженъ былъ ознакомиться со всѣми трудностями и лишеніями войны и лагерной жизни: его постель была жесткая, пища простая; отдыхъ долженъ былъ заключаться въ военныхъ играхъ, тѣло окрѣпнуть въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Всѣмъ начальникамъ долженъ онъ былъ оказывать военное повиновеніе, и государь самъ наказывалъ за отступленіе отъ этого правила. Въ то время какъ государь наблюдалъ за будущимъ военачальникомъ, императрица заботилась о его воспитаніи и облагороженіи его сердца и характера; для достиженія этой цѣли нельзя было въ имперіи найдти другаго человѣка съ такою глубокою, дѣтски-чистою душою, какъ Жуковскій.

„Жуковскій не былъ ученымъ; онъ не могъ самъ преподавать ни одной науки; онъ былъ писатель и болѣе того, благороднѣйшій, чистѣйшій человѣкъ, вся натура котораго дышала гуманностью; онъ былъ сво-

боденъ отъ того мелочнаго самолюбія, которое особенно при дворахъ душитъ всякую внутреннюю жизнь. Онъ съ большимъ трудомъ и напряженіемъ викъ въ свое новое призваніе, въ различныя методы преподаванія подчиненныхъ ему учителей; его вмѣшательство въ учебную методу иногда затрудняло учителей; его взглядъ нерѣдко былъ фантастиченъ, но его личное вліяніе было столько же благодѣтельно для молодаго питомца, сколько оно было сильно; Жуковскій сдѣлался толкователемъ глубоколюбящаго сердца государыни и ея возвышенныхъ мыслей. Онъ первый вполнѣ понялъ рѣдкую натуру императрицы и призналъ въ ней высокій идеалъ женственности. Съ самаго рожденія Великаго Князя, Жуковскій былъ предназначенъ къ этому призванію; онъ приготовлялся къ нему цѣлые годы, какъ путешествіемъ за границей, такъ и знакомствомъ съ своимъ будущимъ воспитанникомъ. Онъ выбралъ преподавателей изъ одного воспитательнаго заведенія, которое тогда процвѣтало въ Петербургѣ подъ руководствомъ реформатскаго священника Іоанна фонъ-Муральта. Этотъ послѣдній былъ другомъ и ученикомъ Песталоцци и императрица изъ уваженія къ этому имени, столь часто слышанному ею изъ устъ покойной матери, вполнѣ до-

вѣрилась выбору Жуковскаго. Воспитаніе Цесаревича происходило въ отеческомъ домѣ, а не внѣ его, какъ это было съ обоими сыновьями императора Павла; молодой Великій Князь выросъ на глазахъ отца и матери. Ему дали двухъ товарищей дѣтства, выбравъ ихъ нарочно изъ различныхъ національностей и разнаго характера, дабы избѣгнуть однообразія. Петербургцы съ любопытствомъ и удовольствіемъ видѣли какъ ежедневно Наслѣдникъ престола съ своими двумя товарищами, въ сопровожденіи Мердера, гулялъ пѣшкомъ по городскимъ улицамъ и въ такихъ различныхъ направленіяхъ, что можно было думать будто прогуливающіеся изучаютъ городъ въ топографическомъ отношеніи. Ни дождь, ни холодъ не останавливали прогулки; ни балы, ни собранія не прерывали обычнаго дневнаго порядка. Сыновья и дочери Павла I были строго разлучены между собою: императрица Александра Θеодоровна, напротивъ того, въ дѣтствѣ привыкшая къ семейной жизни, старалась соединять своихъ дѣтей и воспитывать ихъ въ одномъ духѣ. Отъ всѣхъ своихъ общественныхъ обязанностей она улучала каждый вечеръ часъ времени и посвящала его исключительно счастью матери, окруженной своими дѣтьми. Картина превосходной работы въ Ро-

мановской галлереѣ изображаетъ императрицу, играющую съ двумя старшими дѣтьми. Изъ всѣхъ находящихся здѣсь портретовъ государынь, только на одномъ этомъ изображена императрица матерью. По воскресеньямъ и праздникамъ къ Наслѣднику приглашали многихъ молодыхъ людей, и онъ въ ихъ обществѣ знакомился съ разными петербургскими домами и узнавалъ направленіе общественнаго воспитанія въ Петербургѣ. Ихъ величества принимали живое участіе въ играхъ этой молодежи.

„Государь и государыня охотно бесѣдовали не только съ приглашенными къ ихъ сыну мальчиками, но даже съ воспитателями этихъ мальчиковъ. Здѣсь можно было часто видѣть какъ императоръ Николай довѣрчиво и откровенно разговаривалъ съ Жуковскимъ и Мердеромъ, напоминая бесѣды англійскаго короля Генриха VIII съ геніальнымъ Гольбейномъ. Въ высшемъ петербургскомъ обществѣ тогда едва былъ слышенъ звукъ русскаго языка, и маленькій Наслѣдникъ русскаго престола, въ кругу товарищей дѣтства, былъ какъ бы во Франціи, потому что большинство его сверстниковъ воспитывалось французскими гувернерами. Преподавателемъ французскаго языка къ Великому Князю былъ избранъ г. Флоранъ

Жилъ, который зналъ исключительно свой языкъ и пріучилъ на ономъ выражаться своего питомца. Скоро государь замѣтилъ, что въ воспитаніи молодежи какъ бы умышленно упускалось изъ виду изученіе роднаго языка; ближе освѣдомившись объ этомъ обстоятельствѣ, онъ увидѣлъ, что его догадка была правильна. Какъ ни маловажно казалось это наблюденіе, но принятыя по его поводу мѣры имѣли важное значеніе для всего послѣдующаго царствованія. Кромѣ научнаго образованія, Наслѣдникъ изучалъ военное искусство, знакомился съ ремеслами и фабричною производительностью и становился этимъ путемъ въ близкое отношеніе къ ежедневнымъ интересамъ жизни. Лѣтомъ, въ Царскомъ Селѣ, часы отдыха имѣли особое назначеніе. Тремъ воспитанникамъ отвели островъ на озерѣ; островокъ этотъ они обсадили деревьями и растеніями; собственноручно выстроили они на немъ домикъ, который и убрали собственноручно-изготовленною мебелью. Въ послѣдствіи Императоръ Александръ II повелѣлъ воздвигнуть здѣсь памятникъ Жуковскому, въ воспоминаніе о счастливыхъ годахъ своего дѣтства. На другомъ концѣ острова мальчики выстроили крѣпость и съ гостями своими дѣлились на двѣ партіи, изъ коихъ одна брала крѣпость, а другая

ее защищала; въ послѣдствіи здѣсь же было отведено мѣсто для гимнастическихъ упражненій. Всѣ члены царской семьи любили живопись и имѣли страсть къ рисованью. Эту страсть развивалъ въ Наслѣдникѣ художникъ, издавна принадлежавшій къ приближеннымъ государя, знаменитый батальный живописецъ Зауэрвейдъ, столько же замѣчательный своимъ талантомъ, сколько и прекраснымъ характеромъ. Человѣкъ простой въ обращеніи, съ стоическимъ хладнокровіемъ, съ свободною самостоятельностью въ воззрѣніяхъ, Зауэрвейдъ умѣлъ сохранить въ отношеніи къ царской семьѣ самостоятельность философа; онъ въ своихъ замѣчаніяхъ былъ такъ остроуменъ, говорилъ съ такою ироніей, съ такимъ юморомъ, что разсѣивалъ даже гнѣвъ всемогущаго царя. Еще великимъ княземъ узналъ его Николай Павловичъ, во время своего путешествія по Англіи, и казалось, будто при каждой встрѣчѣ оба друга жили воспоминаніемъ прошлыхъ впечатлѣній. Кромѣ этого обстоятельства, Зауэрвейдъ имѣлъ еще одну привлекательную сторону для Николая Павловича: никто не зналъ и не изучилъ русской солдатской жизни лучше этого художника и никто не умѣлъ лучше его передавать эту жизнь карандашомъ и красками; талантъ его весь поглащенъ былъ

этою спеціальностью. Наслѣдникъ выказывалъ такое же расположеніе къ музыкѣ, какъ и къ живописи; но тогдашній Петербургъ немного давалъ къ поддержкѣ этого расположенія. Тѣмъ не менѣе императрица обратила на эту часть воспитанія свое вниманіе и отъ времени до времени приказывала ставить оперы, которыя соотвѣтствовали юношескимъ вкусамъ: такъ одиннадцатилѣтній Великій Князь ѣздилъ съ своими товарищами слушать оперу Мюгеля: *Іосифъ въ Египтѣ.* Русскую исторію преподавалъ Великому Князю Арсеньевъ, человѣкъ отличавшійся въ университетѣ самостоятельностью воззрѣній еще при Александрѣ I; всеобщую исторію преподавалъ иностранецъ Липманъ, бесѣды котораго изобиловали аттическою солью. Эта наука, равно какъ изученіе литературы, интересовали Великаго Князя болѣе чѣмъ математика; въ будущемъ властителѣ преимущественно развивалось гуманное чувство. Графъ Іосифъ Віельгорскій, товарищъ и соученикъ Наслѣдника, былъ съ дѣтства его задушевнымъ пріятелемъ; этотъ умный и съ теплымъ сердцемъ молодой человѣкъ наслѣдовалъ отъ отца страсть къ музыкѣ. Дѣтство и юность свою онъ вполнѣ отдалъ своему будущему повелителю; мать его, благороднѣйшая и достойнѣйшая дама, видѣла своего сына только присутствуя при

дворѣ. Не довольствуясь общимъ курсомъ преподаванія, графъ Віельгорскій по ночамъ занимался изученіемъ музыки и классическихъ языковъ."

Великія Княжны воспитывались подъ надзоромъ графини Барановой, дочери графини Адлербергъ; онѣ всѣ ревностно занимались музыкой, исполняли лучшія музыкальныя произведенія съ акомпаниментомъ лучшихъ артистовъ и дилеттантовъ. Воспитаніе ихъ было самое простое и пріучало ихъ къ семейной жизни; предвидя, что имъ въ будущемъ предстоитъ участь быть супругами небогатыхъ, сравнительно съ Россіей, германскихъ принцевъ, Александра Ѳеодоровна давала имъ сообразное съ этимъ воспитаніе. Великія Княжны Марія и Ольга Николаевны походили болѣе на отца и лицомъ, и отчасти характеромъ, но Великая Княжна Александра Николаевна была вся въ мать и даже напоминала свою бабку, королеву Луизу. Будучи нрава самаго тихаго, скромнаго, она отличалась необыкновенною нѣжностью, сосредоточенностью; она

была очень впечатлительна и любознательна; но до тринадцатилѣтняго возраста она далеко не равнялась съ своими старшими сестрами ни по способностямъ, ни по красотѣ. Лишь въ послѣдствіи умственное развитіе ея пошло быстро. Время Великихъ Княженъ было подчинено строгимъ правиламъ и порядку: онѣ ежедневно гуляли; заниматься начинали въ восемь часовъ утра. Въ десять часовъ все императорское семейство собиралось къ завтраку въ кабинетъ Александры Ѳеодоровны. „Государь совсѣмъ иной человѣкъ у своего письменнаго стола, нежели нашъ папа, когда онъ приходитъ въ кабинетъ матери“, говорила Великая Княжна Александра Николаевна. „Тамъ сидитъ онъ, зарытый въ бумаги, съ мрачнымъ лицомъ; министры, съ боязливымъ видомъ, окружаютъ стоя его столъ, и онъ подолгу не замѣчаетъ, что мы вошли къ нему; даже страшно подойдти къ нему поздороваться и отвлечь его отъ занятій.“ Въ самомъ дѣлѣ государь забывалъ всѣ свои государственныя заботы, когда входилъ

въ кабинетъ жены. Онъ любилъ носить на своихъ могучихъ рукахъ заразъ по трое своихъ дѣтей. Когда позволяло время, государь проводилъ и вечера въ семейномъ кругу.

Императрица тоже не могла вполнѣ свободно располагать своимъ временемъ: дѣла благотворительности и завѣдыванія воспитательными заведеніями занимали ее постоянно. Первые часы утра она посвящала корреспонденціи по этимъ дѣламъ. Два раза въ недѣлю она принимала государственныхъ секретарей съ докладами. Отъ двѣнадцати до двухъ часовъ, государыня принимала всѣхъ, кто желалъ имѣть къ ней доступъ и былъ обязанъ являться къ ней; отъ двухъ до четырехъ часовъ она, или каталась съ императоромъ, или посѣщала институты, а государь въ это время ѣздилъ по городу, показываясь тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидали. Государыня ѣздила четверней въ каретѣ, съ двумя казаками на запяткахъ. Начало весны царская фамилія проводила во дворцѣ на Елагиномъ острову. Придворная жизнь получила теперь болѣе

развитія, нежели при Александрѣ I, когда ко двору являлось лишь нѣсколько его любимцевъ: теперь многіе вельможи стали держать открытые дома и имѣли счастье не рѣдко принимать у себя императорскую чету.

Въ 1827 г., въ годъ рожденія Великаго Князя Константина Николаевича, скончалась императрица Марія Өеодоровна. Къ ея похоронамъ прибылъ въ С.-Петербургъ, въ послѣдній разъ въ своей жизни, великій князь Константинъ Павловичъ.

VIII.

Поѣздка въ Варшаву.—Коронація на польскій престолъ.—Поѣздка въ Берлинъ. — Праздникъ бѣлой розы.

Здоровье Александры Θеодоровны въ 1829 г. было уже довольно разстроено, и доктора совѣтовали ей ѣхать за границу, но государыня не могла отказаться отъ поѣздки въ Варшаву, гдѣ императоръ Николай I короновался на польскій престолъ. Печальное, грустное впечатлѣніе произвела эта поѣздка на императрицу. Русскіе цари оказывали большое вниманіе Польшѣ, давая ей многія преимущества передъ другими своими областями: Александръ I носилъ въ Варшавѣ польскій мундиръ; Николай I подарилъ городу Варшавѣ въ воспоминаніе о Владиславѣ, погибшемъ подъ Варной въ 1444 году, четыре пушки, которыя были взяты въ Варнѣ; Наслѣдникъ престола учился

польскому языку подъ руководствомъ генерала Юрьевича. Но уже при коронаціи обнаружилось настроеніе созданной императоромъ Александромъ націи. Когда примасъ, въ залѣ коронованія, передалъ Николаю Павловичу всѣ царскіе доспѣхи и цѣпь бѣлаго орла, онъ вскрикнулъ *Vivat rex in aeternum.* Всѣ депутаты отъ воеводствъ должны были повторить этотъ крикъ, между тѣмъ они всѣ молчали; въ послѣдствіи они извинились тѣмъ, что этотъ крикъ не былъ включенъ въ церемоніалъ, но всѣ знали, что это было условленная заранѣе демонстрація. Тотчасъ послѣ коронаціи какой-то Полякъ потребовалъ у императора, въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ, объясненій на счетъ участи своего брата. Зубная боль помѣшала государю быть на балу, и Поляки объяснили это гнѣвомъ. Когда народный праздникъ былъ прерванъ грозой, то въ этомъ всѣ видѣли дурное предзнаменованіе. Самъ Николай Павловичъ былъ доволенъ, когда оставилъ Варшаву, и сказалъ, уѣзжая, императрицѣ, что они были на вулканѣ, кото-

рый уже десять лѣтъ грозитъ изверженіемъ.

Послѣ коронаціи императорская чета, вмѣстѣ съ одиннадцатилѣтнимъ Наслѣдникомъ, отправилась въ Берлинъ, гдѣ старый прусскій король былъ внѣ себя отъ восторга при свиданіи съ любимыми родными. Берлинъ, правда, разросся и во многомъ украсился въ тотъ промежутокъ времени, когда въ немъ не была Александра Ѳеодоровна, но за то въ королевскомъ дворцѣ опустѣло: сестры ея вышли за мужъ, одна за наслѣднаго принца мекленбургъ-шверинскаго, другая за принца нидерландскаго; братья ея также поженились. Но какъ нарочно, въ это радостное для короля время, всѣ три дочери съѣхались въ Берлинъ.

Фридрихъ Вильгельмъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь особеннымъ отпраздновать пріѣздъ дорогихъ гостей и въ честь ихъ устроилъ „праздникъ бѣлой розы“. Александра Ѳеодоровна была страстная охотница до цвѣтовъ и особенно любила бѣлую розу. Праздникъ былъ данъ въ новомъ Потсдамскомъ дворцѣ, въ тотъ

день когда императрица праздновала свое рожденіе въ тридцать первый разъ. Въ одну часть дворца былъ открытъ доступъ для публики. На главномъ дворѣ было отведено мѣсто для турнира. Часовъ около шести, когда прояснилась погода, императрица появилась въ платьѣ средневѣковаго покроя, съ шитьемъ изъ жемчуга и бриліантовъ; у всѣхъ дамъ были на головахъ вѣнки изъ бѣлыхъ розъ. Когда всѣ усѣлись, императрица дала разрѣшеніе подъѣхавшему къ ней герольду на въѣздъ въ арену нѣсколькимъ рыцарямъ. Трубачи, въ зеленой съ оранжевымъ одеждѣ, ѣхали впереди поѣзда, состоявшаго изъ десяти отрядовъ, въ каждомъ отрядѣ ѣхалъ знаменосецъ, два пажа, несшіе щитъ и оружіе, четыре рыцаря и нѣсколько оруженосцевъ. Въ каждомъ отрядѣ былъ принцъ крови. Этотъ красивый, разноцвѣтный, средневѣковый поѣздъ объѣхалъ два раза арену, и герцогъ Карлъ Мекленбургскій обратился къ императрицѣ съ слѣдующими словами: „Привѣтъ тебѣ, высочайшая изъ царствующихъ женъ, цвѣтъ красоты и солнце

счастья! Чудо привело этихъ рыцарей предъ твои очи: всякому изъ насъ виднѣлся на небѣ знакъ, очаровавшій насъ волшебною силой; то была роза, бѣлая какъ источникъ свѣта. Кто видѣлъ ее, тотъ не находитъ себѣ покоя и мчится вдаль, пока не дойдетъ до того волшебнаго за́мка, гдѣ узнаетъ тайну розы. За́мокъ желанный здѣсь, а твои глаза, полныя любви, величія и красоты,—всесильное волшебство. Рыцари хотятъ состязаться въ честь бѣлой розы, но вражда далека отъ ихъ сердца, и они просятъ позволенія заняться лишь рыцарскими играми."

Съ позволенія императрицы, избравшей двухъ судей, герцога Карла Мекленбургскаго и принца Фридриха Нидерландскаго, начались игры: среди ристалища поставили колонны съ кольцами, мишенями и головами, обвитыми бѣлыми розами; началось метаніе копій въ кольца; потомъ бросали копья въ мишени. Послѣ игръ поѣздъ объѣхалъ опять два раза арену, и затѣмъ кончился для публики праздникъ розы. Но во дворцѣ, для кружка избранныхъ,

праздникъ продолжался рядомъ туманныхъ картинъ; большое зеркало въ рамѣ изъ бѣлыхъ розъ дѣлалось прозрачнымъ, когда на него смотрѣла императрица, и тогда артисты придворной драматической труппы изображали картины, близкія воспоминаніямъ новорожденной; сначала виднѣлся Берлинъ, потомъ Силезія, Москва, рожденіе Наслѣдника, свиданіе съ отцомъ послѣ замужества, наконецъ коронація. Праздникъ окончился баломъ, при чемъ музыка играла изъ грота, убраннаго бѣлыми розами. Императрица была глубоко тронута этимъ праздникомъ, даннымъ въ честь ея. На третій день послѣ него, она оставила Потсдамъ и отправилась въ обратный путь въ Россію.

IX.

Русскій дворъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ.

Мы уже говорили, что придворная жизнь при императорѣ Николаѣ I получила новое развитіе. Г. Гриммъ останавливается на тѣхъ личностяхъ, которыя ближе всего стояли къ высочайшему двору, занимали государственныя должности и чаще другихъ имѣли доступъ къ императрицѣ. Въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ царской четѣ находился князь Петръ Волконскій, министръ двора, человѣкъ чрезвычайно дѣятельный; постоянно занятый, онъ былъ сухъ и рѣзокъ въ обращеніи. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ считался опекуномъ царскихъ дѣтей, обѣдывалъ съ ними безъ царя и имѣлъ всегда входъ, безъ доклада, къ императрицѣ. О министрѣ внутреннихъ дѣлъ князѣ Кочубеѣ мы уже говорили. Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій былъ довѣреннымъ

совѣтникомъ государя, который высоко уважалъ человѣка безвинно испытавшаго многія страданія. Кружокъ лицъ, собиравшихся по вечерамъ въ царскихъ покояхъ и здѣсь, въ дружественной бесѣдѣ, находившихъ отдыхъ отъ своихъ ежедневныхъ трудовъ, слѣдуетъ дополнить еще именами: князя Иларіона Васильчикова, человѣка съ теплымъ, чрезвычайно преданнымъ сердцемъ, и князя Чернышева, военнаго министра. Дворцовый обычай собираться по вечерамъ и проводить ихъ вмѣстѣ перешелъ и въ высшіе слои петербургскаго общества.

Изъ новыхъ людей, занявшихъ видное мѣсто въ царствованіе Николая I, слѣдуетъ назвать графа Нессельроде, министра иностранныхъ дѣлъ; въ его домѣ всякій находилъ все, что̀ можетъ возвысить благороднѣйшіе инстинкты жизни: библіотеку, музыкальныя и художественныя произведенія. Императрица также полюбила графа Бенкендорфа, шефа жандармовъ, и въ особенности графа Канкрина, министра финансовъ; послѣдній вездѣ сохранилъ свою непри-

нужденную откровенность; онъ не оставлялъ своихъ привычекъ даже во дворцѣ и являлся туда съ своею трубкой. Рѣчь его была суха, рѣзка, хотя полна знаній и составляла совершенную противоположность съ тою бесѣдой, которую въ это время велъ при дворѣ князь А. С. Меншиковъ, не щадившій никого своими остроумными замѣчаніями и не пропускавшій случая блеснуть своимъ всегда мѣткимъ и проницательнымъ сарказмомъ. При дворѣ въ это время искусства процвѣтали, и графъ Вельегорскій съ Львовымъ услаждали слухъ императрицы своими музыкальными произведеніями, а также и живопись всегда находила себѣ пріютъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Графъ Алексѣй и графиня Софья Бобринскіе стояли къ царской семьѣ совершенно въ особыхъ отношеніяхъ: люди богатые, независимые, они не занимали при дворѣ никакой должности, но тѣмъ не менѣе были весьма близки къ императорской четѣ. Графъ Бобринскій былъ замѣтенъ своими заботами о развитіи русской промышленности: онъ

не задумался помѣстить почти весь свой капиталъ на устройство первой въ Россіи Царскосельской желѣзной дороги и построилъ сахарный заводъ, гдѣ вырабатывалась девятая часть всего потребляемаго въ Россіи сахара. Супруга его сдѣлалась задушевнымъ другомъ Александры Ѳеодоровны; онѣ были въ перепискѣ въ случаѣ разлуки и всегда спѣшили дѣлиться другъ съ другомъ какъ радостными, такъ и грустными впечатлѣніями. Графиня умѣла разсѣять не одну тревожную мысль императрицы.

Мы здѣсь вскользь лишь упомянемъ о лицахъ, значеніе и дѣятельность которыхъ тогда лишь начинали выступать рельефно; то были графы: Блудовъ, Адлербергъ и Сумароковъ. Командиръ гвардейскаго корпуса Бистромъ былъ также любимъ государемъ, который уважалъ его за то, что прежде Бистромъ обращался съ Николаемъ Павловичемъ по службѣ какъ съ своимъ подчиненнымъ, а не какъ съ братомъ императора, и былъ строго взыскателенъ.

Императорская фамилія пріѣзжала

обыкновенно въ С.-Петербургъ изъ загородныхъ дворцовъ 7-го ноября и останавливалась въ Аничковомъ дворцѣ, откуда переселялась въ Зимній 5-го декабря, наканунѣ Николина дня, бывшаго всеобщимъ праздникомъ для цѣлой Россіи. Тогда царь принималъ поздравленія со днемъ своего ангела и щедро раздавалъ награды и повышенія своимъ вѣрнымъ слугамъ; въ этотъ день весь народъ повторялъ пословицу: „за царемъ служба не пропадаетъ". Зимой во дворцѣ давались балы, и царская фамилія удостоивала своимъ посѣщеніемъ приглашенія вельможъ, которые нерѣдко освѣщали весь путь отъ дворца до своихъ домовъ, превращавшихся на эти вечера въ зимніе сады. Рождественскій сочельникъ царская семья проводила дома, безъ гостей, собираясь у елки. Въ Новый годъ всѣ имѣли доступъ во дворецъ; иногда собиралось до тридцати тысячъ гостей. Обычай такихъ праздниковъ продолжался до 1835 года, когда во дворцѣ начали встрѣчать Новый годъ одни приглашенные. Иногда происходили большіе народные

пиры и въ Аничковомъ дворцѣ. Великимъ постомъ Александра Ѳеодоровна была занята выпускомъ воспитанницъ изъ институтовъ и награждала шифрами отличнѣйшихъ. Послѣ Святой недѣли, императрица дѣлала прощальные визиты во всѣ подвѣдомственныя ей учрежденія и затѣмъ уѣзжала на лѣто въ Царское Село, откуда въ іюнѣ мѣсяцѣ переѣзжала въ Петергофъ. Въ Царскомъ Селѣ она любила гулять въ саду, среди цвѣтовъ, умѣстившихся на небольшой куртинѣ, обнесенной заборомъ. Въ садъ спускались по лѣстницѣ съ балкона, на которомъ императрица по утрамъ писала письма, слушала доклады, читала. Государь любилъ отдыхать здѣсь, слушая разказы императрицы о ея дѣтствѣ, ея воспоминанія о Берлинѣ и Потсдамѣ, а иногда урывалъ время и на занятія живописью. Александра Ѳеодоровна ввела обычай, чтобъ у ея балкона по вечерамъ играли два хора военной музыки, привлекавшіе много публики.

Вблизи Петергофа, Николай Павловичъ выстроилъ себѣ небольшой дво-

рецъ, который назвалъ Александріей; здѣсь императрица любила отдыхать, принимая самыхъ близкихъ друзей, такъ какъ самое помѣщеніе не позволяло принимать многихъ. День рожденія императрицы, 1-го іюля, праздновался въ Петергофѣ съ необычайнымъ торжествомъ; половина петербургскаго населенія переселялась на этотъ день въ Петергофъ смотрѣть великолѣпную иллюминацію и игру воды въ многочисленныхъ фонтанахъ, слушать музыку, видѣть царскую семью. Въ этотъ день императрица просыпалась подъ звуки увертюры изъ *Волшебнаго Стрѣлка* и того вальса, который она танцовала на первомъ балѣ въ Берлинѣ съ своимъ тогдашнимъ женихомъ. Привѣтствія родныхъ, поздравленія придворной прислуги встрѣчали Александру Ѳеодоровну предъ выходомъ ея въ церковь; послѣ обѣдни императрица показывалась на балконѣ Петергофскаго дворца тысячамъ ожидавшаго ее народа. Къ обѣденному столу приглашались самые близкіе; въ семь часовъ принимала императрица дипломатическій корпусъ,

а вечеромъ каталась на иллюминаціи. На слѣдующій день толпы Петербургцевъ, при отсутствіи тогда пароходнаго и паровознаго сообщенія, ночевавшихъ въ экипажахъ, отправлялись въ Александрію и искали случая видѣть царскую семью, что̀ было весьма не трудно, потому что вечеромъ императрица съ государемъ и дѣтьми пила чай въ открытомъ для публики саду при дворцѣ. Въ серединѣ августа мѣсяца дворъ переѣзжалъ въ Царское Село. Здѣсь вечера проходили въ занятіяхъ музыкой. Великая княжна Александра Николаевна, отличавшаяся прекраснымъ симпатичнымъ голосомъ, пѣла довольно много. Въ 1830 году ко двору прибыла знаменитая пѣвица Генріета Зонтагъ. Она не хотѣла участвовать въ петербургской италіянской оперѣ, тогда еще не знаменитой по составу, но желала ограничиться концертами. Впрочемъ, по просьбѣ царской фамиліи она исполняла роли Десдемоны въ *Отелло* и Розины въ *Севильскомъ Цирюльникѣ*, лучшія роли своего репертуара. Оперы эти были поставлены, въ присутствіи одного

двора, на устроенномъ для сего случая театрѣ, въ Царскомъ Селѣ. Императрица оказала артисткѣ чрезвычайное вниманіе и принимала ее въ своемъ интимномъ кружкѣ.

X.

Польскій мятежъ. — Холера въ Петербургѣ и Москвѣ. — Стремленія къ народности. — Кончина великаго князя Константина Павловича. — Составъ русскаго дипломатическаго корпуса въ тридцатыхъ годахъ. — Совершеннолѣтіе Наслѣдника Цесаревича. — Приближенныя къ императрицѣ. — Маневры при Калишѣ и на югѣ Россіи. — Несчастный случай съ императоромъ Николаемъ I близь Чембара.

1830 годъ былъ тяжкій; вѣсть о возстаніи въ Польшѣ поразила весь Петербургъ, и одновременно надъ нимъ разразилась холера. Императорская фамилія переѣхала на жительство въ Царское Село; учрежденъ былъ карантинъ; приняты всѣ мѣры предосторожности противъ развитія эпидеміи, но она дѣлала свое дѣло. Государь навѣщалъ больницы въ Петербургѣ и ѣздилъ утѣшать Москвичей. Читателямъ извѣстны событія на Сѣнной площади и величественное появленіе среди раздраженной толпы императора; его

взгляд’ъ на мятежниковъ, его нѣсколькихъ сильныхъ словъ было достаточно чтобъ усмирить смуты. „На колѣни, молитесь и просите прощенія у Бога въ совершенномъ вами преступленіи!“ воскликнулъ онъ, и толпа молча исполнила этотъ приказъ. Государыня узнала объ этомъ событіи лишь черезъ нѣсколько дней изъ газетъ, потому что нѣжный мужъ боялся, чтобы разказъ о побѣжденной имъ опасности не слишкомъ подѣйствовалъ на императрицу. Она была въ это время беременна и 27-го іюля разрѣшилась третьимъ сыномъ, Николаемъ. Здоровье Александры Ѳеодоровны было очень слабо.

Одновременно съ этимъ приращеніемъ царской семьи получено было извѣстіе и объ ея уменьшеніи: великій князь Константинъ Павловичъ скончался; супруга его, княгиня Ловичъ, переѣхала на жительство въ Царское Село, но пережила великаго князя лишь нѣсколькими мѣсяцами.

Вообще тридцатый годъ былъ полонъ тревогъ для Россіи; императрица не даромъ называла его несча-

стнѣйшимъ годомъ своей жизни. События въ Польшѣ имѣли, однако, одну хорошую сторону: они возбудили въ русскомъ обществѣ чувство національности и нѣкотораго раздраженія противъ иностранцевъ, умѣвшихъ пріобрѣсть себѣ въ Россіи значеніе, въ особенности противъ Нѣмцевъ. Тогда же сознана была польза классическаго образованія, о которомъ г. Гриммъ говоритъ, что оно одно можетъ развить умъ, подѣйствовать на нравственность, воспитать стойкость житейскихъ правилъ и основательность знаній. Національныя стремленія близились къ своей цѣли. Учрежденъ былъ институтъ съ спеціальною цѣлью снабжать учебныя заведенія русскими педагогами и учителями. Принцъ Петръ Ольденбургскій основалъ Училище Правовѣдѣнія съ цѣлью снабдить Россію русскими юристами.

Г. Гриммъ указываетъ однако, что, несмотря на пробудившееся національное чувство, весь русскій дипломатическій корпусъ состоялъ тогда изъ иностранцевъ; самъ глава его,

графъ Нессельроде, не былъ русскимъ по происхожденію. Графъ Нессельроде, говоритъ г. Гриммъ, не отличался впрочемъ ни разносторонностью познаній, ни основательнымъ знакомствомъ съ европейскими кабинетами; онъ не обладалъ тактомъ противустоять желѣзной волѣ государя чтобы потомъ воспользоваться удобною минутой и вернуться къ интересовавшему его предмету. Представителемъ Россіи въ Лондонѣ былъ князь Ливенъ, урожденный Нѣмецъ, женатый на польской графинѣ Матусевичъ. Русскимъ посломъ въ Парижѣ былъ Поццо-ди-Борго, до того незнакомый съ русскою рѣчью, что когда герцогъ Ришелье хотѣлъ въ его присутствіи сказать что-либо, такъ чтобъ онъ не понялъ говоримаго, то говорилъ всегда по-русски. Поццо-ди-Борго, впрочемъ, не имѣлъ отечества; онъ поочередно служилъ Австріи, Англіи и Россіи. Корсиканецъ родомъ, онъ вездѣ умѣлъ приносить дѣйствительную пользу. Въ Берлинѣ посломъ былъ графъ Рибопьеръ, Французъ по происхожденію, родившійся въ Россіи; это былъ

пріятный собесѣдникъ, придворный съ головы до ногъ; бывая въ Петербургѣ, онъ постоянно присутствовалъ по вечерамъ во дворцѣ и былъ очень любимъ императрицей Александрой Ѳеодоровной, которой умѣлъ ловко разказывать содержаніе прочитанныхъ имъ французскихъ книгъ. Точно также и при другихъ дворахъ наши представители не были русскаго происхожденія: Убри—въ Испаніи; баронъ Николаи—въ Даніи; баронъ Мальтицъ—въ Голландіи; графъ Штакельбергъ — въ Неаполѣ. Одинъ графъ Татищевъ былъ Русскій по происхожденію, но на посту посла въ Вѣнѣ его вскорѣ замѣнилъ графъ Медемъ.

Императорская семья жила первые четыре года третьяго десятилѣтія очень скромно, рѣдко предаваясь увеселеніямъ и сосредоточиваясь въ своихъ домашнихъ интересахъ, заботясь о воспитаніи подраставшихъ дѣтей. Въ воспитаніи Наслѣдника произошла вскорѣ перемѣна. Генералъ Мердеръ до того испугался случившагося во время ѣзды въ манежѣ паденія съ лошади своего пи-

томца, что у него развилась сердечная болѣзнь; въ 1833 году обязанности воспитателя Наслѣдника онъ долженъ былъ передать генералу Кавелину, бывшему директору Пажескаго Корпуса.

Періодъ времени отъ 1834 до 1839 года былъ самымъ счастливымъ въ жизни императрицы, по ея собственному сознанію. Совершеннолѣтіе Наслѣдника престола было отпразднованo въ день его рожденія, 17-го апрѣля 1834 года. Дворянство давало по этому случаю въ домѣ Нарышкина балъ, на которомъ молодой Великій Князь сдѣлалъ свое первое появленіе въ обществѣ. Полковникъ Львовъ подарилъ по этому случаю Россіи національный гимнъ, который быстро распространился усердіемъ графа Бенкендорфа и который теперь сдѣлался любимымъ русскимъ музыкальнымъ произведеніемъ. Попечителемъ къ Наслѣднику Цесаревичу былъ назначенъ князь Ливенъ. Тогда же государь поручилъ графу Сперанскому юридическое и политическое образованіе Великаго Князя, и г. Гриммъ полагаетъ, что вліяніе

этого государственнаго человѣка осталось не безъ значенія во всѣхъ реформахъ, которыми обезсмертилъ свое царствованіе Александръ II.

Въ 1834 году началось воспитаніе Великаго Князя Константина Николаевича, который еще въ раннемъ дѣтствѣ выказывалъ необыкновенную живость ума и очень рѣшительную волю. Такъ какъ государь готовилъ своего втораго сына въ моряки, то онъ уже съ дѣтства былъ ознакомленъ съ морскою службой, подъ руководствомъ адмирала Литке. Воспитателемъ Великаго Князя былъ избранъ авторъ разбираемой нами книги, и потому мы находимъ въ ней нѣсколько страницъ, посвященныхъ его питомцу. Съ первой встрѣчи наставникъ и ученикъ сошлись между собою, такъ что это замѣтила и Государыня Императрица, спросившая Гримма, чѣмъ думаетъ онъ поддержать впредь это сближеніе. До 1834 года Константинъ Николаевичъ говорилъ только на русскомъ и англійскомъ языкахъ, а въ слѣдующемъ году, сопутствуя своимъ родителямъ въ путешествіи по Герма-

кіи, могъ уже объясняться по-нѣмецки со всѣми своими нѣмецкими родственниками. Великій Князь съ любознательностью изучалъ исторію; онъ былъ весьма внимателенъ ко всему что̀ видѣлъ и такъ живо передавалъ свои наблюденія императрицѣ, что она обратила вниманіе на то, чтобъ и другія ея дѣти посѣщали фабрики, заводы, ремесленныя заведенія, изучая промышленное производство. Купцы съ ревніемъ отбивали другъ у друга честь показать свои заведенія высокимъ гостямъ.

Государыня лично занималась болѣе воспитаніемъ трехъ своихъ дочерей, но когда вечеромъ вся семья сбиралась въ ея кабинетъ, то она могла слѣдить за ходомъ воспитанія всѣхъ дѣтей. Царская семья впрочемъ не принадлежитъ сама себѣ. Императрица обязана была показываться на прогулкахъ, въ театрѣ, на балахъ, которые давались въ честь ея, и Александра Ѳеодоровна исполняла эти обязанности, на сколько позволяло ея слабое здоровье. Толпа, въ своемъ желаніи видѣть вездѣ императрицу, сѣтовала на отсутствіе ея, но эти толки

не измѣняли принятаго ею образа жизни. Ей было чрезвычайно трудно составить штатъ своихъ приближенныхъ; фрейлины ея постоянно мѣнялись, выходя замужъ и оставляя не только дворъ, но и Петербургъ. Въ 1834 году въ число статсъ-дамъ поступила графиня Екатерина Тизенгаузенъ, оставшаяся до конца своей жизни при государынѣ и пользовавшаяся ея расположеніемъ. Она была, говоритъ г. Гримъ, любознательна, образована; умѣла схватить содержаніе прочитанной книги и передать его императрицѣ; умѣла также обратить ея вниманіе на достоинства окружающихъ людей. Она служила преданно государынѣ и облегчала доступъ къ ней нуждающимся. Другая приближенная къ императрицѣ особа того времени была Полина Александровна Бартенева. Она не принадлежала къ знатной фамиліи, не была такъ образована какъ графиня Тизенгаузенъ и была принята ко двору за свой пріятный голосъ; императрица любила проводить часы за фортепіано. Третья близкая къ государынѣ особа была княгиня Ли-

венъ, женщина съ многостороннимъ образованіемъ и замѣчательною самостоятельностью характера. Она не могла сблизиться съ высшимъ петербургскимъ обществомъ, потому что, по ограниченности своихъ средствъ, не могла открыть для него свои салоны; жена бывшаго посла, она любила говорить о политикѣ и вообще разговоръ ея былъ нѣсколько сухъ и черезчуръ серіозенъ. Государыня слѣдила за историческими сочиненіями, разспрашивала о трудахъ Нибура по римской исторіи, читала сочиненія Ферстера о Валленштейнѣ, и біографіи королевы Елизаветы англійской и Маріи Стюартъ, написанныя Раумеромъ

Въ 1833 году государыня узнала молодую баронессу Крюденеръ, урожденную Мерхенфельдъ, сестру баварскаго посла въ С.-Петербургѣ. Баронесса, жена секретаря русскаго посольства въ Мюнхенѣ, обратила на себя вниманія императрицы и чрезвычайно расположила ее къ себѣ; вскорѣ послѣ этого знакомства, она уѣхала съ мужемъ за границу. Чрезъ два года им-

ператрица встрѣтила ее въ Прагѣ и такъ привязалась къ ней, что государь не хотѣлъ ихъ разлучать, полагая что присутствіе баронессы будетъ благодѣтельно для здоровья императрицы. Баронъ Крюденеръ былъ переведенъ въ Петербургъ, сдѣланъ камергеромъ и получилъ достаточное содержаніе, чтобъ имѣть доступъ ко двору. Баронесса съ тѣхъ поръ сдѣлалась самою приближенною особой къ императрицѣ.

Александра Ѳеодоровна не могла также оставаться равнодушною къ воинскимъ занятіямъ государя. Подобно тому какъ въ 1828 году она провела лѣто въ Одессѣ, сопровождая государя на театръ войны, она ѣздила присутствовать въ 1835 г. при громадномъ смотрѣ войскъ въ Калишѣ. Русская императорская чета и прусскій король, въ сопровожденіи многихъ нѣмецкихъ принцевъ, собрались присутствовать при Лейгницѣ на маневрахъ. Императоръ и король посѣтили могилу фельдмаршала Блюхера въ Кридловицѣ. Мѣстные жители праздновали пребываніе у нихъ высокихъ

гостей балами, иллюминаціями, фейерверками, и жители маленькихъ городовъ были въ восторгѣ видѣть русскую императрицу всюду, куда ее приглашали. Въ Бреславу повторилось то же, и Александра Θеодоровна за всѣми этими увеселеніями лишилась возможности исполнить давнишнее свое желаніе пробыть въ обществѣ родныхъ и близкихъ сердцу. Въ Калишѣ русскій полкъ имени прусскаго короля привѣтствовалъ своего шефа; шестидесятысячное войско было собрано здѣсь лагеремъ въ палаткахъ, раскинувшихся въ даль; вечеромъ окрестности оглушала военная музыка и блестѣли огни фейерверка. Маневры войска были особенно привлекательны разнонароднымъ составомъ войскъ. Императрицу парадъ этотъ и военные праздники не могли не утомлять: она была не только супругой главнаго полководца, но и радушною хозяйкой, принимавшею всѣхъ этихъ гостей. По вечерамъ военачальники собирались въ театръ или удостоивались приглашенія къ императрицѣ которая была главнымъ звеномъ

союза, укрѣплявшагося между Русскими и Пруссаками. Послѣдній день маневровъ заключился штурмомъ Калиша и когда побѣдители вошли въ городъ, то они имѣли награду узрѣть на балконѣ дворца императрицу—какъ бы ангела мира.

Осенью царская фамилія возвратилась въ Царское Село. Государь ежегодно ѣздилъ во внутреннія губерніи Россіи. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ въ 1836 г. онъ выѣхалъ 25-го августа изъ Пензы въ коляскѣ съ графомъ Бенкендорфомъ; оба дремали ночью, когда вдругъ были разбужены крикомъ кучера и форрейтора: лошади понесли и остановились только когда коляска была опрокинута о кучу камня на дорогѣ. Графъ Бенкендорфъ, выброшенный изъ экипажа, подошелъ къ государю, который лежалъ въ коляскѣ безъ чувствъ. Придя въ себя, онъ приказалъ графу свести его въ ровъ подлѣ дороги, сѣлъ здѣсь, обернувшись въ шинель, и, послѣ долгой паузы, сказалъ: „я чувствую, что сломалъ себѣ лѣвую лопатку, но не предпринимайте ниче-

го, не призвавъ Божіей помощи.“ На крикъ кучера и камердинера пришелъ какой-то отставной солдатъ, грудь котораго была увѣшана медалями. Графъ Бенкендорфъ оставилъ его сторожить государя и послалъ рейткнехта, ѣхавшаго за коляской въ телѣгѣ, привезти изъ ближайшаго города Чембара доктора и новый экипажъ. Кучеръ лежалъ безъ признаковъ жизни, а камердинеръ въ крови. Государь между тѣмъ оправился, и въ сопровожденіи ветерана, подошелъ оказать помощь камердинеру; вскорѣ, однако, его величество упалъ опять безъ чувствъ на сырую землю. Черезъ часъ вернулся рейткнехтъ съ экипажемъ и докторомъ, котораго государь просилъ подать помощь кучеру и камердинеру, а самъ поѣхалъ въ Чембаръ, но вскорѣ почувствовалъ въ рукѣ такую боль, что предпочелъ идти пѣшкомъ. У воротъ города ждалъ его боязливо городничій, имѣвшій несчастіе въ первый разъ въ жизни видѣть своего государя при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ. Въ городѣ не нашлось лучшаго мѣста для

пріюта государя, какъ помѣщеніе уѣзднаго училища. Государь прежде всего написалъ карандашомъ длинное юмористическое письмо обо всемъ случившемся къ императрицѣ, отдалъ приказанія генералъ-адъютанту Адлербергу, подоспѣвшему въ это время, и потомъ уже обратился къ доктору Арндту: „Ну, теперь твоя очередь; возьми мою руку и дѣлай съ ней что̀ нужно.“ Доктора нашли ключицу сломанною и только послѣ замѣтили, что повреждено и одно ребро. Во время перевязки государь смѣялся и шутилъ по поводу своей новой резиденціи. Въ слѣдующіе дни всѣ окрестные жители окружили домъ, гдѣ лежалъ больной, и привѣтствовали его поднесеніемъ произведеній своего хозяйства. Скоро болѣзнь его усилилась, и настроеніе обратилось въ недовольство и скуку. Онъ занимался, читалъ дѣла, книги и газеты, говорилъ съ корпусными командирами, вызванными изъ южныхъ губерній, но это не могло разсѣять его. Доктора, видя медленное выздоровленіе, рѣшились объявить государю, что онъ можетъ выѣхать изъ

Чембара не ранѣе какъ черезъ три недѣли. „Я уѣзжаю завтра въ девять часовъ утра, отвѣчалъ Николай Павловичъ, и если доктора будутъ этому противиться, то я уйду пѣшкомъ.“ Остатокъ дня онъ провелъ за раздачей наградъ всѣмъ окружавшимъ его въ Чембарѣ.

Чрезъ шесть дней послѣ этого несчастнаго случая узнала объ немъ императрица и жители обѣихъ столицъ. Императрица хотѣла ѣхать сама въ Чембаръ, но поѣздку ея отклонили, указывая на ея слабое здоровье, равно какъ и на опасеніе чтобы такой поступокъ не напугалъ публики. Къ счастію, отъ императрицы скрыли опасность, которой подвергался государь, и она лишь въ послѣдствіи узнала, что на седьмой день послѣ паденія изъ экипажа, императоръ былъ при смерти и даже принималъ причастіе. Возвратясь въ Царское Село, государь отдыхалъ тамъ двадцать дней и только 8-го октября выѣхалъ въ Петербургъ, встрѣченный неудержимымъ всеобщимъ восторгомъ.

XI.

Петергофъ и Александрія.—Мнимый ветеранъ.— Посѣщеніе Крыма и Москвы въ 1737 году.—Пожаръ зимняго дворца въ Петербургѣ.

Изъ всѣхъ лѣтнихъ резиденцій царской фамиліи, государыня предпочитала Петергофъ, который выросъ какъ бы изъ земли на ея глазахъ; нигдѣ императорская семья не жила такъ покойно, тихо, сосредоточенно, какъ въ Петергофѣ. Много садовъ, домовъ, рощицъ возникло здѣсь по волѣ Александры Ѳеодоровны, которая особенно любила жить въ одной изъ окрестностей Петергофа, въ Александріи, въ томъ саду, который императоръ Александръ I подарилъ своему брату Николаю Павловичу передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ. Въ Александріи императорская семья жила чрезвычайно уединенно; доступъ сюда былъ открытъ только учителямъ, докторамъ и

нѣкоторымъ дамамъ. Въ послѣдствіи, когда находящійся здѣсь дворецъ оказался тѣснымъ для увеличившагося царскаго семейства, въ саду выстроено было еще два флигеля: одинъ для Наслѣдника Цесаревича и другой для Великаго Князя Константина Николаевича. Чтобы расширить паркъ Александріи, государь купилъ примыкающую къ нему землю гг. Мятлевыхъ съ выстроеннымъ на ней великолѣпнымъ дворцомъ и въ послѣдствіи былъ пріобрѣтенъ, на другомъ концѣ Петергофа, превосходный садъ Нарышкиныхъ для загороднаго дворца великой княгини Маріи Николаевны. Въ Петергофѣ превосходный паркъ получаетъ особую прелесть отъ близости моря; на одномъ изъ береговъ, гдѣ лѣсная чаща обрамляетъ горизонтъ, императоръ однажды, подъ открытымъ небомъ, при закатѣ солнца устроилъ представленіе балета *Ундина*, такъ что зрителямъ казалось, будто балетныя нимфы порхаютъ надъ самою поверхностью воды.

Государыня часто каталась въ экипажѣ и иногда ходила пѣшкомъ по

окрестностямъ Петергофа. Въ одну изъ такихъ прогулокъ ей особенно понравилось одно мѣстечко среди лѣсной чащи, и она выразила желаніе видѣть здѣсь русскую избушку. Государь обѣщалъ исполнить это желаніе къ будущему году. Черезъ три недѣли послѣ этой прогулки, государь, по обыкновенію, отправился въ Кадетскій лагерь, гдѣ любилъ бывать часто; онъ взялъ съ собою дѣтей и просилъ императрицу пріѣхать, когда онъ за ней пришлетъ. Чрезъ часъ явился флигель-адъютантъ отъ государя съ приглашеніемъ. Императрица сѣла въ коляску и отправилась. Подъѣхавъ къ мѣсту, гдѣ она гуляла три недѣли тому назадъ, она увидѣла, что желаніе ея исполнено; коляска остановилась передъ избой, которая какъ бы выросла изъ земли. Отставной гвардейскій инвалидъ, съ шевронами на лѣвомъ рукавѣ, высадилъ ее изъ экипажа и просилъ сдѣлать милость посѣтить его хижину.—„Позвольте, ваше величество, произнесъ ветеранъ, назвать вамъ моихъ дѣтей по именамъ и поручить ихъ покровительству матушки-царицы.

Старшій уже флигель-адъютантъ, хотя ему едва девятнадцать лѣтъ и, надѣюсь, сдѣлаетъ хорошую карьеру. Объ остальныхъ же трехъ сыновьяхъ и трехъ дочеряхъ буду я просить ваше величество. Десятилѣтняго Константина хочу я сдѣлать морякомъ; семилѣтняго Николая—инженеромъ, а младшаго Михаила—артиллеристомъ. Дочерей я бы хотѣлъ помѣстить въ институты: Марію—въ Смольный, Ольгу—въ Екатерининскій и Александру—въ Патріотическій.“ Неожиданность этой сцены до того потрясла императрицу, что она упала безъ чувствъ.

Здоровье Александры Θеодоровны годъ отъ году дѣлалось хуже и хуже, такъ что она не могла показываться на придворныхъ торжествахъ и народныхъ праздникахъ. Много помощи императрицѣ оказалъ одинъ молодой берлинскій врачъ Мандтъ, который былъ сдѣланъ придворнымъ докторомъ и, говоритъ г. Гриммъ, независимостью своего положенія, равно какъ и быстрымъ успѣхомъ при дворѣ, нажилъ себѣ много враговъ въ Петербургѣ. Въ по-

слѣдствіи Мандтъ перешелъ ко двору Великой Княгини Елены Павловны, а при императрицѣ его замѣнилъ московскій врачъ Маркусъ, родившійся въ Россіи и любимый при дворѣ. Здоровье императрицы въ 1837 году настолько окрѣпло, что она могла поѣхать въ Крымъ и жить въ имѣніи князя Воронцова Алупкѣ, между тѣмъ какъ государь подъ Вознесенскомъ производилъ большіе маневры, на которые было приглашено и нѣсколько иностранныхъ принцевъ. Государынѣ сопутствовала Великая Княжна Марія Николаевна, имѣвшая здѣсь случай впервые узнать герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, своего будущаго супруга. Крымскій воздухъ подѣйствовалъ весьма благопріятно на государыню.

Въ октябрѣ того же года царская фамилія пріѣхала въ Москву, которая приняла уже совсѣмъ иной видъ, нежели въ пребываніе тамъ Александры Ѳеодоровны въ первые годы своего замужества. Городъ разросся, поднялся въ торговомъ и промышленномъ отношеніи. Въ Москвѣ жили тогда два

вельможи: князья Дмитрій Владиміровичъ и Сергій Михайловичъ Голицыны, оба близкіе царскому дому. Князь Д. В. Голицынъ, въ свое двадцатитрехлѣтнее управленіе столицей, сдѣлалъ ей чрезвычайно много добра, заслужилъ всеобщую любовь и оставилъ благодарную память. Царская семья жила въ Чудовскомъ (Николаевскомъ) дворцѣ, скромномъ, безвкусномъ и до того тѣсномъ, такъ что всѣ три великія княжны спали въ одной комнатѣ. Въ бывшемъ кремлевскомъ дворцѣ, жилъ графъ Нессельроде. Государь не любилъ этотъ дворецъ и во время своего пребыванія въ Москвѣ, разсмотрѣлъ представленный ему планъ перестройки дворца. Государь, государыня и августѣйшія дѣти ихъ посѣщали московскія фабрики и промышленныя заведенія.

Въ С.-Петербургъ царская фамилія вернулась уже послѣ 6-го декабря. Здѣсь ее ожидало несчастіе, глубоко потрясшее императрицу. 17-го декабря, когда государь съ государыней были въ театрѣ, флигель-адъютантъ прискакалъ доложить его величеству, что въ

Зимнемъ дворцѣ, великолѣпнѣйшемъ зданіи въ цѣлой Европѣ, вспыхнулъ пожаръ. Императрицѣ никто не имѣлъ права сообщать извѣстія, которыя бы могли ее испугать. Государь всталъ съ своего мѣста, просилъ государыню остаться до конца спектакля и затѣмъ отправиться въ Аничковъ дворецъ, а самъ тотчасъ поѣхалъ на пожаръ. Пламя, показавшееся въ аптекѣ, дѣлало быстрые успѣхи и шибко шло впередъ. Государь приказалъ прежде всего вынести своихъ дѣтей, полусонныхъ, уложить ихъ въ кареты и отвезти въ Аничковъ дворецъ; младшіе великіе князья и не проснулись во время этой переѣздки. Вѣсть о пожарѣ дворца столькими оберегаемаго казалась просто невѣроятною; пораженный его народъ сбѣжался на пожарище громадными толпами. Противъ огня всѣ средства оказались безсильными, но всѣ сокровища и бумаги были спасены и перенесены войскомъ въ адмиралтейство. Государыня еще въ театрѣ узнала объ этомъ несчастіи; она поѣхала изъ театра прямо въ Зимній дворецъ, гдѣ еще только

одинъ флигель былъ объятъ пламенемъ. Она вошла въ спальню своихъ дѣтей и направляясь къ кабинету, вспомнила, что одна изъ ея придворныхъ дамъ, фрейлина Кутузова, лежитъ больная въ постели; она приказала ее тотчасъ привезти въ Аничковъ дворецъ. Императрица прощалась съ своимъ кабинетомъ, гдѣ прожила десять лѣтъ. Какое несчастіе посѣтило ваше величество! воскликнула одна изъ придворныхъ дамъ.

— Какое счастье, отвѣчала императрица, что дѣти спасены и можно надѣяться, что никто не погибнетъ! Будемъ прежде всего благодарить Бога за Его милости въ несчастіи и покоримся Его святой волѣ.

Императрица посмотрѣла еще на пожарище-изъ дома графа Нессельроде и поѣхала въ Аничковъ дворецъ, гдѣ съ трепетомъ ожидала прибытія государя. Ничто не пропало на пожарѣ и даже царская библіотека была послѣ вся собрана; многіе приносили найденные ими отдѣльные экземпляры книгъ.

Хотя остатокъ зимы и былъ прове-

денъ въ Петербургѣ чрезвычайно скромно, тѣмъ не менѣе здоровье императрицы приходило все въ большее и большее разстройство. Она жила зиму въ семьѣ, окруженная дѣтьми и радуясь ихъ успѣхамъ. Вечера она проводила за чтенiемъ своихъ любимыхъ историческихъ книгъ и въ особенности интересуясь Нибуромъ, котораго она знала учителемъ своего брата, наслѣднаго принца прусскаго. Между тѣмъ здоровье государыни до того ослабло, что доктора настоятельно требовали ея поѣздки за границу недалѣе какъ наступавшимъ лѣтомъ.

XII.

Поѣздка въ Берлинъ. — Избраніе императора Николая I въ берлинскіе граждане. — Бракосочетаніе великой княжны Маріи Николаевны. Искусства при дворѣ. — Кончина короля Фридриха. — Свадьба наслѣдника цесаревича. — Новый зимній дворецъ. — Серебряная свадьба императорской четы.

19-го мая 1838 года Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великая Княжна Александра Николаевна и Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи прибыли въ Берлинъ, сопутствуя Государынѣ Императрицѣ, которая, по настоятельному требованію врачей, отправлялась въ Германію. Августѣйшимъ путешественникамъ былъ сдѣланъ въ Пруссіи самый торжественный пріемъ, и Берлинцы поднесли Николаю I званіе почетнаго гражданина Берлина. Въ отвѣтъ на это государь приказалъ выстроить подъ Липами большой домъ для русскаго посольства.

дѣлавшій его берлинскимъ домовладѣльцемъ, и подарилъ городу значительную сумму, на которую устроена тамъ Николаевская больница. Упоминая о такомъ милостивомъ пріемѣ этого титула, г. Гриммъ замѣчаетъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ, узнавъ о выборѣ государя въ почетные граждане Берлина, сказалъ: „Если когда моему брату придетъ на мысль отказаться отъ престола, то онъ будетъ имѣть право сдѣлаться тогда трубочистомъ въ Берлинѣ."

Александра Θеодоровна прожила въ Силезіи около мѣсяца, въ кругу родныхъ своихъ, частью въ Зальцбруннѣ, частью въ Эрмансдорфѣ и Фишбахѣ. Здоровье ея замѣтно поправлялось отъ тихой, спокойной жизни и перемѣны климата на болѣе теплый. Потомъ императрица отправилась въ путь дальше, въ Баварію и посѣтивъ Нюренбергъ, отмѣтила въ своей памятной книжкѣ объ этомъ послѣднемъ городѣ, что здѣсь сердце Германіи; она знала очень хорошо, говоритъ г. Гриммъ, что городъ этотъ родина Гогенцоллерновъ. Здо-

ровье императрицы видимо поправилось послѣ лѣченія сывороткой у подошвы Альповъ, въ Крейтѣ, гдѣ въ это время съѣхались три императрицы (россійская, австрійская и бразильская). Александра Θеодоровна дѣлала частыя прогулки по окружающимъ Крейтъ горамъ и лѣсамъ, по большей части въ носилкахъ; ее всегда сопровождала тринадцатилѣтняя Великая Княжна Александра Николаевна, большая охотница до цвѣтовъ, которые она любила сама собирать по лугамъ и лѣсамъ. Однажды Александра Николаевна возвратилась съ такой прогулки съ большимъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ; одинъ изъ придворныхъ сказалъ, что для такихъ цвѣтовъ слишкомъ много чести быть сорванными Великою Княжной.

— Если Богъ не стыдился создать эти цвѣты, отвѣчала Александра Николаевна,—то зачѣмъ же я буду стыдиться собирать ихъ?

По вечерамъ у императрицы собирался небольшой кружокъ, занимавшійся музыкой. Расходились рано чтобы рано вставать. Такъ прошли четы-

ре недѣли. На прощанье съ Крейтомъ, Александра Ѳеодоровна устроила праздникъ въ честь гостепріимныхъ Тирольцевъ, которые собрались передъ ея дворцомъ и стрѣляли въ цѣль; государыня сама раздавала лучшимъ стрѣлкамъ драгоцѣнные подарки въ воспоминаніе о ея посѣщеніи Тироля.

Николай Павловичъ самъ прибылъ, чтобы проводить свою супругу на ея обратномъ пути въ Россію; путь лежалъ на Мюнхенъ, и г. Гриммъ говоритъ, что государь былъ не мало удивленъ, увидя что малонаселенный, небольшой Мюнхенъ соперничаетъ съ Петербургомъ въ ширинѣ улицъ и красотѣ архитектуры. Здѣсь государь посѣщалъ мастерскія художниковъ и познакомившись съ знаменитымъ архитекторомъ Кленце, совѣщался съ нимъ о перестройкѣ заново примыкающаго къ Зимнему Дворцу художественнаго музея, извѣстнаго подъ названіемъ Эрмитажа.

Пребываніе въ Мюнхенѣ имѣло важныя послѣдствія для Царской семьи. Великая Княжна Марія Николаевна,

девятнадцатилѣтняя красавица, сблизилась здѣсь съ тѣмъ, кому въ послѣдствіи отдала свое сердце и руку. Молодой герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій былъ сынъ вице-короля Италіи Евгенія, который, послѣ паденія Наполеона I, нашелъ себѣ пріютъ у тестя Максимиліана I, короля Баварскаго, надѣлившаго зятя княжествомъ Эйхштадтскимъ съ титломъ Лейхтенбергскаго герцога. Въ первый разъ герцогъ видѣлъ Великую Княжну Марію Николаевну въ 1837 году, когда онъ, по порученію короля Лудовика Баварскаго, присутствовалъ на маневрахъ русскихъ войскъ подъ Вознесенскомъ. Когда Царская семья, послѣ этихъ маневровъ, временно поселилась въ Одессѣ, то герцогъ бывалъ по вечерамъ у императрицы, какъ близкій знакомый: въ такой степени снискалъ онъ себѣ августѣйшее расположеніе своимъ умомъ и веселостью. Теперь при свиданіи въ Мюнхенѣ окрѣпло то чувство взаимной привязанности между молодыми людьми, которое зародилось при первомъ свиданіи на югѣ Россіи.

Вскорѣ по возвращеніи Царской семьи въ С.-Петербургъ, прибылъ туда, въ октябрѣ мѣсяцѣ, и герцогъ Лейхтенбергскій, но потомъ уѣхалъ опять обратно устроить дѣла по своимъ обширнымъ имѣніямъ и Баваріи и Италіи, и возвратился въ концѣ мая 1839 г., чтобы стать подъ вѣнецъ съ Великою Княжной. Торжественная свадьба была отпразднована въ церкви новаго дворца, только что отстроеннаго и освященнаго. Постройка эта была произведена подъ надзоромъ генерала Клейнмихеля, одного изъ бывшихъ помощниковъ Аракчеева; государь щедро наградилъ строителя, возвелъ его въ графское достоинство и дозволилъ ему помѣстить въ свой гербъ фасадъ Зимняго Дворца. Иностранныя державы, то-есть Пруссія и Австрія, не были, повидимому, довольны новою свадьбой въ русской Царской семьѣ, и Пруссія прислала съ поздравленіемъ простаго майора. Герцогъ Лейхтенбергскій переѣхалъ на постоянное жительство въ Петербургъ, сдѣланъ былъ генералъ-адъютан-

томъ и посвятилъ себя горному вѣдомству.

Приближенные къ Императрицѣ замѣтили что она была грустна первое время послѣ свадьбы своей старшей дочери. Александра Ѳеодоровна сама такъ высказалась объ этой грусти: „Я чувствую тихую печаль, даже грусть, когда мой семейный кружокъ въ Зимнемъ Дворцѣ теряетъ одного изъ своихъ членовъ; это напоминаетъ мнѣ о томъ, что скоро и Наслѣдникъ Цесаревичъ оставитъ насъ и заживетъ своимъ домомъ, а за нимъ послѣдуютъ и двѣ другія старшія дочери. Новый Зимній Дворецъ обозначаетъ предѣлъ счастливѣйшаго періода моей жизни, какъ супруги и какъ матери; какъ я утрачиваю съ годами здоровье и силу молодости, такъ, кажется, оставляетъ меня и семейное счастье.“ Въ эту эпоху ея жизни списанъ съ нея портретъ Англичанкою Робертсонъ: къ юношеской красотѣ и женственной граціи уже присоединилась легкая черта грусти, символически выраженная находящеюся въ ея рукѣ бѣлою розой съ опадающими

листьями. Портретъ этотъ не отличающійся впрочемъ большими художественными достоинствами, составляетъ контрастъ съ портретомъ Александры Θеодоровны, работы англійскаго живописца Доу, изображающимъ ее Великою Княгиней. Другой портретъ Императрицы, берлинскаго живописца Крюгера, не передаетъ ея женственности, онъ не можетъ идти въ сравненія съ превосходнымъ портретомъ того же художника, изображающимъ Николая I верхомъ окруженнаго своимъ штабомъ. Для Новаго Зимняго Дворца были написаны портреты въ ростъ съ Великихъ Княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ знаменитымъ Брюловымъ.

Мы уже говорили о томъ, что государь и государыня очень любили живопись, и Николай Павловичъ цѣлые часы занимался въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ съ своими дочерьми батальною живописью. Въ Новомъ Дворцѣ цѣлый рядъ залъ былъ отведенъ для картинъ изображающихъ важнѣйшія битвы, начиная со временъ Петра I, при чемъ го-

сударь требовалъ отъ художниковъ строгой исторической вѣрности.

Два года, проведенные Царскою семьей въ Аничковомъ дворцѣ, не прошли безслѣдно для Петербурга; во Дворцѣ этомъ нельзя было давать большихъ, блестящихъ баловъ, и потому ихъ замѣняли чаще всего музыкальные вечера. Въ то же время, городское общество, привыкшее находить во Дворцѣ центръ для себя, потерявъ возможности бывать при дворѣ, старалось привлечь его въ свою среду, что̀ повело къ развитію общественной жизни: на Михайловской улицѣ выстроено было зданіе Дворянскаго Собранія, по образцу Московскаго, съ большою залой для баловъ и концертовъ. Музыкальные вечера въ этой залѣ, осчастливленные Августѣйшимъ присутствіемъ, привлекали громадное стеченіе публики; участвовать въ этихъ концертахъ считалось большою честью; многіе генералы и камергеры участвовали въ оркестрѣ; не только скрипки и віолончели, но и большинство трубъ и тромбоновъ сидѣло въ генеральскихъ и полковничь-

ихъ эполетахъ. Здѣсь-то высказали многіе свои до тѣхъ поръ неизвѣстныя музыкальныя способности; здѣсь публика узнала А. Ѳ. Львова, тогда флигель-адъютанта и полковника; А. Н. Бахметьева, въ послѣдствіи извѣстнаго музыканта. Въ этой концертной залѣ, вмѣщавшей до четырехъ тысячъ человѣкъ публики, была особая боковая царская ложа, гдѣ Императрица появлялась очень часто. Тогда же возвратилась въ Петербургъ знаменитая пѣвица Зонтагъ, оставившая сцену и вышедшая замужъ за графа Росси, назначеннаго тогда сардинскимъ посланникомъ при Русскомъ дворѣ. Государыня чрезвычайно милостиво приняла свою давнишнюю любимицу, которая вскорѣ на небольшомъ вечерѣ во дворцѣ успѣла всѣхъ очаровать исполненіемъ Ave Maria Шуберта. Графиня Росси затѣмъ пѣла въ залахъ графовъ Вельгорскихъ, А. Ѳ. Львова, и ее убѣждали явиться передъ болѣе обширною публикой въ патріотическомъ концертѣ, но изъ Турина смотрѣли не совсѣмъ хорошо на эту страсть послан-

ницы къ искусству; оттуда пришло положительное запрещеніе супругѣ посланника участвовать пѣніемъ въ какомъ-либо публичномъ концертѣ. Государь, однако, сумѣлъ объяснить Туринскому двору, что въ патріотическомъ концертѣ участвуютъ первѣйшія и древнѣйшія фамиліи русской придворной знати, и что отъ участія въ немъ не можетъ нисколько пострадать честь иноземнаго посольства. Вскорѣ изъ Турина получено было нужное дозволеніе.

Съ переѣздомъ въ Зимній Дворецъ, 8-го ноября 1839 года, здоровье Императрицы становилось опять слабѣе и слабѣе, вслѣдствіе чего Государыня ограничилась самою тихою, скромною жизнію, въ кругу приближенныхъ. Доктора совѣтовали лѣтомъ ѣхать опять къ водамъ, на этотъ разъ въ Эмсъ, но этимъ же лѣтомъ Государынѣ суждено было перенести семейное горе. Въ февралѣ она узнала о кончинѣ первой, разводной жены Фридриха-Вильгельма II, которую, впрочемъ, Императрица знала также мало, какъ и вся Германія; она жила въ

Штеттинѣ и скончалась 94 лѣтъ отъ роду. Эта смерть напомнила, что и королю, отцу государыни, наступилъ 70-й годъ жизни. Семейная примѣта соединялась съ 1840 годомъ; въ 1640 году вступилъ на престолъ Великій Курфирстъ; въ 1740—Фридрихъ Великій; въ 1840 г. ожидали новой перемѣны на прусскомъ престолѣ. Дѣйствительно въ іюнѣ дошла до Петербурга вѣсть о болѣзни отца Государыни, и любящая дочь поспѣшила къ постели больнаго. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ уже очень слабъ, когда 1-го іюня по его желанію полагалось основаніе монумента Фридриху Вильгельму, что̀ онъ непремѣнно хотѣлъ исполнить при своей жизни. 3-го іюня прибыла въ Берлинъ Императрица и нашла его уже въ постели; 7-го іюня, въ Троицынъ день прибылъ и Императоръ, но больной уже не узналъ своего зятя; въ тотъ же день онъ скончался. Эта смерть глубоко поразила Императрицу, и она поспѣшила искать новыхъ силъ на берегахъ Рейна. Съ самою незначительною свитой поселилась она

въ Эмсѣ и начала тамъ лѣченіе; здѣсь же Императрица приблизила къ себѣ двухъ музыкальныхъ знаменитостей: Франца Листа и Мейербера; послѣдній имѣлъ честь ознакомить Государыню съ своимъ новымъ произведеніемъ: *Гугенотами*, сколько это было возможно при пособіи рояли, и произвелъ благопріятное впечатлѣніе своимъ личнымъ характеромъ и обращеніемъ.

Между тѣмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, объѣздивъ большую часть Европы и познакомившись со всѣми нѣмецкими дворами, отдалъ предпочтеніе Дармштадту, гдѣ остался гораздо долѣе чѣмъ предполагалось. Причиной того было знакомство съ дочерью великаго герцога Людвига II Дармштадтскаго. Принцесса Марія плѣнила будущаго Русскаго Императора какъ своею красотой, такъ и умомъ. Дармштадтская великогерцогская семья не была совершенно чужда русскому императорскому дому. Первая супруга императора Павла I (тогда еще великаго князя) Наталія, была гессенъ-дармштадтскою ландграфиней, но она умерла черезъ годъ послѣ

свадьбы; сестра этой великой княгини была замужемъ за королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II и приходилась такимъ образомъ бабушкой Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Николай Павловичъ вполнѣ одобрилъ и благословилъ выборъ своего сына; Императрица — тоже; ей было пріятно, что выборъ ея сына палъ именно на это семейство. Осенью она возвратилась въ С.-Петербургъ въ сопровожденіи невѣсты, которой дано было полгода приготовиться къ своему новому положенію. Въ свитѣ принцессы прибыли въ Петербургъ ея бывшая воспитательница г-жа Гранси и братъ ея, принцъ Александръ Гессенскій, поступившій тогда же въ русскую службу.

Зимой 1840 года въ Зимнемъ Дворцѣ возобновились тѣ музыкальные вечера, душою которыхъ была графиня Росси; она поставила въ одной изъ дворцовыхъ залъ, на нарочно устроенной сценѣ, оперу *Невѣста-Лунатикъ* Беллини; въ исполненіи оперы принимали участіе П. А. Бартенева, И. М. Толстой, товарищъ дѣтства и спутникъ во всѣхъ путешествіяхъ Наслѣдника Цесаревича (те-

перь графъ и министръ почтъ). Вся обстановка оперы была изъ лицъ близко стоящихъ ко двору, и спектакль имѣлъ громадный успѣхъ, хотя зрителей было допущено не болѣе двухъ сотъ человѣкъ. Въ томъ же году графъ Росси былъ отозванъ съ своего поста посланника при Русскомъ Дворѣ, и графиня съ грустью оставила Петербургъ.

Весной начались торжества по случаю бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича и такъ какъ невѣста вела до свадьбы самый уединенный образъ жизни, не показываясь народу, то толпа съ жадностью бросалась вездѣ на пути новобрачнымъ, желая видѣть наслѣдницу русскаго престола. Послѣ свадьбы, къ которой прибыли многіе германскіе принцы, молодые переѣхали на жительство въ одинъ изъ флигелей Царскосельскаго дворца, въ тѣ комнаты, гдѣ нѣкогда жила императрица Екатерина II. Въ Зимнемъ Дворцѣ было отведено особое отдѣленіе для новобрачныхъ, по возвращеніи ихъ изъ лѣтней резиденціи. Александрѣ Ѳеодоровнѣ было особенно пріятно, что ново-

брачные поселились въ одномъ дворцѣ съ нею.

Музыкальныя увеселенія Петербурга продолжались и въ слѣдующую зиму; знаменитый Листъ посѣтилъ сѣверную столицу и имѣлъ тамъ огромный успѣхъ: сборъ съ одного концерта доставилъ ему 13.500 р. с. Г. Гриммъ говоритъ, что Николай I, высоко цѣнившій Моцарта, вообще говоря не любилъ особенно музыки, и что фортепіанная игра не имѣла для него никакой привлекательности, и въ игрѣ Листа онъ видѣлъ только замѣчательную побѣду надъ трудностями. Художникъ сумѣлъ, однакоже, затронуть чувствительную струну, и на первомъ же придворномъ концертѣ сыгралъ нѣсколько піесъ военной музыки.

Лѣтомъ 1842 года императорская чета праздновала свою серебряную свадьбу. Въ числѣ иностранныхъ гостей, посѣтившихъ Петербургъ по этому случаю, былъ король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV, не бывшій въ Россіи съ 1818 года. Семейный праздникъ былъ отпразднованъ семейно; семь человѣкъ

дѣтей были его украшеніемъ. По поводу пріѣзда прусскаго короля, г. Гриммъ указываетъ на различіе политическихъ взглядовъ, сказавшихся тогда между берлинскимъ и петербургскимъ дворами. Онъ заключаетъ свою параллель между Императоромъ Николаемъ I и Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV словами: „Между этими двумя столь различными натурами стояла посредницей Императрица; ея тихій нравъ былъ алтаремъ, у котораго оба властелина почтительно подавали другъ другу руки."

XIII.

Великая Княжна Александра Николаевна. — Ея свадьба, болѣзнь и кончина. — Поѣздка Императрицы въ Италію. — Жизнь въ Оливуццѣ. — Карнавалъ въ Палермо. — Посѣщеніе Помпеи. — Болѣзнь Императрицы въ Неаполѣ. — Пребываніе во Флоренціи. — Возвращеніе въ Петербургъ.

Изъ трехъ дочерей Императрицы Александры Ѳеодоровны только одна Александра Николаевна походила лицомъ на свою мать; двѣ другія дочери были живымъ портретомъ отца. Великая Княжна Александра Николаевна, о которой мы нѣсколько разъ упоминали въ нашемъ очеркѣ, чертами лица напоминала многимъ свою бабушку, королеву Луизу. Александра Николаевна съ дѣтства восторгалась красотой природы. Сопровождая свою августѣйшую мать во время ея поѣздки въ Баварію, Великая Княжна сообщала своимъ сестрамъ о впечатлѣніяхъ этой поѣздки: „Словами нельзя выразить

мое настроеніе, писала она въ одномъ письмѣ;—какое счастье быть у подножія Альпъ! Я воображала себѣ эту мѣстность очаровательною, но нашла ее еще очаровательнѣе, нежели воображала.“

У Великой Княжны былъ замѣчательный голосъ въ три полныя октавы; онъ былъ мягокъ и чрезвычайно симпатиченъ. Великая Княжна начала заниматься пѣніемъ подъ руководствомъ Италіянца Соливи, который, однако, послѣ годовыхъ занятій, замѣтилъ, что голосъ этотъ измѣнился и заставляетъ опасаться за болѣзненное состояніе груди ученицы. Восемнадцати лѣтъ Александра Николаевна появилась передъ избранною публикой, собиравшейся у Александры Θеодоровны и очаровала всѣхъ своею красотой, своимъ умомъ и своею необыкновенною женственностью. Но не среди этого блестящаго общества была счастлива Великая Княжна; она попрежнему любила гулять по Царскосельскому парку и любоваться морскими видами Петергофа. Ее можно было лѣтомъ ви-

лѣть каждый день на берегу озера, куда одинъ звукъ ея голоса приманивалъ лебедей, которые приплывали получать кормъ изъ рукъ своей высокой покровительницы.

Лѣто 1843 года царская фамилія, по обыкновенію, провела въ Петергофѣ. Здѣсь навѣстилъ ее принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ Гессенскій, сынъ ландграфа, издавна поселившагося въ Копенгагенѣ, и мужа сестры датскаго короля Христіана VIII. Иностранный гость болѣе другихъ поддался тому очаровательному обаянію, которому покорялись всѣ окружавшіе Великую Княжну. Александра Николаевна была чрезвычайно удивлена, узнавъ, что принцъ проситъ ея руки, но сердце ея вполнѣ отвѣчало этому выбору. Такъ какъ Великой Княжнѣ приходилось оставлять Петербургъ и переселиться въ Данію, съ которой до тѣхъ поръ Россія не имѣла почти никакихъ сношеній, то теперь Александра Николаевна дѣятельно принялась изучать Данію и, какъ свидѣтельствуетъ г. Гриммъ, очень скоро полюбила свое новое отече-

ство; съ восторгомъ начала она отзываться о произведеніяхъ Торвальдсена и когда кто-то въ ея присутствіи сталъ восхвалять красоту Босфора, она воскликнула: „Все-таки Зундъ при Копенгагенѣ красивѣе!“—Свадьба была назначена въ январѣ 1844 года и наканунѣ святокъ пріѣхалъ въ Петербургъ женихъ. Онъ не могъ не замѣтить перемѣны въ своей невѣстѣ; на лицѣ ея показалась болѣзненная блѣдность, а кашель, прежде слышавшійся очень рѣдко, теперь слышался чаще и сдѣлался гораздо глуше. Одновременно съ свадьбой великой княжны Александры Николаевны праздновали свадьбу дочери великаго князя Михаила Павловича, великой княжны Елизаветы Михаиловны съ принцемъ Нассаускимъ. Тысячи приглашенныхъ собрались на это торжество и многіе, видѣвшіе въ первый разъ августѣйшихъ невѣстъ, были поражены замѣчательною блѣдностью лица Александры Николаевны и ея болѣзненнымъ видомъ. Среди этихъ праздниковъ, великая княжна говорила одному изъ своихъ приближенныхъ:

„Какъ я жажду спокойствія; какъ я радуюсь тихому кабинету и хочу скорѣе вернуться къ моимъ занятіямъ.“

Принцъ Нассаускій съ своею молодою супругой уѣхалъ вскорѣ послѣ свадьбы, а другіе новобрачные временно поселились въ Зимнемъ Дворцѣ. Болѣзнь Александры Николаевны развивалась съ неимовѣрною быстротой; она уже съ трудомъ могла перенести переѣздку Великимъ постомъ въ Аничковъ дворецъ изъ Зимняго. Императрица, полная безпокойствъ, навѣщала дочь и заботилась о ея здоровьѣ, какъ любящая мать. Въ городѣ скоро узнали о болѣзни Александры Николаевны и толпы осаждали Аничковъ дворецъ. Государь между тѣмъ собирался ѣхать въ Лондонъ. Докторъ Маркусъ, не видавшій больную три мѣсяца и приглашенный теперь къ ея одру, былъ пораженъ перемѣной въ больной и, тотчасъ же отправился къ государю, совѣтуя ему отложить поѣздку за границу. Николай Павловичъ спросилъ въ отвѣтъ на это Маркуса: состоитъ ли онъ лейбъ-докторомъ при больной и сколько мѣсяцевъ наблюдалъ онъ

за ней. Затѣмъ Государь призвалъ врачей Рауха и Шольца, состоявшихъ при великой княгинѣ и успокоенный ихъ отзывомъ, поѣхалъ за границу. Вскорѣ по его отъѣздѣ Императрица созвала консиліумъ и по латинскому языку, которымъ доктора начали говорить въ ея присутствіи, несчастная мать угадала свою участь. Послѣ консиліума рѣшено было послать пословъ сухимъ путемъ и моремъ въ догонку за царемъ. На седьмой день своего пребыванія въ Лондонѣ узналъ государь грустную вѣсть объ опасной болѣзни дочери и поспѣшилъ къ больной, которая лежала въ Александровскомъ дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ. Ихъ Величества не отходили ни днемъ, ни ночью отъ любимой дочери; весь Петербургъ сочувствовалъ горю царской семьи и въ городѣ прекращены были, безъ всякаго на то приказанія, всѣ увеселенія. Въ началѣ іюля болѣзнь приняла самый опасный оборотъ; въ это время прибылъ изъ морскаго плаванія Великій Князь Константинъ Николаевичъ, съ которымъ больная была особенно дружна и вели-

кая княгиня казалась ожила немного, слушая его разказы о только что видѣнномъ имъ Копенгагенѣ. 28-го іюля больная разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго тотчасъ окрестили и назвали Василіемъ, и который чрезъ два часа послѣ крестинъ умеръ. Мать послѣдовала за нимъ въ иную жизнь на другое утро: „Будьте счастливы“, произнесла она, засыпая вѣчнымъ сномъ, обращаясь къ окружавшимъ ея родителямъ.

Александра Ѳеодоровна была сильно поражена этимъ ударомъ; ея и безъ того слабое здоровье, теперь сдѣлалось опаснымъ. Дворъ переѣхалъ въ Гатчину и жилъ тамъ въ замѣчательномъ уединеніи; всѣ пріемы были прекращены и Императрицу тщательно оберегали отъ всего, что могло напомнить о близкой потерѣ. Прошелъ годъ и здоровье неутѣшной матери пришло въ такое разстройство, что доктора настоятельно требовали поѣздки за границу къ купанью. Государь очень холодно встрѣтилъ это требованіе докторовъ; ему непріятно было дозволять для своей

супруги отступленіе отъ тѣхъ правилъ, которому онъ требовалъ подчиненія со стороны своихъ подданныхъ. Извѣстно, что въ это время поѣздки за границу для Русскихъ были сопряжены съ значительными затрудненіями. Поѣздка Императрицы на югъ Россіи была тогда едва мыслима, при отсутствіи на югѣ Россіи дворца, гдѣ бы могла жить Государыня и при плохомъ состояніи путей сообщенія. Какъ на образецъ плохаго состоянія, въ то время, большихъ дорогъ, можно указать на то, что въ 1845 году на пути изъ Варшавы въ Кіевъ, Государь долженъ былъ идти довольно далеко пѣшкомъ, потому что экипажъ его завязъ дорогой. Докторъ Мандтъ находилъ, однако, что Государынѣ необходимъ южный климатъ и настоялъ на томъ, что Императоръ одобрилъ наконецъ его выборъ относительно Палермо для мѣстопребыванія больной. Послѣ обычной своей поѣздки по внутреннимъ губерніямъ, Императоръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ выѣхалъ изъ Чугуева въ Италію, гдѣ онъ, равно какъ и его супруга были еще въ первый разъ

въ жизни. Поѣздка эта, вызвавшая, какъ свидѣтельствуетъ г. Гриммъ, въ петербургскомъ обществѣ много неодобрительныхъ отзывовъ, состоялась благополучно. Государь былъ очень доволенъ ознакомиться съ италіянскимъ климатомъ; въ Генуѣ встрѣтилъ онъ своего стараго слугу, маркиза де-Паулучи, бывшаго генералъ-губернатора Остзейскихъ провинцій и теперь занимавшаго ту же должность въ Генуѣ. Императрица, еще съ корабля любовалась берегомъ, на которомъ цвѣли душистыя розы, отъ котораго вѣяло ароматомъ лимонныхъ деревьевъ. При видѣ величественныхъ горъ, Императрица не могла удержаться отъ восторженнаго восклицанія.

Мѣстомъ жительства Государыни былъ выбранъ не самый Палермо, но близьлежащая вилла Оливуцца, къ которой дорога шла среди садовъ и памятниковъ старины. Оливуцца — садъ, обитаемый только лѣтомъ; изъ здѣшнихъ мраморныхъ, старинныхъ дворцовъ, Александра Ѳеодоровна заняла дворецъ, принадлежавшій княгинѣ Бу-

тера, урожденной княжнѣ Шаховской; дворецъ этотъ былъ отдѣланъ съ тѣми удобствами, къ которымъ привыкли сѣверные жители и между прочимъ, съ рѣдкими въ Италіи печами. Дворецъ былъ окруженъ цвѣтами и былъ достаточно помѣстителенъ для Императрицы и Великой Княжны Ольги Николаевны; дворъ поселился въ примыкающихъ и сосѣднихъ строеніяхъ. Уже черезъ нѣсколько недѣль Императрица почувствовала себя здоровѣе и настолько пополнѣла, что могла надѣть браслеты, которые въ Петербургѣ спадали съ ея рукъ. Государь осматривалъ съ Прусскимъ принцемъ окрестности Палермо и занимался государственными дѣлами при содѣйствіи графа Орлова и графа Нессельроде; еженедѣльно два раза пріѣзжали изъ Петербурга курьеры съ бумагами, требовавшими Высочайшаго утвержденія. Посѣтивъ короля Неаполитанскаго, Императоръ пробылъ пять дней въ Римѣ и написалъ оттуда Государынѣ длинное интересное письмо о впечатлѣніи, произведенномъ на него древнимъ городомъ и политическимъ

состояніемъ страны. Въ январѣ Государь вернулся, чрезъ Вѣну, въ Петербургъ.

Король Неаполитанскій заботился о томъ, чтобы августѣйшей гостьѣ было покойно въ новой избранной ею резиденціи; онъ удалилъ изъ Оливуццы толпы нищихъ и подчинилъ эту мѣстность бдительному надзору особой полиціи. Вскорѣ государыня была обрадована пріѣздомъ Великаго Князя Константина Николаевича, заѣхавшаго въ Палермо на пути своего плаванія по Средиземному морю; русская военная музыка съ корабля Его Высочества играла по вечерамъ передъ дворцомъ Императрицы. Въ послѣдствіи Великій Князь, посѣтивъ Грецію и Турцію, еще разъ вернулся въ Палермо и разказывалъ Императрицѣ о своей поѣздкѣ, о своихъ впечатлѣніяхъ путешествія по исторической почвѣ Греціи и священной горѣ Аѳону. Здѣсь же въ Палермо находилась въ это время сестра Императрицы, вдовствующая великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская. Изъ иностранныхъ прин-

цевъ чаще другихъ бывалъ наслѣдный принцъ Виртембергскій; онъ познакомился съ великой княжной Ольгой Николаевной и просилъ ея руки. На бракъ этотъ послѣдовало согласіе со стороны родителей, какъ жениха, такъ и невѣсты.

Въ свитѣ Государыни въ это время обращалъ на себя вниманіе баронъ Петръ Мейндорфъ, бывшій посланникъ въ Берлинѣ, сопровождавшій Императрицу, по приказанію Государя, въ ея заграничномъ путешествіи. Баронъ Мейндорфъ, родомъ изъ Остзейскихъ провинцій, былъ человѣкъ умный, образованный. Самая трудная обязанность при этомъ маленькомъ дворѣ выпала на долю гофмаршала Шувалова, который долженъ былъ всѣмъ распоряжаться. Два доктора Мандтъ и Маркусъ дополняли свиту, изъ которой мы забыли назвать еще графа Апраксина. Г. Гриммъ замѣчаетъ, что въ это время русскія и иностранныя газеты много говорили о многочисленной свитѣ русской императрицы, а между тѣмъ, въ общей столовой, гдѣ сходились къ обѣ-

ду приближенные Императрицы, Великаго Князя Константина Николаевича и великой герцогини Мекленбургской, столъ былъ накрытъ всего только на двадцать человѣкъ.—Статсъ-дамой, сопровождавшей Императрицу была княгиня Салтыкова, сестра оберъ-шталмейстера князя Василія Долгорукаго, отца недавно скончавшейся супруги нынѣшняго московскаго генералъ-губернатора кн. Вл. А. Долгорукаго. Изъ придворныхъ дамъ въ свитѣ находилась г-жа Нелидова, а великую княжну Ольгу Николаевну сопровождала пожилая фрейлина Окулова. Въ свитѣ Великаго Князя находился адмиралъ Литке. Вотъ и весь составъ русскаго двора, находившагося съ Императрицею въ Италіи.

Дворъ въ Оливуццѣ жилъ самою уединенною жизнью. Графъ Шуваловъ проектировалъ, для развлеченія, небольшіе спектакли и императрица изъявила свое согласіе на ихъ устройство, но доктора воспретили и это развлеченіе. Времяпрепровожденіе дня для Государыни было распредѣлено докторами самымъ регулярнымъ образомъ. Въ восемь

часовъ утра она вставала и прогуливалась по саду, гдѣ, послѣ прогулки, сервированъ былъ завтракъ, къ которому допускались только родные и дѣти, а свита въ это время еще спала, придерживаясь петербургскихъ привычекъ. Время отъ перваго до втораго завтрака Государыня проводила въ кабинетѣ за серіозными занятіями, писала письма, читала историческія сочиненія объ Италіи и Сициліи; баронъ Мейндорфъ сообщалъ ей газетныя новости.—Во время втораго завтрака въ саду игралъ оркестръ руской флотиліи и русскія національныя мелодіи раздавались на родинѣ Беллини. Потомъ Императрица каталась въ экипажѣ по близлежащимъ окрестностямъ и отдыхала цѣлый часъ передъ обѣдомъ, за составомъ котораго строго наблюдали врачи. Вечеромъ весь дворъ собирался опять на два часа, а къ одиннадцати часамъ всѣ отходили ко сну.

Зимній сезонъ въ Оливуццѣ начался баломъ, на которомъ двадцать красавицъ-Италіянокъ явились въ сициліянскихъ костюмахъ (шафранножелтыя

платья; бѣлые фартуки; полосатые чулки; свѣжіе розы и кораллы въ волосахъ) и протанцовали съ кастаньетами тарантеллу. Вслѣдъ за ними явилось двадцать мальчиковъ, въ костюмахъ донскихъ казаковъ и проплясали по-казацки. Послѣ этого балетнаго вступленія, начался балъ. Государыня по болѣзни не могла присутствовать на всѣхъ балахъ, которые давала аристократія сосѣднихъ виллъ, но она не могла отказать въ просьбѣ жителей города Палермо, которые умоляли ее посѣтить ихъ городъ въ воскресенье на масляницѣ. Карнавалъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда Императрица показалась на улицахъ Палермо въ открытой коляскѣ, съ дочерью, сестрою и племянницею. Еще Императрица не проѣхала и половины главной улицы, какъ въ коляскѣ ея воздвигнулась гора изъ конфетъ и цвѣтовъ; отъ обилія сильно пахучихъ фіалокъ Государынѣ чуть не дѣлалось дурно. Александра Ѳеодоровна остановилась у дворца герцога Саррадифалько и, едва показалась она на балконѣ дворца, какъ балконъ былъ засыпанъ цвѣтами и конфетами.

Государыня поднялась еще этажемъ выше и оттуда сыпала сама въ народъ конфеты и цвѣты; толпа ринулась къ этимъ царскимъ милостямъ и каждый хотѣлъ получить что-либо въ воспоминаніе объ русской Императрицѣ. Но вотъ среди улицы показался большой корабль, который везло шестнадцать лошадей. Восемь матросовъ и одинъ капитанъ изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій Палермо, находились на кораблѣ, который остановился предъ балкономъ Императрицы и обсыпавъ толпу цѣлой горой конфетъ; ловкіе матросы начали бросать на балконъ, гдѣ находилась Императрица, фіалки, розы, мирту, миндальные и апельсинные цвѣты. Шумъ и пахучесть цвѣтовъ заставили Государыню удалиться на нѣкоторое время съ балкона, чтобы отдохнуть и, когда она вторично показалась на балконѣ, явился новый корабль съ такимъ же грузомъ, какъ и первый. Но какъ только истощился запасъ конфетъ и цвѣтовъ, импровизированные матросы запѣли русскій національный гимнъ, къ величайшему удивленію ок-

ружающихъ и восторгу Императрицы, которой сюрпризъ этотъ былъ приготовленъ офицерами русской эскадры.

Г. Гриммъ говоритъ, что этотъ день остался памятнымъ на всю жизнь Императрицы, которая и въ Италіи не оставила своей привычки благотворить; болѣзнь мѣшала ей самой посѣщать больницы и пріюты; по этому Государыня ежемѣсячно выдавала десять тысячъ франковъ для раздачи палермскимъ бѣднякамъ. Послѣ карнавала, она послала еще десять тысячъ для употребленія съ тою же цѣлью.

Четыре мѣсяца Императрица прожила въ Оливуццѣ и затѣмъ отправилась въ Неаполь. Въ воспоминаніе о счастливомъ пребываніи въ Оливуццѣ Государыня приказала отправить оттуда въ Петербургъ нѣсколько апельсинныхъ деревьевъ.—Императрица предполагала пробыть около двухъ недѣль въ Неаполѣ; король отвелъ для нея помѣщеніе въ своемъ дворцѣ; государыня нетолько гуляла по обширному балкону, принадлежавшему къ ея квартирѣ, но еще могла кататься по балкону

въ ручной колясkѣ. Съ балkона открывался великолѣпный видъ на Везувій, который, kakъ бы привѣтствуя драгоцѣнную гостью, еженочно давалъ фейерверки. Государыня пожелала посѣтить Помпейскія древности и въ сопровожденіи великой княгини Ольги Николаевны и великаго князя Константина Николаевича, только возвратившагося изъ поѣздки въ Римъ, она отправилась въ Помпею; Императрица была въ восхищеніи отъ этихъ древнихъ руинъ и долго ходила межъ ними, расспрашивая подробно объ исторіи всего, что видѣла. Прогулка эта до того разслабила Императрицу, что она на другой день слегла въ постель и заболѣла очень серіозно. Двѣнадцать дней положеніе здоровья Государыни было весьма опасно; для свиданія съ ней допускали только по одиночкѣ самыхъ близкихъ родственниковъ и то лишь на четверть часа. Разговаривать съ Государыней было строго воспрещено. Докторовъ, довольно справедливо обвиняли, говоритъ г. Гриммъ, въ томъ, что они выбрали для пребыванія въ Неапо-

лѣ самый не здоровый въ этомъ городѣ мѣсяцъ, именно мартъ. — Король и королева оказывали Государынѣ величайшее вниманіе.

Наконецъ доктора дозволили Александрѣ Ѳеодоровнѣ прогулки въ экипажѣ по окрестностямъ Неаполя; прогулки эти устраивалъ русскій посланникъ при Неаполитанскомъ дворѣ, графъ Потоцкій, о которомъ г. Гриммъ говоритъ, что это былъ Полякъ по происхожденію и по характеру; Потоцкій любилъ независимость и необходимость исполнять приказанія докторовъ была ему не только не по нутру, но даже бѣсила его.

Поправившись отъ своей болѣзни, Государыня хотѣла ѣхать въ Римъ, но исполненію этого искренняго желанія ея воспротивились доктора тѣмъ болѣе, что въ Римѣ въ это время показалась оспа, такъ, что русской свитѣ Императрицы воспрещено было имѣть всякія сношенія съ пріѣзжающими изъ Рима.

Г. Гриммъ приводитъ слѣдующій раз-

говоръ Императрицы въ Неаполѣ. Однажды она сказала со вздохомъ:

— Я думаю, что на мнѣ осуществится выраженіе: увидѣть Неаполь и потомъ умереть.

— Другое выраженіе говоритъ: Неаполь только видѣть, а жить въ Петербургѣ! замѣтилъ кто-то изъ приближенныхъ.

— Вы напомнили мнѣ, живо прервала Императрица, что я даже не видала еще Неаполя въ его живописномъ величіи. Что предпринимаетъ общество сегодня, въ этотъ прекрасный, весенній день?

— Поѣздку въ Кастелламаре.

— Неужели мнѣ будутъ воспрещать даже наслажденіе весеннимъ воздухомъ? я желаю раздѣлить эту прогулку съ обществомъ.

Прогулка эта освѣжила Императрицу. Она затѣмъ начала поправляться и уже наступившимъ великимъ постомъ могла выходить на балконъ. Въ четвергъ на страстной недѣлѣ она присутствовала въ церкви при обрядѣ омовенія ногъ королемъ у неаполитанскихъ нищихъ.

Государыня присутствовала у божественной службы въ посольской церкви, помѣщавшейся въ третьемъ этажѣ и, несмотря на слабость здоровья, посѣщала храмъ ежедневно во время страстной недѣли, а у заутрени въ Свѣтлое Христово Воскресенье стояла въ парадномъ платьѣ; во время богослуженія повторялись, однако, съ больной нѣсколько разъ обмороки. Въ Свѣтлое Воскресеніе у Государыни былъ большой пріемъ и всѣ Русскіе спѣшили имѣть честь поцѣловать ручку Государыни. На другой день Государыня переѣхала въ Соренто, а на третій день, при громадномъ стеченіи народа, при восторженныхъ крикахъ и пушечной пальбѣ, Императрица отплыла на пароходѣ *Камчатка*, послѣ шестимѣсячнаго пребыванія своего въ Неаполитанскомъ королевствѣ.—Не вся свита, однако, сопровождала Государыню; многіе, и въ томъ числѣ баронъ Мейендорфъ, направились на Римъ и должны были съѣхаться съ Императрицей во Флоренціи. Другая часть свиты сопровождала Александру Өеодо-

ровну на отдѣльномъ пароходѣ *Бессарабія*, гдѣ помѣстился и докторъ Мандтъ, чтобы не напоминать путешественницѣ своимъ присутствіемъ о ея болѣзни.

„Мнѣ, сказала государыня, воспрещаютъ поѣздку въ Римъ подъ предлогомъ, что путешествіе сухимъ путемъ утомляетъ болѣе морскаго, но не думаютъ о томъ, что я, съ юности, ненавижу морское путешествіе и въ Россіи привыкла къ дальнимъ поѣздкамъ сухимъ путемъ. Находятъ, что двухдневное пребываніе въ Римѣ можетъ быть вредно, но позволяютъ мнѣ прожить двѣ недѣли во Флоренціи, не боясь усталости; огорченіе не видѣть Рима долго будетъ меня мучить; оно въ состояніи уничтожить лучшія послѣдствія моего путешествія.“

Даже желаніе Императрицы посмотрѣть на Римъ издали не могло осуществиться: морская болѣзнь, отъ которой страдали она и ея свита, помѣшала ей исполнить это желаніе. Въ Ливорно Государыню ждало грустное извѣстіе о кончинѣ ея тетки, которую

она особенно любила и которая доканчивала ея воспитаніе, послѣ смерти королевы Луизы. Къ счастью, пріѣздъ жениха великой княжны Ольги Николаевны нѣсколько разсѣялъ Александру Ѳеодоровну, и она чрезъ Пизу благополучно прибыла во Флоренцію, гдѣ была торжественно встрѣчена пальбой и выраженіемъ народнаго восторга.

Въ первые дни своего пребыванія во Флоренціи Императрица познакомилась съ тамошнимъ великимъ герцогомъ и проживавшими въ этомъ городѣ двумя братьями Наполеона I. Затѣмъ Государыня осматривала живописныя окрестности города и проводила цѣлые часы за обозрѣніемъ знаменитой картинной галлереи. Ей болѣе всего понравились здѣсь двѣ картины Рафаэля, изображающія Святое Семейство, и потомъ Мадонна, молящаяся предъ Христомъ-младенцемъ, картина Корреджіо. Великій герцогъ Леопольдъ II предложилъ Императрицѣ служить ей вмѣсто чичероне при обозрѣніи галлереи Питти, и государыня съ восторгомъ осматривала хранящіяся тамъ сокровища ис-

кусства. „Вы правы, сказала она герцогу послѣ осмотра галлереи; въ этомъ дворцѣ только образцы искусства, но тѣмъ не менѣе, я не промѣняла бы на Рафаэля двѣ картины моего кабинета: *Іоаннъ* работы Доменикино, и *Святое Семейство*, работы Мурильо.“ Государыня предпринимала съ своею свитой большія поѣздки и вездѣ на пути ихъ встрѣчали толпы любопытнаго народа, жаждавшаго видѣть Русскую Императрицу и прославившуюся своей необычайной красотой великую княжну Ольгу Николаевну. Г. Гриммъ говоритъ, что великій герцогъ совѣтовалъ Императрицѣ быть осторожнѣе въ своихъ поѣздкахъ и не объявлять заблаговременно о томъ, куда предполагаютъ отправиться; герцогъ говорилъ, что въ его владѣніяхъ живетъ очень много Поляковъ, за образомъ мыслей и намѣреніями которыхъ его полиція не можетъ услѣдить. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, одинъ молодой человѣкъ протискался чрезъ толпу и подошелъ къ великой княжнѣ довольно близко; свита, объятая испугомъ, остано-

вила смѣльчака; кто-то спросилъ его что̀ ему нужно?—„Я хочу видѣть вблизи первую красоту въ мірѣ“, отвѣчалъ художникъ, и когда къ нему обернулась Ольга Николаевна, онъ прибавилъ: „Взгляните на меня одну минуту, и я за этотъ взглядъ отдамъ половину моей жизни.“

День рожденія Наслѣдника Цесаревича былъ достойно отпразднованъ русскими путешественниками; утромъ Императрица съ своею свитой была у обѣдни въ домовой церкви виллы Анатолія Демидова, женатаго на принцессѣ Матильдѣ-де-Монфортъ. Къ императорскому столу были въ этотъ день приглашены многіе Русскіе, а вечеромъ, въ присутствіи Тосканскаго двора, устроено было музыкальное собраніе; избранное общество слушало пѣніе графини Орсини и княжны Лобановой.

Наканунѣ дня своего ангела, 21-го апрѣля, Государыня отслужила панихиду по недавно усопшей именинницѣ, Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ и за божественною службой упала въ обморокъ. Тѣмъ не менѣе на дру-

гой день она торжественно принимала весь Флорентійскій дворъ и давала у себя большой обѣдъ. Вечеромъ устроена была большая иллюминація, и на противоположномъ берегу рѣки Арно засвѣтилась декорація, изображавшая фасадъ Петербургской биржи, въ томъ видѣ какъ она представляется изъ оконъ кабинета Императрицы въ Зимнемъ Дворцѣ. По рѣкѣ плавали иллюминованныя гондолы и въ воздухѣ раздавались звуки русскаго національнаго гимна одновременно съ италіянскими мелодіями.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого праздника, Александра Ѳеодоровна, провожаемая большимъ стеченіемъ народа, отправилась въ путь на Болонью, Венецію, Вѣну и прибыла въ Петербургъ въ началѣ іюня мѣсяца.

XIV.

Возвращеніе въ Петербургъ.— Свадьба Великаго Князя Константина Николаевича.— Новыя стремленія умовъ въ Западной Европѣ.— Опять холера въ Петербургѣ.— Усмиреніе русскими войсками мятежа въ Венгріи.— Кончина Великаго Князя Михаила Павловича.— Памятники царствованія Николая I.— Поѣздка Государя и Государыни въ Германію въ 1852 году.— Княгиня Ливенъ.— Крымская кампанія.— Болѣзнь и смерть Николая Павловича.

Какъ Государь, такъ и Государыня почувствовали благодѣтельное на нихъ вліяніе поѣздки за границу; Государь любилъ долго послѣ того говорить о посѣщеніи имъ Рима и сравнивалъ Петербургъ съ городомъ Святаго Петра. Всѣ въ Петербургѣ встрѣтили ея возвращеніе съ искреннимъ восторгомъ, а въ институтахъ, которые она посѣтила, дѣвицы принимали ее пѣніемъ кантатъ, подносили ей цвѣты и рукодѣлія. Государыня ѣздила по церквамъ приносить Господу Богу благодарность за

свое выздоровленіе и дѣлала пожертвованія въ пользу больницъ и пріютовъ для бѣдныхъ. Она посѣтила также графиню Бобринскую и баронессу Фредериксъ. Высшее общество въ Петербургѣ проснулось отъ того сна, въ который оно было погружено въ прошлую зиму, въ отсутствіи Государыни.

Между тѣмъ приготовленія къ свадьбѣ Великой Княжны Ольги Николаевны шли своимъ чередомъ; нашъ тогдашній посланникъ при Виртембергскомъ дворѣ, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, прислалъ еще въ Палермо къ Августѣйшей невѣстѣ тѣ сочиненія и книги, изъ которыхъ она могла ознакомиться съ своимъ будущимъ отечествомъ.—Въ началѣ іюля мѣсяца дворъ переѣхалъ изъ своей лѣтней резиденціи въ Петербургъ и въ Зимнемъ Дворцѣ была отпразднована свадьба, черезъ мѣсяцъ послѣ которой Ольга Николаевна уѣхала въ Виртембергъ. Ее сопровождали въ этомъ переселеніи: бывшая гувернантка ея, г-жа Окулова и секретарь г. фонъ-Аделунгъ.

Осень Государыня провела чрезвы-

чайно уединенно въ Царскомъ-Селѣ, и доктора начали серіозно опасаться за то, чтобы только что поправившееся здоровье ея не пострадало опять отъ предстоящихъ зимой выѣздовъ, баловъ, придворныхъ торжествъ и пріемовъ. Времяпрепровожденіе дня было заранѣе опредѣлено, и единственное развлеченіе, которое позволяла себѣ Императрица въ эти два мѣсяца, заключалось въ чтеніи *Мессіады* и *Фауста*. На эти литературные вечера приглашались Наслѣдница Цесаревна, Великая Княгиня Марія Николаевна и нѣкоторыя приближенныя особы. Часто чтеніе прерывалось прибытіемъ статсъ-секретаря, и Государыня, не любившая никого заставлять ждать, уходила разсматривать и подписывать принесенныя къ докладу бумаги.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, провожавшій свою сестру въ Виртембергъ, на обратномъ пути останавливался въ Альтенбургѣ и здѣсь познакомился съ принцессой Александрой, дочерью герцога Іосифа. Красивая, умная и живая принцесса эта обрати-

ла на себя вниманіе многихъ Русскихъ, посѣтившихъ Киссингенъ въ 1844 году; Императоръ Николай встрѣтился съ нею и ея отцомъ въ Болоньѣ, на своемъ обратномъ пути изъ Палермо. Константинъ Николаевичъ прислалъ въ Петербургъ письмо, въ которомъ объявилъ своимъ родителямъ, что выборъ его сердца палъ на принцессу Александру. Великій Князь былъ еще очень молодъ и не вполнѣ окончилъ курсъ своего образованія; поэтому родители не могли не задуматься надъ этою просьбой ихъ сына. Государь припомнилъ, однако, что онъ самъ поддался первому очарованію своей жизни и женился на Александрѣ Ѳеодоровнѣ; теперь онъ написалъ сыну, что соглашается на его свадьбу съ тѣмъ, однако, чтобы свадьба состоялась не ранѣе какъ черезъ два года; невѣста должна была прожить еще годъ въ своей семьѣ, а затѣмъ пріѣхать въ Петербургъ и въ продолженіе слѣдующаго года ознакомиться съ Россіей.

Государь хотѣлъ отблагодарить спутниковъ своей супруги по ея путеше-

ствію въ Италію и пригласилъ этихъ счастливцевъ на раскошный праздникъ, который былъ данъ 10-го октября въ залахъ Аничкова дворца. За тѣмъ Императрица удалилась опять въ Царское-Село, гдѣ пробыла до 19-го ноября; здѣсь получила она извѣстіе о кончинѣ дочери Великаго Князя Михаила Павловича—Маріи Михаиловны. При дворѣ былъ установленъ трауръ, и Государыня ни разу не посѣтила даже театра, продолжая свои занятія нѣмецкою литературой и изученіемъ великаго творенія Гёте. Въ кружкѣ, собиравшемся у Императрицы, занялъ въ это время видное мѣсто новый прускій посланникъ, генералъ фонъ-Роховъ; онъ обратилъ вниманіе Ихъ Величествъ на новый духъ, внесенный въ современную литературу, и указалъ на вліяніе въ Германіи Гейне и его школы. Вообще генералъ фонъ-Роховъ заботился о томъ, чтобы Государыня интересовалась современною политикой, и скоро Императрица начала подмѣчать стремленія, которыя тогда начали выясняться въ Западной Евро-

нѣ. Государь Императоръ, внимательно слѣдившій за періодическою печатью, съ безпокойствомъ принималъ печальныя извѣстія о вспышкахъ, которыя то и дѣло нарушали спокойствіе Европы. Весной Государь заболѣлъ довольно серіозно и въ апрѣлѣ слегъ въ постель. Случилось, что и Александра Ѳеодоровна, въ это время, также заболѣла, и весь городъ былъ въ страшномъ безпокойствѣ объ этомъ посѣтившемъ всю Россію несчастіи. Болѣзнь эта была, однако, непродолжительна, и лѣтнее пребываніе за городомъ совершенно поправило здоровье Ихъ Величествъ.

Въ сентябрѣ было отпраздновано совершеннолѣтіе Константина Николаевича, а чрезъ мѣсяцъ послѣ того былъ совершенъ обрядъ обрученія съ прибывшею въ Петербургъ принцессой Альтенбургской, названною при присоединеніи къ православію Александрой Іосифовной.

Между тѣмъ извѣстія, приходившія изъ Западной Европы, были все болѣе и болѣе печальнаго свойства; княгиня Ливенъ, жившая тогда въ Парижѣ, пи-

сала Государынѣ ежедневно письма, судя по которымъ надо было ожидать во Франціи государственнаго переворота. Петербургъ веселился всю зиму, мало думая о политическихъ событіяхъ. Въ субботу на масляницѣ во дворцѣ данъ былъ великолѣпный балъ; среди танцевъ въ залѣ появился Государь Императоръ съ озабоченнымъ лицомъ и бумагой въ рукахъ; онъ сдѣлалъ знакъ музыкѣ перестать играть. Въ залѣ воцарилось молчаніе, и Николай Павловичъ произнесъ громовымъ голосомъ: „Господа, Франція объявлена республикой!“ Балъ этимъ и окончился, а по городу извѣстіе разнеслось съ быстротой молніи.

Государь тогда же сказалъ своимъ двумъ младшимъ сыновьямъ: „Можетъ статься вы, въ будущемъ году, окончите свое образованіе на полѣ битвы“. Вскорѣ послѣ того прибылъ курьеръ съ извѣстіями изъ Берлина о происшедшихъ тамъ безпорядкахъ. Императрица, при видѣ курьера, упала безъ чувствъ; на устахъ ея замеръ вопросъ: „А мой братъ, Вильгельмъ?“

Государь сталъ чаще обыкновеннаго показываться на улицахъ и вездѣ былъ встрѣчаемъ съ восторгомъ. Въ Россіи все было спокойно, тихо и счастливо. Современное положеніе Европы было осмѣяно въ каррикатурѣ, которая тогда была очень распространена. На столѣ стояли: бутылка съ пѣнившимся изъ нея шампанскимъ; бутылка, изъ которой лилось пиво, выбившее пробку, и полуштофъ водки, запечатанный казенною печатью.

Извѣстія изъ Польши были самыя успокоительныя; фельдмаршалъ князь Паскевичъ бдительно наблюдалъ за спокойствіемъ края.

Событія во Франціи оживили Петербургъ и увеличили его населеніе: многія семейства, жившія по нѣскольку лѣтъ за границей, вернулись теперь въ Россію. Этихъ переселенцевъ не пугало и то, что около этого времени въ Петербургѣ свирѣпствовала опять холера. Непрошенной гостьѣ, однако, не удалось разгуляться: строгія медицинскія мѣры, принятыя во время, покончили быстро съ ея распространеніемъ.

Въ Европѣ дѣла шли своею чередой и хотя въ Россіи царствовало полное, ненарушимое спокойствіе, тѣмъ не менѣе нельзя было оставаться совершенно безучастнымъ къ положенію тѣхъ германскихъ государствъ, главы которыхъ находились въ родственныхъ отношеніяхъ къ нашей Августѣйшей Фамиліи. Императрицу обстоятельства эти тревожили болѣе, нежели безпорядки въ Польшѣ въ 1831 году; она по цѣлымъ днямъ оставалась въ своихъ покояхъ. Здѣсь она слушала чтеніе политическихъ извѣстій изъ газетъ. Государь навѣщалъ свою супругу очень часто и нерѣдко самъ заявлялъ желаніе быть слушателемъ этихъ извѣстій; нѣжный супругъ спѣшилъ удовлетворить каждое желаніе Императрицы, здоровье которой опять стало хуже. Государь исполнялъ даже малѣйшія прихоти своей нѣжнолюбимой супруги. Однажды Александра Θеодоровна выразила сожалѣніе, что жизнь на дачѣ мѣшаетъ ей въ этотъ день быть въ театрѣ, и Николай Павловичъ устроилъ

представленіе на сценѣ загороднаго театра.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ умерли послѣдніе изъ слугъ, сопровождавшихъ Императрицу въ Россію, когда она только что пріѣзжала для выхода въ замужество. Государыня осыпала благодѣяніями оставшіяся послѣ нихъ семейства; въ особенности жалѣла Императрица объ одномъ изъ этихъ слугъ, именно о томъ, который управлялъ ея имѣніями. Разказываютъ, между прочимъ, что однажды возникъ споръ между этимъ управляющимъ и арендаторомъ мельницы въ имѣніи Ея Величества Ропшѣ. Управляющій, защищая интересы Императрицы, перенесъ дѣло въ судъ и, къ величайшему его удивленію, судъ рѣшилъ дѣло въ пользу арендатора. Пораженный такимъ рѣшеніемъ, управляющій не зналъ какъ передать эту вѣсть Императрицѣ, но Государыня разсѣяла его испугъ, сказавъ: „Конечно досадно Императрицѣ проиграть процессъ въ пользу крестьянина, подобно тому какъ нѣкогда Фридрихъ Великій проигралъ свой процессъ съ мельни-

комъ въ Санъ-Суси; но, съ другой стороны, какъ утѣшительно видѣть безпристрастіе судовъ!“

Въ числѣ умершихъ въ это время изъ приближенныхъ Императрицы, былъ ея секретарь г. Шамбо, который распоряжался благотвореніями Государыни и ежемѣсячно раздавалъ въ пособіе бѣднымъ такія суммы, которыя едва могли быть покрываемы изъ доходовъ Императрицы. Въ числѣ пользовавшихся такимъ пособіемъ были нѣкоторыя аристократическія семейства, которыя только этимъ путемъ имѣли возможность поддержать свое положеніе при дворѣ. Смерть г. Шамбо, скончавшагося отъ холеры, глубоко огорчила Государыню.

Въ 1849 году у Государыни было еще болѣе горя. Мятежъ въ Венгріи былъ въ полномъ разгарѣ, и Николай Павловичъ опасался, что это сосѣднее пламя страстей перекинется черезъ границу въ его владѣнія. Въ маѣ мѣсяцѣ Императрица одна переѣхала на жительство въ Царское Село; Государь отправился въ Варшаву для сви-

данія и переговоровъ съ Францомъ-Іосифомъ, императоромъ Австрійскимъ; Великій Князь Михаилъ Павловичъ сопровождалъ брата, а Великій Князь Константинъ Николаевичъ отправился въ главную квартиру русскихъ войскъ, въ Венгріи. Результатъ свиданія обоихъ императоровъ извѣстенъ: содѣйствіе Россіи усмирило бунтъ въ Венгріи. Великій Князь Константинъ Николаевичъ заслужилъ въ дѣлахъ противъ мятежниковъ орденъ св. Георгія Побѣдоносца; Наслѣдникъ престола еще за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ получилъ ту же награду на Кавказѣ.

Александра Өеодоровна провела лѣто чрезвычайно уединенно въ Петергофѣ, въ сообществѣ графини Тизенгаузенъ, предаваясь своему любимому занятію—чтенію. Между тѣмъ изъ Варшавы получено было страшно печальное извѣстіе, сначала объ ударѣ, который поразилъ Великаго Князя Михаила Павловича, потомъ о его кончинѣ. Императрица переѣхала обратно въ Царское Село, гдѣ хотѣла ожидать возвращенія своего опечаленнаго супруга

изъ Варшавы. Оба брата Николай и Михаилъ Павловичи были связаны съ дѣтства самой искренней дружбой, хотя въ основѣ ихъ характеровъ лежала большая разница. Николай Павловичъ былъ всегда серіозенъ и сосредоточенъ въ себѣ; Михаилъ Павловичъ, напротивъ, веселъ и остроуменъ; онъ отличался замѣчательною добросовѣстностью въ исполненіи своихъ обязанностей, и требовалъ того же отъ своихъ подчиненныхъ. Офицеры боялись его, зная какъ онъ строгъ ко всякому отступленію отъ формъ и правилъ, но они любили его, какъ отца, зная также, что въ трудныя минуты жизни могли всегда разчитывать на его помощь и поддержку. Дѣйствительно, Великій Князь отдавалъ большія суммы на благотворительныя дѣла, и оказываемая имъ помощь имѣла всегда практическое назначеніе. Здоровье Великаго Князя еще въ 1847 году представляло серіозныя опасенія и онъ тогда же думалъ ѣхать за границу, говорилъ о томъ, какъ надѣнетъ статское платье, какъ постарается проскользнуть мимо сво-

ихъ многочисленныхъ родственниковъ въ Германіи и какъ онъ въ качествѣ зрителя будетъ присутствовать на смотру войскъ въ Парижѣ. Политическія обстоятельства Европы помѣшали осуществленію этой поѣздки.

Николай Павловичъ возвратился изъ Варшавы глубоко потрясенный; онъ цѣлый часъ со слезами, безъ словъ, обнималъ свою супругу и долго потомъ не могъ удерживать слезъ, когда въ бумагахъ или государственныхъ дѣлахъ ему приходилось встрѣчать что-либо объ умершемъ братѣ. Приближенные къ Государю замѣтили даже, что онъ, съ этого времени, сталъ горбиться, тогда какъ прежде величественная осанка его казалась еще привлекательнѣе отъ того, что онъ ходилъ прямо, не сгибаясь. Не одна смерть брата, впрочемъ, повліяла такъ на Государя: онъ не могъ оставаться равнодушнымъ и къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя его окружали; онъ не могъ не замѣтить того духа революціоннаго движенія, который изъ Европы проникъ и въ Россію и нашелъ себѣ здѣсь нѣсколькихъ

адептовъ. Приближенные къ Государю старались выставить виною распространенія этихъ идей университеты и Николай Павловичъ былъ нѣкоторое время сильно возбужденъ противъ этихъ учебныхъ заведеній. Г. Гримъ утверждаетъ, будто участіе Императрицы и графа Нессельроде много содѣйствовало примиренію Императора съ университетами. Къ этому же времени относится и та несчастная исторія, которая не имѣла никакихъ вредныхъ послѣдствій и которая болѣе извѣстна публикѣ по имени главнаго зачинщика ея—Петрашевскаго.

Государь, между тѣмъ, ставилъ памятники своего знаменитаго царствованія: онъ открылъ движеніе по желѣзной дорогѣ между Москвой и Петербургомъ; выстроилъ Благовѣщенскій мостъ чрезъ Неву; построилъ зданіе Эрмитажа въ С.-Петербургѣ, новый дворецъ въ Московскомъ Кремлѣ и воздвигалъ зданіе Исакіевскаго собора. Занятіе государственными дѣлами и смотрами войскъ шли своей обычной чередой. Во время одного изъ смотровъ

Государь упалъ вмѣстѣ съ лошадью, но онъ скоро приподнялся съ земли, спокойно сѣлъ опять на лошадь и пробылъ еще три часа подъ сильнымъ дождемъ. Доктора совѣтовали Императору обратить серіозное вниманіе на это обстоятельство, грозя печальными послѣдствіями, но Государь отвѣчалъ, что ему некогда заниматься лѣченіемъ и только хромота ушибенной ноги принудила его пробыть нѣсколько лишнихъ дней во дворцѣ. Достойно замѣчанія, что Государь, въ продолженіе всей своей жизни, не измѣнялъ разъ составившимся политическимъ взглядамъ и постоянно держался одной системы дѣйствій; то же постоянство выказывалъ онъ и въ своей семейной жизни, посвящая всѣ свободныя минуты своей достойной супругѣ, здоровье которой приходило все въ большее и большее разстройство. Государыня была уже вынуждена передать заботу о благотворительныхъ и учебныхъ заведеніяхъ своимъ дочерямъ и невѣсткамъ, поручая имъ обзоръ этихъ учрежденій. Слабость здоровья Государыни была

такова, что она не могла даже навѣщать выпускные экзамены воспитанницъ Смольнаго института, и Государь приказалъ привозить этихъ воспитанницъ въ Зимній дворецъ, гдѣ Императрица напутствовала ихъ въ новую жизнь.

Политическое значеніе Россіи достигло въ 1851 году апогея своего величія; Россія была самымъ могущественнымъ государствомъ въ Европѣ. Николай Павловичъ, довольный плодами трудовъ своихъ, казался бодрѣе и здоровѣе, нежели когда нибудь; сама Императрица чувствовала себя хорошо и въ продолженіе лѣта чаще обыкновеннаго показывалась въ общественныхъ мѣстахъ и на прогулкахъ, правда не пѣшкомъ, но въ открытой коляскѣ. Наслѣдная принцесса виртембергская навѣстила своихъ родителей и въ день ея ангела, въ Ольгинъ день, устроенъ былъ большой праздникъ въ Петергофѣ; на берегу водоемовъ былъ поставленъ и исполненъ балетъ *Ундина*. Въ это время никто и не подозрѣвалъ, что событія конца сороковыхъ годовъ могли

имѣть большое вліяніе на здоровье Государя; одинъ докторъ Мандтъ не увлекался призрачностью этого здоровья и былъ на сторожѣ. Онъ тогда же высказалъ такое мнѣніе о здоровьѣ Ихъ Величествъ: „Наука въ состояніи еще долго поддержать такую болѣзненную натуру, какъ у Государыни; рѣдкое спокойствіе духа Императрицы служитъ лучшимъ для нея лѣкарствомъ; ей отъ времени до времени нужно освѣжаться, пользоваться купаньемъ, подышать нѣсколько мѣсяцевъ инымъ воздухомъ, и она опять будетъ здорова на нѣсколько лѣтъ. Здоровье же Государя меня безпокоитъ гораздо болѣе: малѣйшій промахъ съ моей стороны имѣлъ бы болѣе дурныя послѣдствія, нежели потеря битвы.“

Приближенные къ Императору дѣйствительно не могли не замѣтить въ немъ нѣкоторой перемѣны и новыхъ привычекъ, которыхъ у него прежде не было: такъ онъ сталъ, во время прогулокъ, говорить самъ съ собой; тонъ его разговора сдѣлался рѣзче. Между тѣмъ самолюбію Монарха не

могло не льстить то высокое положеніе, которое онъ пріобрѣлъ въ глазахъ всей Европы, съ удивленіемъ и завистью смотрѣвшей на этого колосса, бодро и съ свѣжими силами устоявшаго противъ того повѣтрія, которое хотѣло расшатать зданіе европейскаго спокойствія. Посѣтивъ въ 1852 году Германію, Николай Павловичъ еще болѣе убѣдился въ своемъ величіи, встрѣчая вездѣ дань удивленія и уваженія; въ Дрезденѣ, гдѣ цѣлыя двадцать лѣтъ бѣглые Поляки открыто высказывали свою ненависть къ нему, Государь встрѣтилъ теперь обожаніе къ своей особѣ. Государыня, сопровождавшая Государя въ этомъ путешествіи, воспользовалась случаемъ полѣчиться купаньемъ; она приказала выстроить себѣ небольшой швейцарскій домикъ и въ немъ отдыхала больная. Здѣсь навѣщала ее княгиня Ливенъ, бывшая такъ давно въ отсутствіи отъ Русскаго двора; она сообщала Императрицѣ богатый запасъ свѣдѣній о Парижѣ и о событіяхъ въ Европѣ; то было дополненіе къ письмамъ, которыя она

писала къ Государынѣ. Умную, образованную княгиню Ливенъ многіе за границей считали дипломатическимъ агентомъ Русскаго двора, и поэтому всѣ искали ея знакомства, хотя въ то же время были съ нею весьма осторожны. Переписка ея съ Императрицей и глубокія политическія соображенія, которыя она высказывала, поддерживали это предположеніе. Въ Европѣ не могли не видѣть особыхъ политическихъ цѣлей въ теперешнемъ свиданіи Александры Ѳеодоровны съ княгиней Ливенъ, и встрѣчавшіе ихъ вмѣстѣ на прогулкахъ старались поймать каждое слово изъ разговора этихъ двухъ особъ, придавая этимъ словамъ особое значеніе.

Наступало двадцатипятилѣтіе благополучнаго царствованія Николая I; многіе ждали этого дня, какъ источника новыхъ милостей и наградъ, ждали также различныхъ торжествъ и празднествъ. Государь отвѣчалъ любопытнымъ словами: „Я всѣхъ васъ удивлю", и дѣйствительно этотъ торжественный день онъ провелъ обычнымъ об-

разомъ въ кругу своей семьи, въ молитвѣ.

Въ Петербургѣ многіе были убѣждены, что Николай Павловичъ, заботясь о здоровьѣ своей супруги, по возможности скрывалъ отъ нея всѣ заботы о государствѣ и всѣ вѣсти грустнаго свойства. Въ сущности Государь боялся испугать свою жену, и потому многое непріятное дѣлалось извѣстнымъ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, когда опасность уже совершенно миновала: такъ до Императрицы дошло извѣстіе о возобновленіи холеры въ Петербургѣ, когда исчезли всѣ симптомы этой болѣзни. Однажды, во время концерта, на которомъ присутствовали Ихъ Величества, Государю доложили о пожарѣ; онъ тотчасъ поскакалъ на мѣсто пожара, но отдалъ приказаніе въ концертной залѣ всѣ нумера музыки повторять до тѣхъ поръ, пока самъ не возвратится съ пожара. Государыня такимъ образомъ узнала о пожарѣ, когда все кончилось.

Политическія событія, между тѣмъ, вызвали Россію на новую блистатель-

ную дѣятельность; цѣль посольства князя Меньшикова въ Константинополь была неизвѣстна даже многимъ лицамъ высшаго общества въ Петербургѣ, и когда остроумнаго адмирала разспрашивали на этотъ счетъ, то онъ отвѣчалъ, что ѣдетъ устраивать свадьбу дочери султана съ однимъ изъ молодыхъ князей. Государь между тѣмъ совершилъ еще путешествіе въ Ольмюцъ и Берлинъ, думая успокоить недовѣріе Европы, но въ это самое время изъ Грецiи и Турціи доходили извѣстія о страшныхъ притѣсненіяхъ со стороны Турокъ проживавшимъ въ Оттоманской имперіи христіанамъ. На Россіи, по условіямъ еще Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, лежала обязанность защиты своихъ единовѣрцевъ на Востокѣ, и самъ Абдулъ-Меджидъ новымъ фирманомъ подтвердилъ передъ русскимъ посломъ это право сосѣдственной державы. По отъѣздѣ князя Меньшикова, послы англійскій и французскій съ угрозами требовали взятія обратно этого фирмана; слабый султанъ повиновался имъ. Князь Меньшиковъ возобновилъ тогда

угрозы со стороны Россіи, и когда турецкое правительство начало медлить отвѣтомъ, то русскія войска заняли Дунайскія Княжества. Событія этой войны, въ которой Европа хотѣла видѣть завоевательные планы Россіи, еще слишкомъ свѣжи въ общей памяти, чтобы ихъ повторять здѣсь. Мы скажемъ объ этой войнѣ только то, что̀ относится прямо до Александры Ѳеодоровны. Государь былъ глубоко огорченъ тѣмъ, что христіане вступили въ союзъ съ мусульманами, и онъ грустью своей дѣлился съ женой; въ ея обществѣ находилъ онъ отдыхъ отъ своихъ теперь усилившихся трудовъ, въ разговорахъ съ нею разсѣивалъ онъ свои грустныя впечатлѣнія; въ ея участіи находилъ онъ новыя силы для новой дѣятельности. Извѣстія съ театра войны глубоко поражали Государя, который любилъ своихъ подданныхъ; къ тому же получались извѣстія о смертельныхъ ранахъ лицъ, близко знакомыхъ Николаю Павловичу, и онъ посвящалъ свой досугъ посѣщенію оста-

вавшихся въ Петербургѣ семействъ раненыхъ и убитыхъ.

Нѣкоторыя злоупотребленія въ управленіи войсками, раскрытыя въ то время, имѣли самое потрясающее впечатлѣніе на Государя, который никакъ не могъ ожидать этого. Такъ онъ особенно былъ пораженъ, узнавъ, что въ комитетѣ о раненыхъ не достаетъ весьма значительныхъ суммъ.

— Цѣлые мѣсяцы какъ я страдаю безсонницей, говорилъ Императоръ одному изъ своихъ приближенныхъ;—и ночью будущность представляется мнѣ чрезвычайно мрачною.

— Оттого она и мрачна, что Ваше Величество видите ее ночью.

— Днемъ она кажется еще мрачнѣе.

Малѣйшее извѣстіе съ театра войны производило на Государя самое глубокое впечатлѣніе; въ началѣ 1855 года война приняла еще болѣе сильные размѣры. Въ здоровьѣ Государя видна была значительная перемѣна, но онъ старался казаться здоровымъ и встрѣчалъ своего доктора словами:

— Все благополучно, да и некогда болѣть.

Александра Ѳеодоровна раздѣляла труды своего мужа, утѣшая его въ рѣдкія минуты отдыха; она одушевляла также петербургское общество на оказаніе помощи раненымъ и пострадавшимъ въ войнѣ. Общество собирало пожертвованія и посылало ихъ войскамъ; аристократки щипали корпію, приготовляли бинты и посылали ихъ въ Крымъ. Здоровье Императрицы было далеко не цвѣтущее; около этого времени она потеряла своего друга Цецилію (баронесса Фредериксъ), и кончина эта заставляла себя чувствовать тѣмъ сильнѣе, что баронесса писала много писемъ за Александру Ѳеодоровну, слабость зрѣнія которой усилилась.

Въ концѣ января мѣсяца Николай Павловичъ заболѣлъ гриппомъ, господствовавшею тогда въ С.-Петербургѣ болѣзнью; Государь, однако, не бросалъ своихъ занятій и наступившимъ Великимъ постомъ ходилъ аккуратно въ церковь къ богослуженію. 9-го фе-

враля Императоръ хотѣлъ выѣхать на смотръ войскъ, отправлявшихся въ походъ, но докторъ Мандтъ воспротивился этому намѣренію и чтобы подкрѣпить свое мнѣніе, пригласилъ военнаго доктора Кареля. Этотъ послѣдній сказалъ Государю:

— Я бы не позволилъ послѣднему солдату выйдти изъ госпиталя, еслибы видѣлъ его въ такомъ болѣзненномъ состояніи, въ какомъ находитесь Ваше Величество.

— Вы исполнили свою обязанность, отвѣчалъ Государь;—позвольте же мнѣ теперь исполнить свою.

И несмотря на двадцатитрехъ-градусный холодъ Государь отправился въ манежъ въ обыкновенной формѣ; послѣ смотра онъ навѣстилъ больнаго военнаго министра; вечеромъ онъ занимался съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, прибывшимъ изъ Кронштадта, и на другое утро почувствовалъ себя еще хуже; тѣмъ не менѣе въ десять часовъ онъ отправился опять въ манежъ. Это былъ послѣдній его выѣздъ, послѣ котораго

Государь слегъ въ постель, покрылся солдатскою шинелью и передалъ управленіе государственными дѣлами Наслѣднику Престола. Извѣстіе о пораженіи Русскихъ при Евпаторіи было послѣднимъ ударомъ для больнаго, который, однако, воспретилъ безпокоить городъ бюллетенями о своемъ здоровьѣ и даже отъ Императрицы скрывалъ свою слабость. Болѣзнь шла быстрыми шагами, и Мандтъ счелъ уже необходимымъ обратиться съ откровеннымъ извѣстіемъ объ этомъ къ духовнику Государя, протоіерею Бажанову. Государь, по присутствію этого лица въ своей комнатѣ, угадалъ опасность своего положенія и обратился къ Мандту съ откровеннымъ вопросомъ о томъ, слѣдуетъ ли ему скоро ожидать смерти. Мандтъ отвѣчалъ, что это несчастіе можетъ случиться, и тогда Императоръ послалъ за Наслѣдникомъ Престола. Во время исповѣди и причастія Императрица стояла на колѣняхъ по одну сторону одра умирающаго, а Наслѣдникъ по другую сторону. Императоръ былъ

въ полномъ сознаніи и даже умирая, былъ величественъ какъ при жизни.

— Зачѣмъ не могу я умереть вмѣстѣ съ тобой! воскликнула Императрица.

— Ты должна жить для семьи, отвѣчалъ Николай Павловичъ, указывая на окружающихъ.—Любите другъ друга по прежнему. Онъ взялъ за руку Императрицу и продолжалъ:—Когда я увидалъ тебя въ первый разъ, то сердце мнѣ сказало: вотъ твой ангелъ-хранитель, и ты имъ сдѣлалась; будь тѣмъ же для дѣтей.

Въ это время принесли изъ Крыма извѣстіе отъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. „Они здоровы! воскликнулъ Государь; остальное меня уже не безпокоитъ.“ Затѣмъ умирающій послалъ въ Москву и Кіевъ извѣстія о своей болѣзни, призвалъ къ себѣ своихъ министровъ и приближенныхъ, благодарилъ ихъ за службу и послѣднія минуты жизни провелъ въ своей семьѣ. Государыня первая узнала о кончинѣ своего супруга: его холодная рука выпала изъ ея руки. Цѣ-

дый часъ стояла она въ молитвѣ у одра, пока наконецъ ее, обезсиленную, не увели въ кабинетъ. Въ городѣ узнали объ этомъ событіи въ ту же ночь и въ церквахъ начали отправлять панихиды по усопшемъ. Впечатлѣніе было глубокое. Толпы осаждали въ послѣдующіе дни Зимній Дворецъ; всѣ хотѣли проститься съ прахомъ своего Монарха.

Завѣщаніе Николая Павловича написано было въ 1844 году и это завѣщаніе не Государя, а отца семейства; онъ отдаетъ все свое имущество нѣжнолюбимой Государынѣ; поручаетъ ей заботу о семьѣ и ея же попеченію отдаетъ своихъ дѣтей до самаго ихъ совершеннолѣтія. Онъ говоритъ съ признательностью и о другихъ членахъ своей семьи, благодаритъ и своихъ преданныхъ слугъ, въ особенности графа В. Ѳ. Адлерберга, и сестру его, графиню Ю. Ѳ. Баранову.

Похороны Николая Павловича совершились при громадномъ стеченіи народа; гробъ былъ опущенъ въ склепъ Императорскаго дома, въ церкви Петропавловской крѣпости.

XV.

Императрица-вдова.—Окончаніе Крымской войны.—Свадьба Великаго Князя Николая Николаевича.—Поѣздка Императрицы въ Германію.—Коронація Александра II.—Пребываніе Императрицы въ Ниццѣ.—Посѣщеніе Александрою Θедоровною Рима.—Свадьба Великаго Князя Михаила Николаевича.—Двѣ зимы въ Петербургѣ.—Новая поѣздка въ Италію.—Болѣзнь Императрицы.—Ея кончина.—Завѣщаніе Александры Θеодоровны.

Государыня вступила теперь въ послѣдній періодъ своей богатой жизни; какъ нѣкогда она оставалась утѣшеніемъ для своего овдовѣвшаго отца, такъ теперь она была поддержкой и главой своей осиротѣвшей семьи. Во домашнемъ обиходѣ Зимняго Дворца не было сдѣлано никакой перемѣны: всѣ особы Царской Фамиліи остались жить въ своихъ прежнихъ покояхъ и въ обычный часъ приходили желать добраго утра своей Августѣйшей Матери. Великая Княгиня Ольга Николаевна, принцъ

Карлъ Прусскій и Великая Герцогиня Мекленбургская пріѣхали около этого времени въ Петербургъ, и въ ихъ сообществѣ Императрица находила себѣ нѣкоторое утѣшеніе. Глубокая скорбь по неожиданной утратѣ не могла не имѣть самыхъ печальныхъ послѣдствій для здоровья Императрицы; біеніе сердца усилилось и обмороки слѣдовали одинъ за другимъ. Три врача постоянно слѣдили за ходомъ болѣзни, но и этого казалось слишкомъ малымъ: выписали изъ Москвы четвертаго врача. Только вечеромъ отъ восьми до десяти часовъ чувствовала себя Александра Ѳеодоровна нѣсколько легче, и часы эти она проводила окруженная дѣтьми.

Жизнь въ лѣтнихъ резиденціяхъ не была въ состояніи поправить здоровья Императрицы, потому что здѣсь все слишкомъ напоминало ей о покойномъ Государѣ; всѣ эти разбитые, по его приказанію, сады; всѣ эти имъ же построенные дворцы, казалось, говорили, что нѣтъ болѣе въ живыхъ ихъ прежняго владыки. Въ сосѣдствѣ съ Петерго-

фомъ стоитъ Кронштадтъ, къ которому тогда подступали непріятельскія суда и они видны были съ береговъ у Ораніенбаума. Политическія событія шли своей чередой; Императрица имѣла твердость духа спокойно выслушать извѣстіе объ отступленіи русскихъ войскъ изъ Севастополя. Государь отправился въ Москву, и по принесеніи тамъ, въ Кремлевскихъ соборахъ, вмѣстѣ съ Москвичами, молитвы Превышнему, поѣхалъ далѣе на югъ, призывая всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ къ формированію ополченія. Еще у всѣхъ живо въ памяти съ какимъ глубокимъ, искреннимъ патріотизмомъ вся Россія откликнулась на призывъ своего Монарха. Около Святокъ начались переговоры о мирѣ.

Александра Өеодоровна провела слѣдующую зиму почти безвыѣздно въ Зимнемъ Дворцѣ; здоровье ея было по прежнему слабо. Въ составѣ приближенныхъ Императрицы около этого времени произошла нѣкоторая перемѣна; нѣкоторые придворные, получили новыя должности и занатія при дворѣ ея сына-

Государя и ихъ мѣста заступили другія лица столь же преданныя Ея Величеству; многіе государственные люди, пользовавшіеся всегда ея вниманіемъ, теперь отдыхая отъ своихъ дѣлъ и занятій, и уступивъ свои мѣста новымъ дѣятелямъ, имѣли болѣе времени и досуга бывать въ обществѣ Императрицы. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ графъ Нессельроде, передавшій портфель министра иностранныхъ дѣлъ князю Горчакову. Кромѣ графа Нессельроде постоянными посѣтителями гостинной Государыни сдѣлались: баронъ Мейендорфъ, графъ Рибопьеръ, графъ Сумароковъ, графиня Баранова и графиня Тизенгаузенъ; въ обществѣ этихъ умныхъ и образованныхъ людей жизнь Александры Ѳеодоровны текла мирно и спокойно. Когда, изрѣдка, доктора совѣтовали Императрицѣ подышать свѣжимъ воздухомъ, то она, по прежнему, показывалась на улицахъ Петербурга въ своей обычной каретѣ, заложенной четверней, съ двумя казаками на запяткахъ.

Въ январѣ 1856 года Государыня

имѣла счастье благословить бракъ своего третьяго сына, Великаго Князя Николая Николаевича, съ дочерью принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, воспитанной въ Петербургѣ, вблизи Императорскаго двора; высокія душевныя и нравственныя качества новой невѣстки были давно извѣстны Императрицѣ и она съ тѣмъ бо́льшимъ восторгомъ радовалась счастью своего сына.

Наконецъ миръ былъ заключенъ и радостною вѣстью разнесся по всей Европѣ. Доктора, окружавшіе Императрицу, воспользовались этимъ случаемъ чтобы ускорить ея поѣздку къ купаньямъ въ Германіи. Здоровье Александры Θеодоровны было на столько слабо, что опасались, что она не доѣдетъ до Берлина; всѣ торжественныя встрѣчи и даже почетные караулы были воспрещены, чтобы не обезпокоить больной, которая такимъ образомъ тихо ѣхала отъ одного города до другаго; когда она пріѣхала въ Потсдамъ, то всѣ сомнѣвались въ сохраненіи ея жизни. Въ Берлинѣ она могла принимать только самыхъ близкихъ родныхъ

и на самыхъ короткихъ аудіенціяхъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV пользовался всякой свободною минутой, чтобы провести ее вблизи своей больной сестры. Государыня увидѣла здѣсь и доктора Мандта, который, послѣ смерти Николая Павловича, навлекъ на себя ненависть народа, истинно-преданнаго своему Монарху и удалился въ чужіе края.

По совѣту врачей больная выбрала мѣстомъ своего пребыванія Вильдбадъ, въ Виртембергѣ; ее сопровождалъ тогда баронъ Мейендорфъ. Государынѣ нужно было собраться съ силами, чтобы, возвратясь въ Россію, присутствовать на торжественной коронаціи сына. Государыня жила въ Вильдбадѣ, въ зáмкѣ Беллью, который Великая Княгиня Ольга Николаевна въ изобиліи украсила цвѣтами изъ своихъ штутгартскихъ оранжерей. Купанье быстро поправило здоровье Императрицы и она скоро могла уже показываться на открытомъ воздухѣ въ ручной коляскѣ. Послѣ девяти купаній, Александра Θеодоровна могла уже являться въ не-

большихъ собраніяхъ приближенныхъ лицъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ княгиню Воронцову и княгиню Ливенъ. Графъ Нессельроде находился также здѣсь. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій провожалъ Государыню, когда силы ея окрѣпли, при посѣщеніи благотворительныхъ учрежденій, основанныхъ матерью принца, Великою Княгиней Екатериной Павловной, королевой виртембергскою. Здѣсь же Великій Князь Михаилъ Николаевичъ просилъ благословенія своей матери на бракъ съ принцессой Цециліей Баденскою. Послѣ четырехъ-мѣсячнаго лѣченія, силы Александры Ѳеодоровны настолько поправились, что она могла отправиться въ обратный путь и благополучно возвратилась въ Петербургъ.

Коронованіе Императора Александра II въ Москвѣ сопровождалось необычайною пышностью и торжественностью: всѣ европейскія державы прислали своихъ представителей изъ знатнѣйшихъ государственныхъ людей; многіе германскіе принцы прибыли депутатами отъ своихъ земель. Импера-

трица сопровождала Государя въ Москву и вмѣстѣ съ нимъ, въ коронѣ и мантіи, второй разъ торжественно вступила въ Успенскій соборъ. На лицѣ Императрицы въ этотъ день можно было прочесть нетолько счастье видѣть своего сына на верху величія, но и заботу о тѣхъ громадныхъ трудахъ, которые вмѣстѣ съ короною возлагались на Монарха. Ей, какъ вдовѣ Императора, сподручнѣе другихъ было судить о трудностяхъ и заботахъ царя. Несмотря на слабость своего здоровья, Императрица присутствовала на торжественныхъ празднествахъ коронаціи и тѣмъ истощила свои и безъ того слабыя силы.

Осенью доктора сочли необходимымъ для Александры Ѳеодоровны жить въ южномъ, тепломъ климатѣ. Императрица отправилась чрезъ Варшаву въ Дрезденъ, гдѣ, встрѣченная королемъ Іоанномъ, остановилась въ помѣщеніи русскаго посольства. Представителемъ Россіи былъ здѣсь г. Шредеръ, старѣйшій изъ русскихъ дипломатовъ. Императрица на другой день осматривала дрез-

денскую галлерею и была въ восторгѣ отъ этого роскошнаго собранія лучшихъ произведеній искусства. Изъ Дрездена Государыня отправилась въ Штутгартъ, навѣстить свою дочь, проѣхала чрезъ Швейцарію, посѣтила Барромейскіе острова и въ началѣ ноября мѣсяца прибыла въ цвѣтущую и благоухающую Ниццу. Еще недавно враждебный Пьемонтъ встрѣчалъ русскую Императрицу со всевозможными почестями; принцъ Кариньянскій сопровождалъ ее изъ Ароны до Ниццы, а въ Генуѣ ее встрѣтилъ король, оказывавшій ей самую изысканную предупредительность.

Многое въ Ниццѣ напоминало Императрицѣ и ея свитѣ пребываніе въ Палермо. Графъ Апраксинъ, баронъ Мейендорфъ и графиня Тизенгаузенъ на этотъ разъ опять сопровождали Александру Ѳеодоровну. Цѣлое царство цвѣтовъ и великолѣпный видъ на море составляли особую прелесть этой резиденціи, отъ пребыванія въ которой Императрица сразу почувствовала облегченіе. Ницца вдругъ ожила и наполнилась

русскими и англійскими путешественниками. Великая Княгиня Елена Павловна, Великіе Князья Константинъ и Михаилъ Николаевичи навѣстили здѣсь Императрицу. Король Викторъ-Эммануилъ и принцъ Кариньянскій поочередно посѣщали Ниццу. Артисты, художники спѣшили съ своими произведеніями въ открытыя для нихъ настежь двери дворца русской Императрицы. Александра Ѳеодоровна сама мало выѣзжала и даже весь карнавалъ не показывалась въ городѣ. Императрица въ полномъ блескѣ явилась ниццскимъ жителямъ на особомъ торжественномъ праздникѣ; происходило открытіе новой улицы по направленію къ Виллафранкѣ. Александра Ѳеодоровна явилась окруженная муниципалитетомъ и собственноручно золотыми ножницами разрѣзала нить, повѣшенную поперегъ въѣзда въ новую улицу. Неисчерпаемыя благодѣянія посыпались, вслѣдъ за этимъ, отъ Августѣйшей гостьи на внимательныхъ къ ней жителей Ниццы. Государыня удостоила также посѣщеніемъ праздникъ по случаю дня рожденія

короля Виктора-Эммануила. Русская флотилія освѣтилась наканунѣ бенгальскими огнями и оркестры русской военной музыки привѣтствовали своими звуками высокаго новорожденнаго. Свѣтлое Христово Воскресенье Государыня встрѣтила въ своей домашней церкви и на третій день Пасхи отправилась на пароходѣ *Олафъ* въ Римъ, куда ее давно манила любовь къ исторической древности. Теперь, на склонѣ своихъ дней, она могла удовлетворить свое давнишнее желаніе и съ восторгомъ поспѣшила въ городъ Св. Петра.

Г. Гриммъ говоритъ, что Государыня, отъ восторга видѣть исполненнымъ свое давнишнее желаніе, посѣтить Римъ — лишилась сна. Всякіе торжественные пріемы, въ особенности пушечная пальба, были воспрещены; Императрица сѣла въ карету, заложенную шестерней, и отправилась во дворецъ Ронданини, отведенный для ея пребыванія. Дорога утомила Александру Ѳеодоровну и она второй день своего пребыванія въ Римѣ пробыла въ своемъ дворцѣ, гдѣ при-

нимала кардинала Антонелли, присланнаго съ привѣтствіемъ отъ папы. На третій день Императрица, со всей своей свитой, посѣтила Ватиканъ, гдѣ она цѣлые три четверти часа провела въ бесѣдѣ съ папой Піемъ IX, который въ послѣдствіи всегда отзывался объ Императрицѣ какъ объ истинной христіанкѣ. Александра Θеодоровна осмотрѣла затѣмъ всѣ достопримѣчательности Ватикана; она вернулась утомленною и слѣдующій день провела дома, принимая папу, который пріѣхалъ къ высокой путешественницѣ, окруженный всей своей гвардіей. Вскорѣ затѣмъ Пій IX уѣхалъ въ Лоретто и мѣсто гостепріимнаго хозяина въ Римѣ заступилъ кардиналъ Антонелли, который ознакомилъ Александру Θеодоровну со всѣми картинными галлереями вѣчнаго города. Государыня записывала въ дневникъ свои впечатлѣнія и такъ внимательно изучала осматриваемыя ею картины, что въ послѣдствіи могла говорить о каждой изъ нихъ съ такими подробностями, какъ будто картина и теперь была пе-

редъ нею. Въ сопровожденіи Великой Княгини Ольги Николаевны, ея супруга и наслѣднаго принца прусскаго, Императрица посѣтила куполъ Св. Петра, который произвелъ на нее глубокое впечатлѣніе и она съ удовольствіемъ видѣла свое имя вырѣзаннымъ на лѣстницѣ, хранящей имена всѣхъ высокихъ посѣтителей этого зданія. Два года послѣ Императрица вотъ какъ отзывалась объ этомъ осмотрѣ купола: „Я была поражена не видомъ города подъ мной и не видомъ отдаленныхъ горъ, но мною овладѣла мысль, что я стою надъ могилой вселенной; я была въ тоже время потрясена и возвеличена. Впечатлѣніе это было особенно сильно потому, что я видѣла Римъ въ возрастѣ и при обстоятельствахъ, когда наша душа объята серіознымъ взглядомъ на окружающее.“

Александра Ѳеодоровна удостоила своимъ посѣщеніемъ обѣдъ, который давалъ въ честь ея Антонелли въ Ватиканѣ; послѣ обѣда она отправилась осматривать, при освѣщеніи факелами, античный музей во дворцѣ папы.

— Для меня это было прогулкой въ древній міръ, разказывала черезъ годъ послѣ того Александра Θеодоровна. Я была не много испугана, увидѣвъ себя окруженною столькими изображеніями, которыя, при фантастическомъ освѣщеніи, казались почти живыми; я слышала много знакомыхъ и незнакомыхъ именъ. Многое я помнила еще изъ уроковъ моего учителя; многое живо воспрянуло въ моей памяти и многія образцовыя произведенія, которыя я знала по слѣпкамъ, представлялись мнѣ живыми, когда я видѣла оригиналы. Въ этой залѣ я останавливалась только передъ знакомыми мнѣ изображеніями и передъ моими любимцами. Казалось, что я должна прожить этотъ день въ каменной древности, потому что въ египетской залѣ, среди изваяній боговъ и героевъ, мнѣ приготовили ужинъ.

Во время своего пребыванія въ Римѣ, Государыня осчастливила своимъ вниманіемъ жившихъ тамъ русскихъ художниковъ. Князь Григорій Волконскій, сынъ бывшаго министра двора, по-

селившійся въ Римѣ, собралъ всѣхъ жившихъ тамъ тридцать пять русскихъ художниковъ и представилъ ихъ съ ихъ произведеніями Императрицѣ. Подъ конецъ пребыванія своего въ Римѣ Государыня видѣла нарочно для нея сдѣланную иллюминацію купола Св. Петра. Папа поднесъ Александрѣ Θеодоровнѣ, въ воспоминаніе о вѣчномъ городѣ, двѣ мозаики изображавшія въ вѣнкѣ изъ розъ виды Тиволи и церкви Св. Петра. Государыня отблагодарила папу и прислала ему изъ Петербурга бриліантовый крестъ.

Обратный путь свой Императрица держала на Туринъ и Женеву. Здѣсь она впервые познакомилась со вдовой Великаго Князя Константина Павловича, Великой Княгиней Анной Θеодоровной, избравшею своимъ постояннымъ пребываніемъ Швейцарію. Свита русской Императрицы поразила скромныхъ Женевцевъ блескомъ своимъ мундировъ и орденовъ. Но еще болѣе были поражены республиканцы скромностью Александры Θеодоровны и ея любовью изучать природу. Посѣтивъ

Лозанну, она отправилась въ Бернъ, гдѣ пролила слезы благодарности на могилѣ своей незабвенной воспитательницы, дѣвицы Вильдерметтъ. Отсюда она посѣтила Карлсбадъ, видѣла тамъ принцессу Цицилію, невѣсту своего младшаго сына и остановилась на нѣкоторое время въ Вильбадѣ, гдѣ жила въ прошломъ году. Около того же времени Императоръ, сопровождая свою супругу въ Киссингенъ, также пріѣхалъ въ Германію.

Въ августѣ мѣсяцѣ Императрица возвратилась въ Петербургъ, въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила Николаевича и его невѣсты, свадьба которыхъ была отпразднована въ концѣ того же мѣсяца. Зиму Государыня пользовалась достаточнымъ здоровьемъ; она жила въ своемъ дворцѣ, занимаясь чтеніемъ историческихъ сочиненій; ее окружала многочисленная семья, выказывавшая ей глубокое уваженіе; Александра Ѳеодоровна весьма интересовалась также воспитаніемъ своихъ внучатъ. За столомъ у нея бывали только четверо или пятеро изъ самыхъ прибли-

женныхъ къ ней издавна лицъ. Въ числѣ новыхъ лицъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ Императрицы, была графиня Ферзенъ, дочь генерала Рохова, бывшаго прусскаго посла при русскомъ дворѣ. По вечерамъ иногда Императрица Марія Александровна устраивала музыкальныя собранія и вдовствующая Государыня съ особымъ удовольствіемъ посѣщала ихъ. Въ это время все петербургское общество было занято вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Императрица принимала въ этомъ живѣйшее участіе.

Въ маѣ 1858 года Александра Ѳеодоровна присутствовала при торжественномъ освященіи Исакіевскаго собора. Лѣто она провела въ Петергофѣ и здѣсь съ величайшею скромностью отпраздновала день своего рожденія, ознаменовавъ его только посѣщеніемъ церкви. Осенью она переѣхала въ Царское Село, но здѣсь ея шестидесятилѣтнія силы замѣтно ослабли; здоровье сдѣлалось опять весьма сомнительнымъ; нетолько неосторожное пользованіе свѣ-

жимъ воздухомъ, но даже перемѣна температуры въ комнатахъ имѣли на здоровье Государыни большое вліяніе. Ранняя зима заставила Александру Θеодоровну ранѣе обыкновеннаго вернуться въ Петербургъ; она поѣхала въ топленой каретѣ. Здоровье ея зимой представляло постоянную опасность, такъ что доктора настойчиво требовали для ея спасенія новой поѣздки за границу. Императрица испугалась, услыша это рѣшеніе докторовъ.

„Неужели мнѣ нельзя провести послѣдніе годы моей жизни спокойно, въ кругу моихъ дѣтей! воскликнула она. Я устала отъ этихъ путешествій. Умирающій Государь завѣщамъ мнѣ жить для дѣтей, слѣдовательно среди ихъ, а не вдали отъ семьи."

Поѣздка въ Италію не прельщала болѣе, какъ прежде Императрицу; теперь она находила себѣ цѣль и утѣшеніе въ семьѣ. Почти всѣ друзья ея: княгиня Ливенъ, графиня Вельегорская, докторъ Мандтъ лежали уже въ могилѣ. Дворъ уже въ концѣ апрѣля мѣсяца переѣхалъ въ Царское Село, а

Императрица въ маѣ каталась въ открытой каляскѣ и надѣялась провести теплое лѣто въ Петергофѣ. Дѣйствительно 21-го мая, въ праздникъ Вознесенья, стояло 27 градусовъ тепла, но на другое утро пошелъ снѣгъ и наступила настоящая зима. Въ здоровьѣ Императрицы сдѣлалась такая же быстрая перемѣна, и доктора настояли на отъѣздѣ Александры Ѳеодоровны, въ іюнѣ же мѣсяцѣ. Пробывъ курсъ лѣченія въ Эмсѣ, Государыня прожила два мѣсяца въ Швейцаріи, попеременно то въ Интерлакенѣ, то въ Веве. Здоровье ея поправлялось, но духомъ Александра Ѳеодоровна не была спокойна. Она очень скорбѣла, что не могла присутствовать при празднованіи совершеннолѣтія Наслѣдника Престола.

События въ Италіи, за два года пребыванія Александры Ѳеодоровны въ Россіи, измѣнили политическій видъ этой страны. Правда, что пріѣхавъ на зиму въ Ниццу, Императрица нашла свою виллу въ томъ же цвѣтущемъ положеніи и короля Виктора-Эммануила

по прежнему предупредительно вѣжливымъ, но когда она оставляла Ниццу, то городъ этотъ уже былъ присоединенъ къ Франціи. Александра Ѳеодоровна не хотѣла уѣхать изъ владѣній французскаго императора, не поблагодаривъ его за гостепріимство. Въ маѣ 1860 года она отправилась въ Марсель, гдѣ была торжественно принята императоромъ и императрицей Французовъ. На другое утро она отправилась по желѣзной дорогѣ въ Женеву и была встрѣчена, при возвращеніи въ Петербургъ, съ обычными блескомъ и общею радостью. Конецъ лѣта Александра Ѳеодоровна провела въ Петергофѣ. Государь Александръ Николаевичъ и Государыня Марія Александровна отбыли на нѣсколько дней въ Москву, а вдовствующая Императрица переселилась осенью въ Царское Село, гдѣ ее глубоко огорчило извѣстіе о кончинѣ ея дяди, великаго герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго. Паденіе съ лошади Наслѣдника Цесаревича, не имѣвшее къ счастію печальныхъ послѣдствій, еще болѣе ослабило ея

напряженныя силы и она даже не могло присутствовать на семейномъ обѣдѣ 8-го сентября, въ день рожденія Наслѣдника Николая Александровича. Она обѣдала въ этотъ день на своей половинѣ, но во время стола, силы ея замѣтно слабѣли; почти безъ чувствъ слегла она въ постель, какъ только удалились приглашенные къ столу. Прекрасная погода въ срединѣ сентября, опять подкрѣпила здоровье Императрицы, такъ что она, однажды, выѣзжала кататься въ Павловскъ. Марія Александровна была въ это время беременна и должна была оставаться безвыѣздно во дворцѣ; всѣ заботы придворныхъ перенеслись на эту больную, такъ какъ Императрица-мать казалась поправившеюся въ здоровьи. 21-го сентября Императрица Марія Александровна благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ. 30-го сентября Государь уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ долженъ былъ имѣть свиданіе съ принцемъ-регентомъ прусскимъ.

Осень была самая холодная, дождли-

вая; Александра Θеодоровна слегла въ постель; доктора отчаявались въ ея выздоровленіи. Посланы были телеграммы съ печальнымъ извѣстіемъ къ Императору въ Варшаву и къ Великой Княгинѣ Ольгѣ Николавнѣ въ Штутгардтъ. Больная сама чувствовала безнадежность своего положенія и, хотя не жаловалась на страданія, тѣмъ не менѣе сама пожелала причаститься Св. Тайнъ. Глаза ея были полуоткрыты цѣлые шесть дней, но слухъ ея былъ чрезвычайно тонокъ и она слышала каждый шагъ, каждое движеніе вокругъ себя съ необыкновенною ясностью. Она выражала только желаніе скорѣе видѣть Государя и просила къ себѣ всю свою семью. Вечеромъ 16-го октября Императоръ возвратился; Александра Θеодоровна издали узнала его шаги; хотя усталый, Государь провелъ всю ночь у постели больной. На другой день происходили крестины Великаго Князя Павла Александровича. Государь не далъ себя обмануть тщетными надеждами о выздоровленіи нѣжнолюбимой матери и почти не отходилъ

отъ нея. Великая Княгиня Ольга Николаевна также выказывала самое искреннее участіе и соболѣзнованіе.

Во вторникъ, 18-го октября, Императрица чувствовала себя не много лучше; она узнавала окружающихъ и выказывала ко всѣмъ особенное расположеніе. Но къ вечеру болѣзнь усилилась и на другое утро къ двумъ часамъ пополудни пульсъ почти пересталъ биться. Государь былъ въ Павловскѣ; за нимъ послали и къ тремъ часамъ дворецъ Императрицы наполнился особами Царской Фамиліи и приближенными придворными. Докторъ Карелль объявилъ, что больная можетъ пробыть въ такомъ состояніи отъ пятнадцати до двадцати часовъ. Вся Царская Семья на колѣняхъ у постели больной молилась о ея выздоровленіи. Около восьми часовъ вечера пульсъ сталъ биться рѣже, глаза закрылись, но выраженіе лица было тихое, спокойное. Въ половинѣ девятаго докторъ объявилъ, что наступила агонія и смерть похитила Императрицу тихо, почти неза-

мѣтно для всѣхъ присутствовавшихъ при этой печальной сценѣ.

Долго сдержанная печаль окружающихъ разразилась общимъ плачемъ. Даже больная Марія Алаксандровна встала съ постели и пришла проститься съ своею свекровью. Вѣсть о смерти Государыни дошла до Петербурга и весь городъ облекся въ трауръ. Прахъ Государыни опустили въ землю въ петербургской крѣпости при громадномъ стеченіи народа.

Оканчиваемъ нашъ очеркъ жизни этой замѣчательной женщины слѣдующею выпиской изъ ея завѣщанія:

„Наша земная жизнь въ рукахъ Божіихъ и никто изъ насъ не знаетъ, когда наступитъ его послѣдній часъ. Поэтому я хочу, пока еще нахожусь въ полномъ сознаніи умственныхъ силъ, не откладывая далѣе, изложить письменно для моей семьи мои послѣднія желанія. Всѣ приложенія къ этому завѣщанію, написанныя, на разрозненныхъ листкахъ бумаги, изготовлены мною собственноручно въ разное время. Не всѣ эти желанія могутъ быть

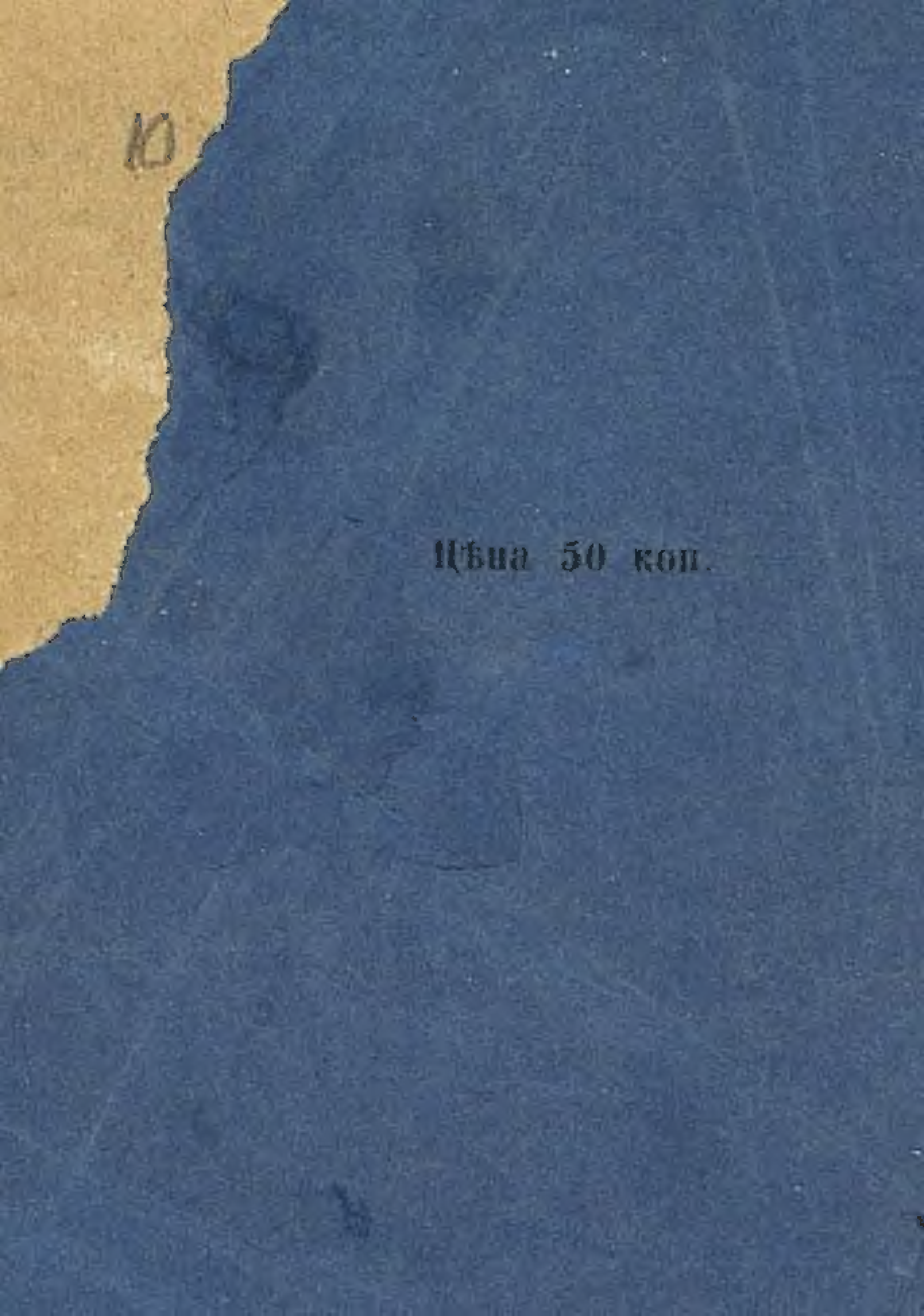
теперь приведены въ исполненіе, потому что многіе возлюбленные близкіе мнѣ лежатъ уже въ могилѣ. Я часто спрашиваю себя, какъ я, слабое тщедушное созданіе, имѣла силу перенести тѣ ужасныя утраты, которыми Провидѣнію угодно было испытать меня. Если я не изнемогла отъ горя по смерти моего Государя и нѣжнолюбимаго супруга, то за это я должна благодарить ту предупредительную заботливость, которою меня постоянно окружали всѣ мои дѣти. Ихъ любовь сохранила мою жизнь и въ особенности неусыпная забота и нѣжность моего возлюбленнаго сына—Императора Александра. Окруженная такою теплою дѣтскою любовью, могла я противустоять жесточайшимъ ударамъ судьбы и пережить супруга, жизнь котораго была моею собственною жизнью. Изъ глубины сердца благодарю тебя, мой добрый сынъ Александръ, и тебя искреннолюбимая невѣстка Марія, и всѣхъ васъ одинаково любимыхъ мною дѣтей; ваша истинная, откровенная любовь сохранила мнѣ жизнь. Да воз-

наградитъ небо васъ и вашихъ потомковъ за это стократъ. Вы будете читать эти строчки, когда меня уже не будетъ въ живыхъ; но во мнѣ живутъ вѣра и убѣжденіе, что связи, соединяющія насъ въ жизни, не будутъ разорваны смертью и что благословеніе вашего отца и мое будутъ сопровождать и охранять васъ въ продолженіе всей вашей жизни. Я желаю, чтобы моя семья годъ послѣ моей смерти прожила въ городѣ и на дачѣ въ моихъ комнатахъ и я надѣюсь и вѣрю, что тамъ, гдѣ я была счастливѣйшею супругой и матерью, будутъ наслаждаться такимъ же счастіемъ вы и дѣти ваши. Когда вы изъ окна моего кабинета посмотрите на прекрасную Неву, на которой такъ часто и съ такимъ наслажденіемъ отдыхалъ мой взоръ, то почтите воспоминаніемъ любви крестъ на куполѣ церкви петропавловской крѣпости, въ которой въ это время я буду покоиться."

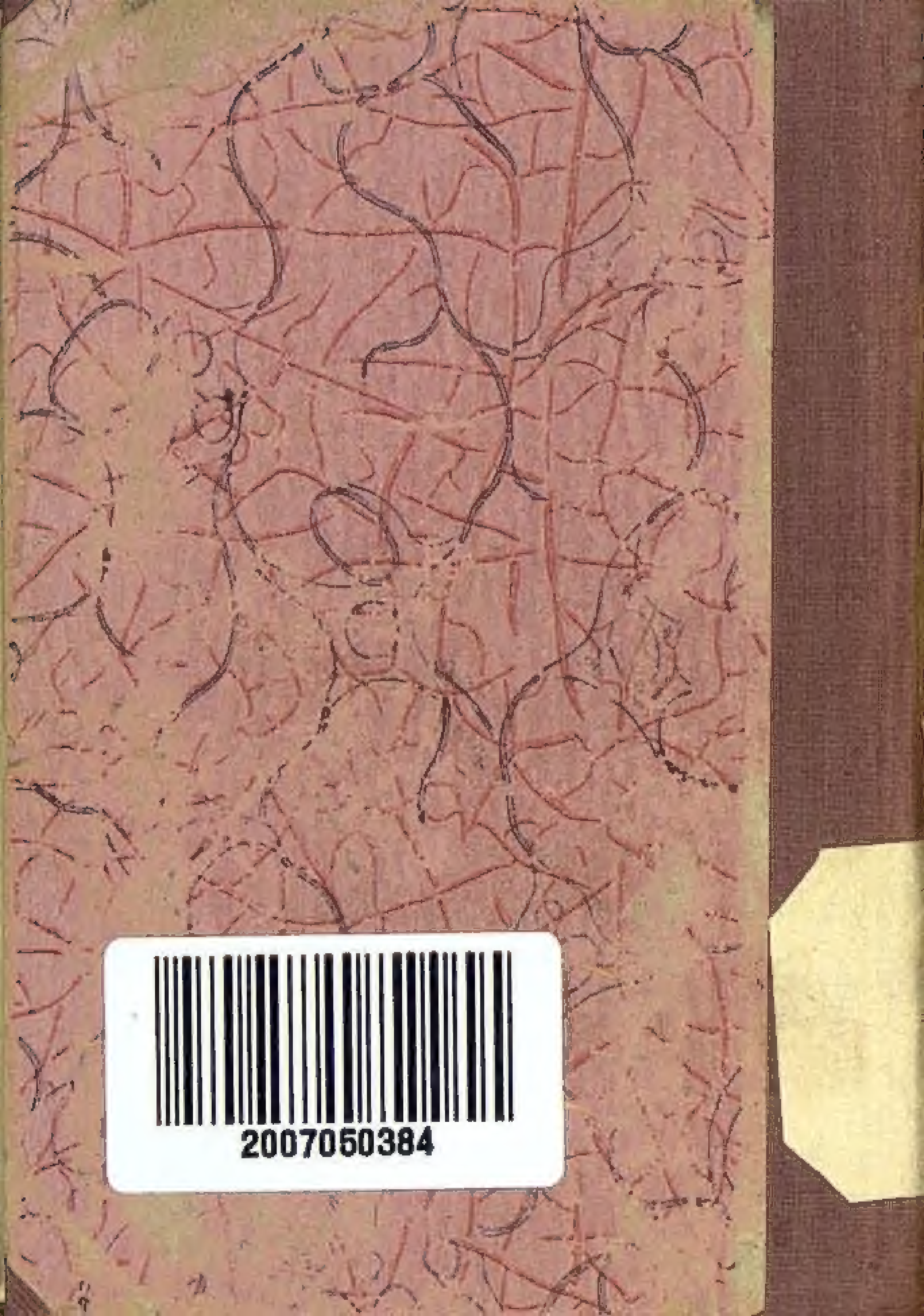
К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стр.

Цѣна 50 коп.

2007050384